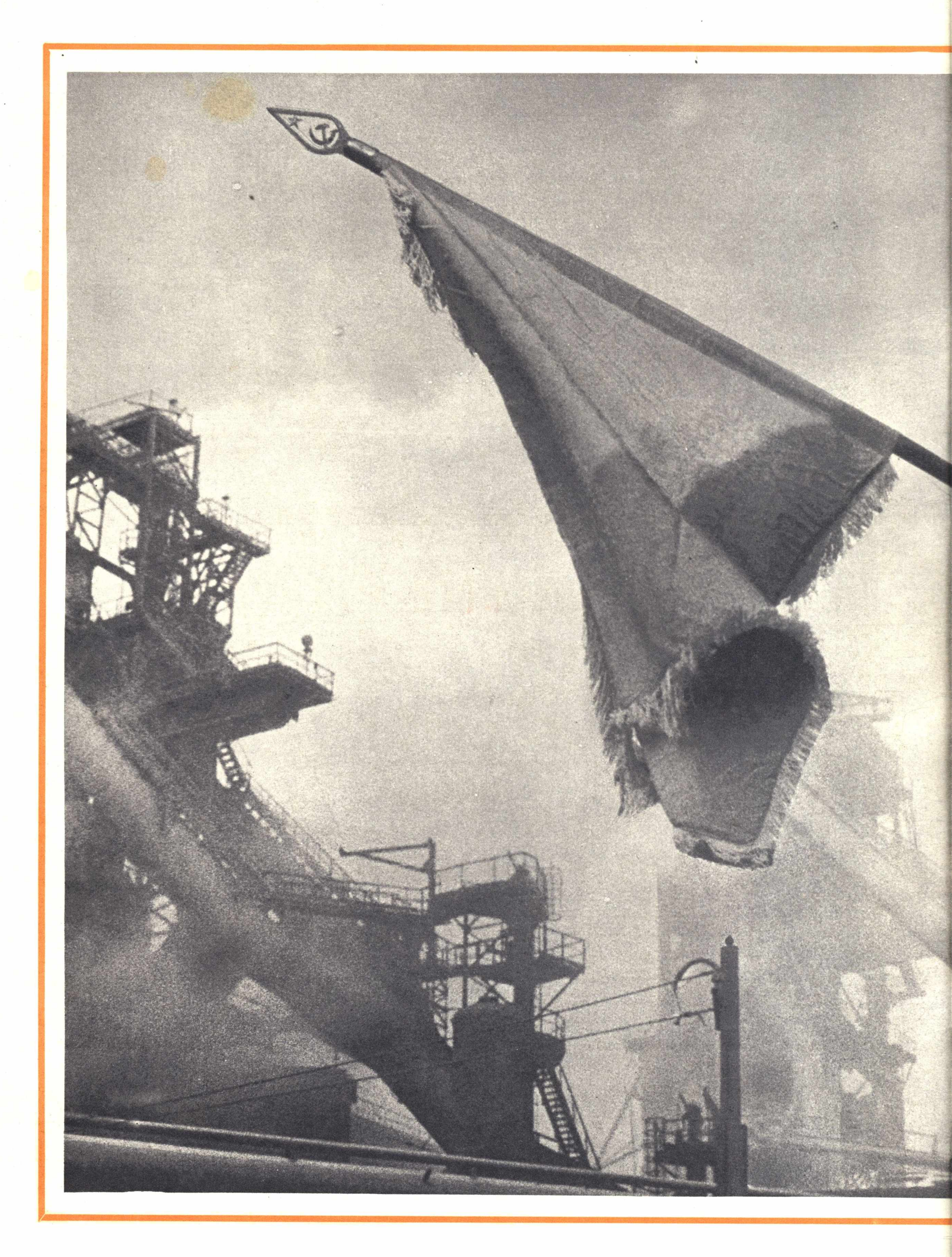

ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



РЕПОРТАЖ ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЯ

ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ БЕЗ ОГНЯ

А. ЩЕРБАКОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

«Запорожсталь». Это знамя было вручено молодым металлургам за доблестный труд.

«Дорогая редакция «Огонька»!

В 1949 году мы, группа молодых уральских металлургов, приехали на «Запорожсталь» (потом по состоянию здоровья я вынужден был покинуть завод и уехать из города). Город и завод к тому времени из послевоенной разрухи уже подняли. Но стройка продолжалась... Меня направили в бригаду сталевара Григория Пометуна. Комсомольско-молодежная, она тогда уже славилась скоростными плавками. Первым подручным был Федор Сопетка, Иван Каёла и я — вторыми подручными...

Позже из печати я узнал, что Пометун и Каёла стали знатными сталеварами, и я горжусь, что мне пришлось работать вместе с ними, хотя и недолго. Тогда славился еще молодой сталевар Алексей Небылицын... Многих фамилий вспомнить не могу за давностью лет. Расскажите, пожалуйста, о людях завода «Запорожсталь», с которыми я прежде вместе работал. Интересно, как теперь все выглядит, в частности 11-й поселок, где мы тогда жили?..

**С приветом. Ваш читатель
Запольских Федор Михайлович,
Красноуфимск, Свердловской области».**

Письмо Федора Запольских мы привели не полностью. В нем много имен, деталей, названий городских районов, улиц... Понятно: человеку хочется узнать по возможности подробнее обо всем, что стало когда-то частицей его биографии. Но рассказать обо всем — пусть Федор Михайлович не будет в претензии — просто невозможно. Расскажем поэтому о самом, на наш взгляд, значительном и интересном.

В мартеновском цехе — пиршество огня. Не верится, что кто-то способен унять, усмирить его бунт, остановить неистовую пляску. Но стоит хотя бы час побыть рядом с рабочими, и становится ясно: беснующееся пламя целиком подвластно им. Огонь у них на службе. Помогает выплавлять металл.

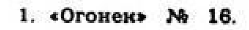
Огнем и умением добывается сталь.

Огнем и умением... С рабочим народом сходишься удивительно быстро. Едва освоился в этом огненном доме, а уж и знакомый есть — Михаил Тимофеевич Гончаров, контролер ОТК. Рассказчик хороший.

— В сталеварении, поверьте моему тридцатилетнему опыту, талант нужен. Обязательно талант.

Окончание — на 7-й стр.





ВИЗИТ ДРУЖБЫ



3 апреля Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин был принят шахиншахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви.

Фото ТАСС.

Со 2 по 7 апреля Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин находился с официальным визитом в Иране. Глава Советского правительства был приглашен Премьер-Министром шахиншахского правительства Ирана Амиром Аббасом Ховейдой.

Товарищ А. Н. Косыгин имел встречи и дружеские беседы с Его Величеством шахиншахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви, Премьер-Министром А. А. Ховейдой и другими членами шахиншахского правительства Ирана.

В ходе этих встреч и бесед, проходивших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, состоялся обмен мнениями по актуальным проблемам современного международного положения и укрепления мира и международной безопасности.

Особое внимание было уделено отношениям между СССР и Ираном. Стороны с удовлетворением отметили, что благоприятное развитие советско-иранских отношений стало важным фактором, оказывающим положительное влияние на обстановку в районе Среднего Востока.

Во время пребывания в Иране Председатель Совета Министров СССР и сопровождающие его лица посетили, кроме Тегерана, Исфаган и Шираз, где осмотрели промышленные предприятия, научные и культурные учреждения, исторические памятники, ознакомились с жизнью иранского народа, имели встречи с представителями различных слоев населения. Теплая встреча, оказанная Председателю Совета Министров СССР, свидетельствует о дружественных чувствах иранского народа к советскому народу.

12 апреля — День космонавтики

Николай **ДИМЧЕВСКИЙ**

ЧУВСТВО НОВОГО ВЕКА

В стихию пространства —
напором ума и металла!
Рядом звезды,
и где-то внизу, на клубящемся дне,
точно угли костра в темноте разметало,
улеглись города в глубине.

Машина — отросток, побег нашей мысли,
она продолженье
наших рук, нашей кожи и глаз...
И полет ее — наше движенье,
это дерзость,
что в наших сердцах родилась!

Мы в полете,
мы в пламени века.
Пускай неохотно
принимает нас грозная синь!
Но ломаются грани пространства,
и рвутся полотна,
отделившие землю
от звездных пустынь!



Фото А. Бочинина.



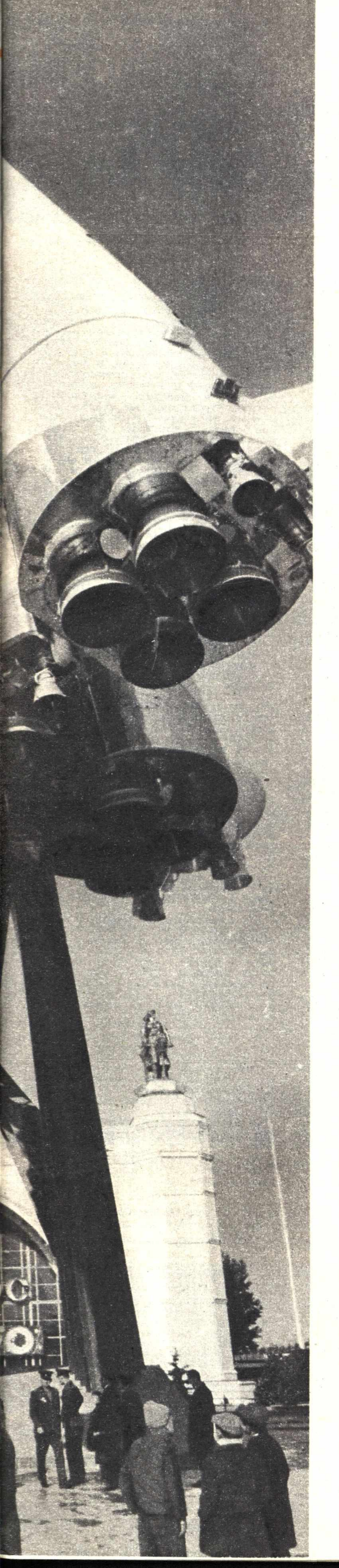
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 16 (2129)

Основан 1 апреля 1923 года

13 АПРЕЛЯ 1968





В Музее К. Маркса и Ф. Энгельса. Москва.
Фото М. Савина.

ОСНОВОПОЛОЖНИК НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

Опубликованы тезисы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к 150-летию со дня рождения Карла Маркса.

Советские люди получили огромной силы документ для изучения жизни и деятельности великого основоположника научного коммунизма.

Вместе со своим соратником и единомышленником Фридрихом Энгельсом Карл Маркс высоко над всей планетой поднял знамя борьбы за коммунизм, научно обосновав неизбежность гибели власти капитала, вооружил рабочий класс пониманием своей исторической миссии, как могильщика эксплуататорского строя и творца социалистического общества. Разработанное Марксом в содружестве с Энгельсом учение представляет собой целостное мировоззрение, стройную систему философских, экономических и социально-политических взглядов. Созданы научная политическая экономия, теория и программа революционного рабочего движения, определены важнейшие принципы стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата. Центральное место в теории научного социализма занимает учение о диктатуре пролетариата. По словам Карла Маркса, новое, что им внесено в понимание классовой борьбы, заключается в том: «1) что **существование классов** связано лишь с **определенными историческими фазами развития производства,** 2) что классовая борьба необходимо ведет к **диктатуре пролетариата,** 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к **уничтожению всяких классов** и к **обществу без классов».**

В великой борьбе за переустройство общества рабочий класс выступает выразителем интересов всех эксплуатируемых капиталом трудящихся и прежде всего крестьянства.

К. Маркс и Ф. Энгельс глубоко верили в революционные возможности России, считая вместе с тем, что русская революция будет иметь величайшее значение для Европы, для победы пролетарской революции на Западе.

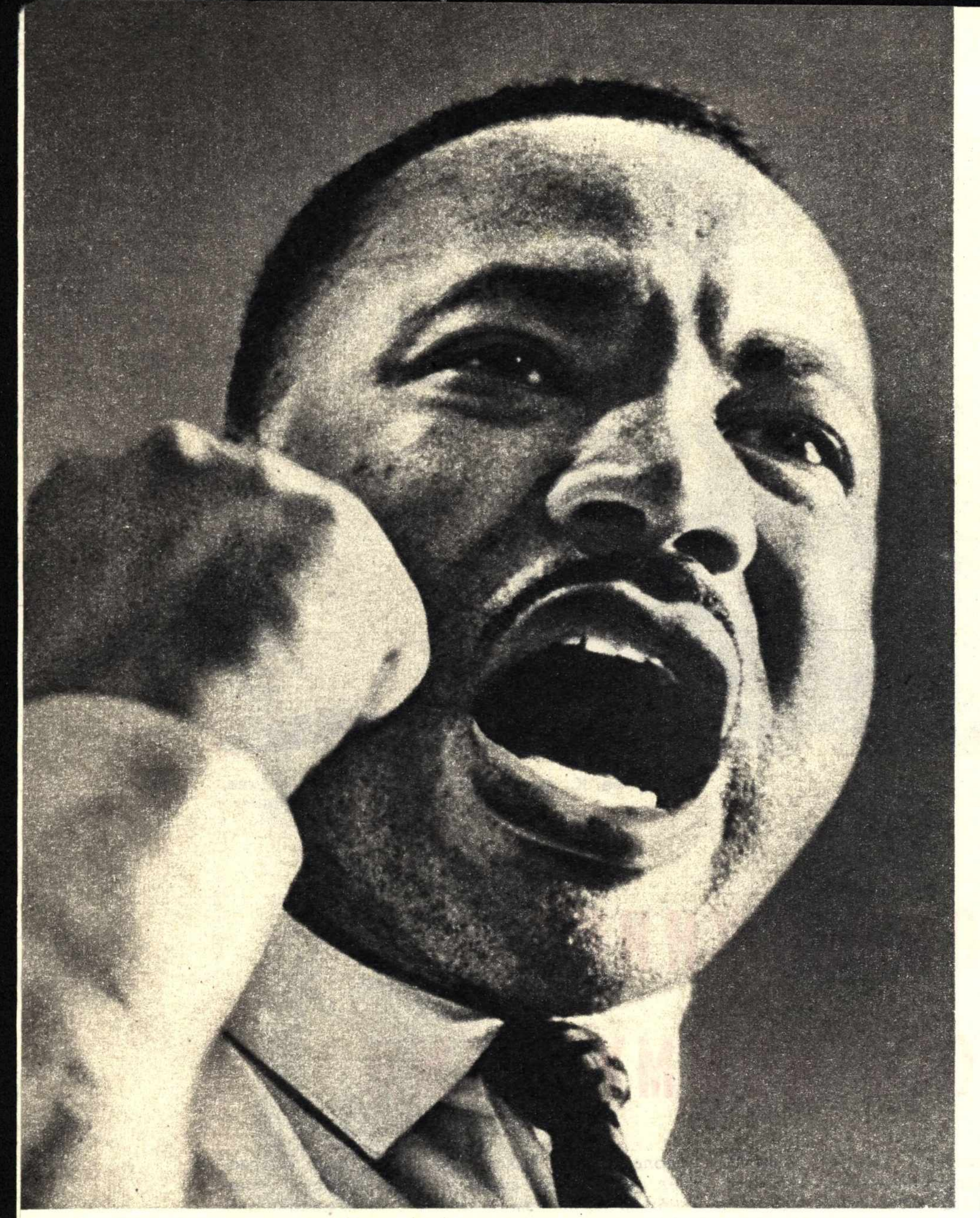
Гениальный продолжатель дела и учения Карла Маркса Владимир Ильич Ленин обеспечил творческое развитие марксизма в условиях империализма и пролетарских революций, всесторонне развил и обогатил теорию, стратегию и тактику революционного действия, решительно борясь с буржуазными идеологами, ревизионистами и догматиками. Марксизм-ленинизм, будучи высшим достижением мировой общественной мысли, носит критический, революционный и глубоко творческий характер. Непрерывное обогащение революционной теории, отказ от устаревших положений и выдвижение новых, отвечающих изменяющейся действительности, есть важнейшая черта марксизма. Идея развития пронизывает собой все учение Маркса—Энгельса—Ленина.

Интернациональная солидарность рабочего класса, его коммунистического авангарда, верность марксизму-ленинизму, защита чистоты революционной теории — вот в чем сила мирового пролетарского движения, вот в чем основа борьбы за коммунизм. Подрыв международного единства коммунистов — тягчайшее преступление перед рабочим классом всего мира. Вот почему марксисты-ленинцы решительно отвергают всякие попытки пекинских руководителей внести раскол в мировое коммунистическое движение и подменить научный коммунизм антимарксистскими «идеями Мао Цзэ-дуна».

Правда жизни на стороне марксизма, он и впредь будет одерживать победы, приближая время полного торжества коммунизма.

Состоявшаяся недавно Консультативная встреча 66 коммунистических и рабочих партий в Будапеште признала необходимым созыв нового международного Совещания коммунистических и рабочих партий в ноябре—декабре 1968 года. Цель Совещания — укрепить единство коммунистического движения, содействовать сплочению всех сил социализма и демократии в борьбе против империализма, за национальное и социальное освобождение народов и за мир во всем мире.

Тезисы к 150-летию со дня рождения Карла Маркса будут взяты на вооружение борцами за коммунизм во всех странах света.


Выступает Кинг.

Новое преступление американских расистов:

убит Мартин Лютер Кинг

Оптический прицел реакции

4 апреля в шесть часов вечера на балконе мотеля «Лорейн», в городе Мемфисе (штат Теннесси), был убит выстрелом из окна противоположного дома Мартин Лютер Кинг. Пуля поразила одного из выдающихся руководителей движения американских негров за равноправие, общественного деятеля, выступавшего против агрессии США во Вьетнаме, лауреата Нобелевской премии мира, отца троих детей.

На том месте, откуда стрелял убийца, осталась винтовка с оптическим прицелом. Сам преступник, которого описывают как чисто выбритого человека между 26 и 33 годами, с длинным, острым носом, с квадратными челюстями и «обычными» глазами, удрал с места убийства и до сих пор не обнаружен.

А Соединенные Штаты охватила новая волна антирасистских выступлений, вспыхнувших от угасшей жизни Кинга, как порох от искры.

Винтовка с оптическим прицелом становится в Соединенных Штатах своего рода символом реакции. Расисты и фашистские последыши знают, в кого наводить перекрестья оптических прицелов: в тех людей, которые нужны настоящей Америке и которых так ненавидит Америка алчного бизнеса, расизма, черной реакции.

Мартин Лютер Кинг прожил недолгую жизнь. Ему было тридцать девять, когда его нашла смертоносная пуля чисто выбритого негодяя. И эта жизнь не была мирным и спокойным течением дней. Кинг был сторонником ненасильственных действий. Но годы, прожитые им, были мятежными и полными борьбы и схваток. Он вставал во главе массовых демонстраций противников расизма и войны и мужественно шел вперед. В ответ на это на него устраивались покушения, его сажали в каменные мешки тюремных камер, его били полицейскими дубинками. Он знал, что ему грозит.

После смерти Кинга его жена Коретта Кинг сказала: «Мой муж смотрел на возможную смерть без горечи и ненависти. Он знал, что он живет в больном обществе, целиком зараженном расизмом и насилием, которое ставило под сомнение его личность, клеветало на мотивы его действий и искажало его взгляды и которое в конце концов должно было привести его к смерти, но он боролся до последней капли своей энергии».

Длинна история преступлений расистов в Соединенных Штатах Америки. Но, смотря на нее, вспоминая годы борьбы негров против рабства и дискриминации, нельзя не видеть одного: борьба за человеческое достоинство, против черной сотни расизма, становится все увереннее, все мощнее, а расисты делаются трусливее. Когда-то негров открыто, на виду у всех засекали плетьми до смерти. Потом представители «высшей расы» и «сверхчеловеки» начали прятать свое обличье под балахонами и колпаками ку-клукс-клана. Ныне все чаще они прибегают к подлейшим убийствам из засад. В Америке, в обществе, построенном на эксплуатации и эгоизме, на праве дубинки и доллара, происходит раскол. Пусть еще не совсем заметный, он становится все глубже. Все больше людей, таких, как Мартин Лютер Кинг, и других, черных и белых, разных профессий и убеждений, восстают против законов общества, убивающего своих членов из винтовок с оптическим прицелом, заставляющих людей страдать от неравенства и голода, от войны и преступлений.

Мартин Лютер Кинг погиб на посту. Он не дожил восемнадцати дней до похода борцов против расового неравенства и нищеты на Вашингтон — похода, который он подготовлял. В конце апреля из 15 самых ужасных гетто США в столицу должны были двинуться три тысячи человек, чтобы расположиться на вашингтонских улицах и площадях и на вашингтонских окраинах в палаточных городках. Этот поход бедняков, по мысли Кинга, рассчитан на то, чтобы «привлечь внимание американской и международной общественности к бесправному положению негров в США». Кинг говорил: «Мои соратники готовы оставаться всю весну, лето и осень в Вашингтоне. Их не запугают ни армия, ни национальная гвардия». Сейчас, когда Кинга больше нет, продолжатели его дела обещают довести задуманное им до конца.

В борьбе креп характер Кинга, ширилось понимание им американских проблем. Не случайно он оказался в рядах тех американцев, которые требуют положить конец преступлениям США во Вьетнаме. Вот еще одна фраза из выступления его жены. Она сказала, что Кинг «отдал свою жизнь за всех бедняков мира, за уборщиков улиц в Мемфисе и за крестьян Вьетнама».

Да, пуля, которая вошла в тело Кинга, сделана из того же свинца, что и пули, которыми стреляют по вьетнамцам. Одно преступление породило другое. Это закономерно.

...А Америка бурлит. Приходят сообщения: в Вашингтоне пожары, в американскую столицу прибывают новые войска, волнениями охвачены двадцать, пятьдесят, восемьдесят городов США.

Жгучая скорбь Америки по Кингу отлична от официальной скорби власть имущих в США. Траурными речами не скрыть новых расовых преступлений. В дни, когда Америка прощается с Кингом, на улицах американских городов снова льется кровь негров.

И в Соединенных Штатах ждут нового «жаркого лета»...

А. СЕРБИН

Участники чрезвычайной сессии Генерального совета Всемирной Федерации Профсоюзов, открывшейся в Москве 8 апреля, почтили минутой молчания память выдающегося сына Америки — Мартина Лютера Кинга. Вот что сказали нашему корреспонденту по поводу злодейского убийства Кинга представители трудящихся:

ХУАН АНХЕЛЬ ТОЛЕДО, генеральный секретарь Конгресса текстильщиков Уругвая: Я был возмущен, все мы были возмущены, да и не только мы — все прогрессивные силы мира. Расовая ненависть — это чудовищно. Мы будем бороться с ней так же, как мы боремся за демократию, мир и свободу.

ДЖАЕЗИРИ МЕНДИС, секретарь Союза медицинских работников Цейлона: Да, они убили Кинга. Наша страна далеко от США, но мы, цейлонцы, тоже скорбим о нем. Он был мужественным человеком.

РАШЕД СОЛИМАН, член руководства международной конференции арабских трудящихся: Когда мы узнали об этом, мы были поражены. На память приходит убийство Кеннеди. Смерть Кинга — большая потеря.

МУНДО ПАРАИЗО, генеральный казначей Всеобщего союза трудящихся Дагомеи: Новость об убийстве Кинга произвела на нас огромное впечатление. Вот пример отношения американцев к своим черным братьям. Дома они расисты, а у нас, в Африке, делают вид, что хотят дружить с нами. Чего они хотят, эти люди, я спрашиваю себя. Ведь Кинг был сторонником ненасильственных действий. Значит, они предпочитают насилие!



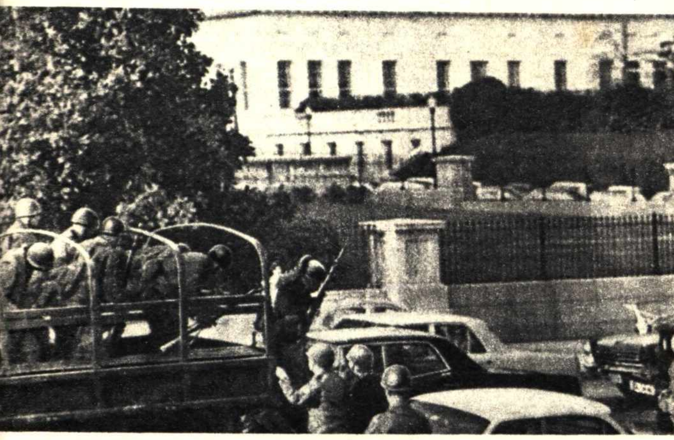
Его убили на этом балконе.



Вашингтон в дыму пожаров.



Марш памяти Кинга в Нью-Арке (штат Нью-Йорк).



Солдаты федеральных войск высаживаются у Белого дома в столице США, охваченной антирасистскими выступлениями.

Снова льется кровь негров. Это — еще одно преступление расизма. За последние дни убито более двадцати человек...

Фото ТАСС, ЮПИ.



СОЛИДАРНОСТЬ МИРА С БОРЮЩИМСЯ ВЬЕТНАМОМ

В центре Москвы, на Доме профессиональных союзов, полощутся красные транспаранты. Там, в Колонном зале, собрались представители трудящихся пяти континентов, объединившихся под знаменем ВФП — Всемирной Федерации Профсоюзов. Впервые за более чем двадцатилетнюю историю своего существования ВФП проводит чрезвычайную сессию Генерального совета. И это не случайно: у чрезвычайной сессии чрезвычайный повод — непрекращающаяся агрессия США против вьетнамского народа. Само проведение этого профсоюзного форума свидетельствует о значении, которое придают борьбе вьетнамского народа люди труда во всех странах земли.

Цель настоящей сессии, по словам генерального секретаря ВФП Луи Сайяна,— «усилить и расширить солидарность трудящихся и профсоюзов всего мира с вьетнамским народом и более широко и с еще большей силой осудить агрессию американских империалистов».

Сессия проходит в то время, когда американским интервентам нанесены сокрушительные поражения, когда осуждение агрессии США во всем мире и в самой Америке достигло небывалой силы.

Международное рабочее движение, заявил представитель профсоюзов Южного Вьетнама Чан Хоай Нам, «внесло активный вклад в общее движение народов всего мира в поддержку вьетнамского народа, борющегося против агрессивного американского империализма».



Фото А. Сербина.

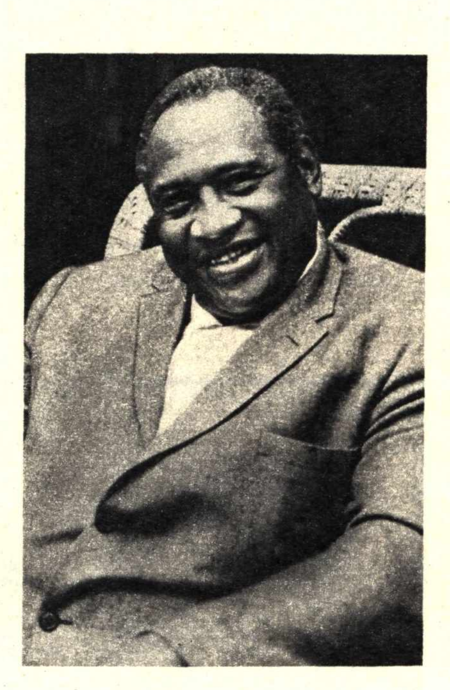
Но рабочий класс, трудящиеся не могут остановиться на этом. «...У международного рабочего класса нет сейчас более насущной, более важной интернациональной задачи, чем задача положить конец агрессии американского империализма во Вьетнаме, оказать всемерную помощь героическому вьетнамскому народу»,— так считают советские профсоюзы, и об этом заявил с трибуны Генерального совета Председатель ВЦСПС А. Н. Шелепин.

Трудовой люд земли единодушно поддерживает проведение по всему миру Первомайского праздника этого года под лозунгом: «Американцы, вон из Вьетнама; Вьетнам — вьетнамцам!»

А. ИГНАТОВ

●

ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН АМЕРИКИ



Исполнилось семьдесят лет Полю Робсону — пламенному патриоту Америки, замечательному певцу и артисту, бесстрашному борцу за справедливость и прогресс человечества.

Кристально чистая жизнь Поля Робсона отдана искусству, а искусство свое он посвятил борьбе против мракобесия и расизма, за счастье и братство людей. Вот почему во всем мире, на каждом континенте у Поля миллионы и миллионы друзей. Но у него немало и врагов. Все низкое и подлое в Соединенных Штатах встает против певца и гражданина. Ему грозят фашиствующие подонки, официальная Америка хотела посадить его за решетку, Полю Робсону запрещали выезд из страны и пытались помешать его творчеству. Но Робсон не сдается никогда. Он выходил на подмостки, как на бой, он вел борьбу за честь человека и за дружбу народов на сотнях концертов, встречах, международных конгрессах.

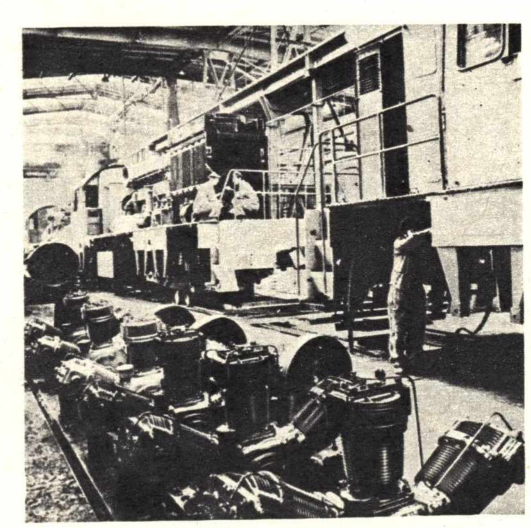
Поль Робсон — друг нашей страны. Его голос звучал в нашей стране в концертных залах и рабочих клубах; он всегда с охотой встречался с советскими людьми, когда бывал у нас в гостях. Поль Робсон любит людей, и поэтому он всегда с удовольствием откликается на просьбу журналистов выступить на страницах печати, чтобы раскрыть свою душу людям.

В нашем архиве мы взяли письмо, полученное как-то от Поля Робсона. В этом письме в наш журнал он снова подчеркнул свои теплые, дружеские чувства к Советской стране. В письме есть такие строчки:

«Я часто с удовольствием читаю «Огонек». Вести летопись огромного роста и растущего влияния вашей страны и всего социалистического мира — это должно доставлять глубокое удовлетворение, это большая задача».

Читатели «Огонька» не раз встречались с Полем Робсоном на страницах журнала. В поток поздравлений, которые получил и получает Поль Робсон, мы добавляем приветствия и самые добрые пожелания наших читателей великому гражданину Америки.

СОТРУДНИЧЕСТВО



В цехе индустриального гиганта «ЧКД-Прага» идет сборка дизель-электровозов, предназначенных для Советского Союза.

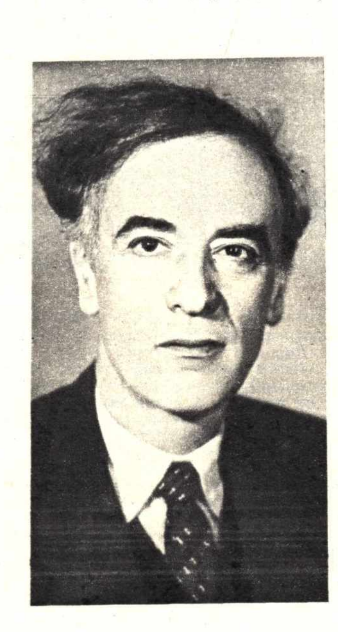
Весенний месяц апрель в Чехословакии — это преддверие большого всенародного праздника — Дня освобождения, который страна торжественно отмечает в столь знаменательный для всего человечества день 9 мая. За время, прошедшее после исторической весны сорок пятого, трудящиеся Чехословакии много сделали для того, чтобы превратить свою родину в экономически развитое, независимое государство. Их труд — это новые заводы и фабрики, электростанции, школы и театры. Промышленная продукция социалистической Чехословакии экспортируется во многие страны мира. Первое место во внешней торговле ЧССР занимает Советский Союз — на его долю приходится более трети экспорта республики, являющейся одним из основных торговых партнеров нашей страны. Экономическое сотрудничество между СССР и ЧССР осуществляется на равноправной и взаимовыгодной основе. Плоды такого сотрудничества — это нефтепровод «Дружба», химический комбинат в Братиславе «Славнафт» и металлургический комбинат в Кошице, построенные при техническом содействии Советского Союза, это чехословацкое оборудование в цехах советских металлургических заводов в Новолипецке и Череповце, это комплекты цементных, сахарных и других заводов, поставленных нам братской страной.

Равноправие, взаимная поддержка, доверие — вот те основные принципы, на которых зиждется братская дружба, связывающая народы Чехословакии и Советского Союза, наши коммунистические партии.



На выставке «50 лет Вооруженных Сил СССР» в Пражском музее В. И. Ленина.

Фото ЧТК — ТАСС.



Первого апреля 1968 года умер Лев Давидович Ландау — один из крупнейших физиков современности. Ему было 60 лет. Свою первую работу он написал в 1927 году, в 19 лет. С самого начала и на протяжении всей жизни ученый занимал совершенно особое место в науке.

Всем хорошо известны отдельные, бросающиеся в глаза достижения физики твердого тела — полупроводники, лазеры, сверхпроводники. Но это лишь продукты науки, которая являет собой стройное здание, образует сложную и безупречную систему. Можно назвать имена физиков — авторов конкретных изобретений и открытий. Л. Д. Ландау строил саму систему, создавал тот научный язык, на котором говорят современные физики.

Смерть Л. Д. Ландау — огромная потеря для советской науки. Его имя навсегда останется в истории человеческого знания. Память о нем будет жить в сердцах тех, кто его знал.



НАРОДНЫЙ ПОЭТ

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Восемьдесят пять лет тому назад в бедной крестьянской семье в деревне Губовка, Херсонской губернии, родился Ефим Алексеевич Придворов. Ему суждено было стать выдающимся революционным поэтом, оказавшим большое влияние на развитие дооктябрьской революционной, а затем советской поэзии. Как один из основоположников советского поэтического слова, он по праву стоит в одном ряду с В. Маяковским и С. Есениным. Член Коммунистической партии с 1912 года, выдающийся революционер, Демьян Бедный был соратником В. И. Ленина, который высоко ценил поэтический талант крупнейшего мастера пафосной поэзии и политической сатиры.

Демьян Бедный вырос на творческих истоках народной русской поэзии. На основе страстной революционности, глубокой партийности он стал по существу своего творчества подлинно народным поэтом. Ему принадлежат такие жемчужины поэзии, понятые и принятые народом, как знаменитая песня «Проводы» («Как родная меня мать провожала...»), «Снежинки» — скорбная песня, выразившая великую всенародную боль по поводу смерти В. И. Ленина, эпическая поэма о нашей народной революции «Главная улица» и многие другие произведения.

Один из ближайших соратников В. И. Ленина, В. Д. Бонч-Бруевич, писал, что еще в дореволюционные годы именно В. И. Ленин обратил внимание на Демьяна Бедного, «...на этого молодого, даровитого поэта и советовал нам как можно ближе привлечь его в нашу среду, к нам в газету. Он характеризовал его произведения, как весьма остроумные, прекрасно написанные, меткие, бьющие в цель. И с тех пор он неизменно относился самым внимательным образом к творчеству Демьяна Бедного».

Из писателей-современников, которые хорошо знали Демьяна Бедного и глубоко понимали его творчество, заслуживает особого внимания малоизвестный отзыв П. Павленко. В нем писатель называет Демьяна Бедного трибуном и революционером. Он видит прекрасное и знаменательное противоречие в том, что, глубокий и нежный романтик, вдумчивый лирик, Демьян Бедный весь с головой ушел в басню, в политический лубок, что он в романтику вплетал слишком много от политики, а политику насыщал богатым ворохом романтического элемента... П. Павленко находил в творчестве Демьяна Бедного признаки такой гениальности, которая не осуществила себя до конца...

Произведения Демьяна Бедного пользуются большой любовью в народе.

А. ПРЯМКОВ

Начало — на 1-й стр.

ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ БЕЗ ОГНЯ

Можно и технологию постигнуть и организацию процесса усвоить, а плавки хорошей не выдашь. Простите за житейское сравнение: две хозяйки всю жизнь борщ варят, у одной — объедение, другая подаст — век бы такого борща не пробовал. А сталь — это тебе не борщ, блюдо капризное. Надо особое чутье иметь, чтоб понять, как она себя в печке ведет, иначе углерод или серу не поймаешь — и не та плавка. А есть мастера! Ух, мастера есть! Вон Григорий Пометун — этот как будто родился, чтоб сталь варить!

...Григорий Пометун... Конечно, он самый. Сталевар. Комсомольско-молодежная бригада. Первые послевоенные годы. Первые скоростные плавки. Письмо Федора Запольских...

Знакомимся.

Черная грубого сукна куртка, коричневая защитная каска, грубые рабочие башмаки... Мальчишечья дерзость в глазах, когда улыбается, и степенная мудрость — при серьезном разговоре, в деле. Вот рассказом о чьей судьбе за последние полтора десятка лет лучше всего, пожалуй, ответить на письмо из Красноуфимска. Примечательнейшая судьба рабочего человека.

— Гончаров говорит, что вы родились сталеваром...

— Не знаю. Я-то хотел быть кузнецом. Дядька у меня в деревенской кузнице колдовал. Помогал ему немножко. В сорок шестом поехал в ремесленное. Думал на кузнеца, записали на металлурга. Убедили, что нужней. Не жалею теперь. Словом, моя это стихия — огонь, сталь, мартен...

В металлургии железный закон: пришел к мартену — самородок ли редкий, дипломированный ли инженер — становись подручным. Третьим. Расти до второго, потом до первого, до сталевара и дальше, если хватит трудолюбия и таланта. Нынешний начальник цеха Геннадий Леонидович Гурский после окончания московского института тоже работал подручным сталевара. На днях вернулся из Москвы, ездил получать диплом кандидата наук.

Григорий тоже эту лесенку прошел — от третьего подручного до старшего мастера. А старший мастер — это хозяин блока из трех незатухающих вулканов — печей, извергающих по команде человека десятки и сотни тонн стали. Старший мастер — это командир, у которого более полусотни опытных подчиненных; это организатор, наставник, дирижер огненного оркестра.

Я задаю ему вопрос:

— Сложно было одолеть весь этот путь?

— Понимаете, у наших рабочих есть великое преимущество. На Западе что требуется от рабочего? Чтобы он добросовестно выполнял то дело, к которому приставлен. И все. У нас само положение заставляет искать, что-то совершенствовать, двигать вперед и, стало быть, двигаться самому. Вот пример из моей практики.

Я пришел в цех, когда тут работала целая плеяда знаменитых старых сталеваров. Учился у них, поклонялся им. Но, знаете, почувствовал, что не могу выплавлять свой опыт только на их огне. Свой стал высекать. Высекал, рискуя обжечься: старики крепко обижались на тех, кто посягал на незыблемые, на их взгляд, истины... Считали они, например, что наваривать подину печи можно только кусочками магнезита, а порошком — ни в коем случае, иначе он тут же превратится в пыль. И начинайте все сначала. И вдруг я за порошок. Они в штыки: зелен, мол, дела не разумеешь, а с новшествами... Я доказываю свое: магнезитовый порошок лучше, сокращает и сроки ремонта печей и межремонтные сроки. Попробовали. Точно! Теперь иной раз заходят ветераны в цех, узнают, что магнезитовый порошок твердо привarился, удивляются: как же мы тогда в толк не взяли?!

Вот так у нас «карьеру делают»... Старшим мастером я с шестидесятого года. В сложный период получил должность. Вышло так, что из цеха сразу много опытнейших сталеваров на пенсию ушло — больше пятидесяти человек. Кругом молодежь. А я сам только что школу мастеров окончил. Однако работать надо. И не хуже, чем работали. Стал я молодых ребят подбивать на скоростные плавки. Не решаются. «Как это плавку за три часа, когда шесть положено?» Объясняю. Робеют. «Сгорим,— говорят,— мы с этими плавками, осрамимся, цех подведем...» Теперь странно вспоминать. Даже Михаил Кинебас не решался — признанный нынешний мастер скоростных плавок, Герой Социалистического Труда. И тот же Небылицын робел... Но я все-таки доказал, что можно. Начали. Меньше чем за три часа научились плавку выдавать...

Пометун не рассказывает о том, как в партию вступил, как учил, продолжая учиться, сколько прочел книг, журналов, сколько исчертил схем, «перелопачивая» организацию процесса от шихтового двора до разливочного пролета. Не упомянул, что еще раньше, в пятьдесят восьмом году, получил звание Героя Социалистического Труда.

— Человеку, который когда-то здесь работал,— Григорий кивает в сторону огнедышащего строя печей,— разумеется, интересно про сдвиги в технике, в технологии узнать. Сообщите Федору Михайловичу, что мы первые в стране в масштабах большого цеха начали применять кислород в сталеплавильном процессе, что завалка производства всюду в две завалочные машины, а заливка чугуна через два желоба; механизирована подача раскислителей, подсыпка ложных порогов, а машину для этого сконструировал не кто-нибудь, а наши цеховые рационализаторы... Ну, а самым знаменательным для нас днем было 24 декабря прошлого года. Герою Социалистического Труда Михаилу Кинебасу доверили вместе с другими лучшими сталеварами страны плавить стомиллионную тонну стали. Готовили мы нашу пятую печь — она как раз в моем блоке — словно к генеральному испытанию. И она его выдержала. Бригада Михаила установила в ту смену сразу три мировых рекорда — по скорости плавки, по съему стали с квадратного метра пода печи и по часовой производительности печи...

Вечером мы с Григорием отправились побродить по городу. Перешли через плотину Днепрогэса на правую сторону Днепра. Он опять рассказывал о заводе, о людях.

— Напишите, что Алексей Небылицын уже мастером стал. Отличный специалист! Про город напишите. Одиннадцатый поселок не узнать. Дома современные. Дворец культуры. Новый кинотеатр. Детский комбинат... А времени будто и не так уж много прошло...

Григорий глядит на Днепр, на далекие огни речного порта.

— Слабые огни. Не то, что у нас в цехе...

Сказал просто так, между прочим. Вероятно, думал о чем-то своем. Не может этот человек без огня. Так устроен.



Герой Социалистического Труда Г. К. Пометун.

МНОГОГРАННЫЙ, ЯРКИЙ ТАЛАНТ

К 60-ЛЕТИЮ ВАНО ИЛЬИЧА МУРАДЕЛИ



Полтора часа телевизионного времени — это очень много. И однако, когда мне несколько лет назад довелось готовить монографическую передачу о Вано Ильиче Мурадели, было трудно. Ведь композитором созданы десятки сочинений, вошедших прочно в концертную практику, в наш повседневный быт, и обойти какое-либо из них казалось решительно невозможным.

Начало родилось сразу. «Бухенвальдский набат» — песня, облетевшая всю планету, ставшая своего рода символом борьбы народов за мир. Ее суровый, чеканный напев, неизгладимо врезающийся в память, дал точный эмоциональный настрой всей передаче, ибо героика, мужественная сила — образная доминанта творчества композитора. «Мужественная песня» — так когда-то коротко и ярко охарактеризовал основное качество музыки Мурадели Дмитрий Кабалевский.

Но как не показать Мурадели-лирика? Ведь его лирические песни по удивительной душевной чистоте почти не знают равных. Особенно в наше время, когда вирус пошлости нередко проникает в песенный жанр. Однако Мурадели отнюдь не только песенник. Он яркий, оригинальный симфонист. Вторая часть симфонии памяти С. М. Кирова — этот своеобразный оркестровый «коллективный монолог» — ярчайший образец безбрежной симфонической кантилены, что сегодня не так уж часто встречается. Мурадели еще автор первоклассных романсов. Чего стоит один только пушкинский цикл, выдержанный в благородных традициях русской романсной классики!

Десять лет прошло с тех пор, как партия сняла несправедливо возведенные обвинения с оперы Мурадели «Великая дружба». В ней много прекрасной музыки. Очень хорош, в частности, рассказ Комиссара о Ленине — сердечный, взволнованный, обладающий какой-то всепроникающей душевной силой. Если бы Мурадели ничего не написал кроме знаменитой шестой картины оперы «Октябрь», то и тогда бы имя его было навечно вписано в историю музыкального искусства. Ведь это первая и великолепная по выразительности оперная сцена, где удалось решить сложнейшую задачу создания в опере образа великого вождя.

А сколько еще чудесных произведений композитора, прочно полюбившихся широкому слушателю... Мурадели — автор популярной оперетты «Девушка с голубыми глазами», изрядного количества киномузыки, эстрадных сочинений, кстати, опять-таки отличающихся безупречным благородством вкуса.

Интересна и поучительна биография композитора. Интересна уже тем, что путь его в музыку был не прост (в отличие от большинства других знаменитостей Мурадели стал профессионально учиться лишь в 18 лет), поучительна — условиями, которые создали молодому дарованию (он учился у лучших профессоров Московской консерватории), и редким трудолюбием и упорством Вано Ильича.

Мурадели-художник неотделим от Мурадели-гражданина. Один только перечень его бывших и настоящих общественных обязанностей, со всем пылом сердца выполняемых, займет много места.

Творческая активность композитора, встретившего свое 60-летие в расцвете сил, неиссякаема. Произведения, становящиеся любимыми у слушателя, непрерывно появляются из-под его пера.

Иннокентий ПОПОВ

Дверь в небо

Н. ХРАБРОВА

Много чудес в России — белокаменных и златоглавых, деревянных и бетонных, железных и алмазных...

Сейчас вот стоим мы в пролете двери на невысокую крышу — у истока одного, быть может, самого удивительного русского чуда. Внизу — крохотный, по-старинному уютный с двумя вязами да тремя кустами сирени дворик. И человек спокойно сидит в старинном кресле, равнодушный к ветру и бегу времени, чуть запрокинув в небо большую красивую голову. Изваянный скульптором и словно бы живой хозяин этого дворика и маленького дома над Окой. Отсюда, с низкого берега, круто подымается вверх деревянная пестрая улица — теперь она носит его имя: улица Циолковского.

Еще выше и дальше — чуть разбросанная, домашняя, смешанная — дворянско-классическая, бревенчатая, бетонно-блочная Калуга вся в садах и парках. Днем в солнечной позолоте, в тенях легких облаков. А по ночам взмывает над ней таинственный, черный, в серебряных блестках парус неба. Сколько ночей одержимый звездами человек выходил через вот эту маленькую дверку на крышу, смотрел в старинную подзорную трубу на едва уловимый полет созвездий! Иногда с вечера отправлялся к своему приятелю, учителю Борису Федоровичу Тихомирову, человеку чуть не двухметрового роста. По куче мусора они взбирались на крышу сарая во дворе Бориса Федоровича. Константин Эдуардович удобно укладывал подзорную трубу на плечо своего долговязого друга и смотрел, смотрел... Когда же приходила очередь Бориса Федоровича, он вставал на колени и так же удобно укладывал трубу на плечо Константина Эдуардовича. Иногда калужские звездочеты застывали на долгие часы в таких позах, иногда топтались по крыше и размахивали руками, и Борис Федорович что-то говорил в жестяную трубу, которую Константин Эдуардович, еще в детстве оглохший после скарлатины, терпеливо держал у уха. Они пытались ответить на вопрос: нельзя ли изобрести машину, чтобы подняться в небесные пространства? И Константин Эдуардович уверял:

— Можно. Построят, вот увидите. Не только Земля, но и все это, видимое нам и невидимое, будет доступно человеку.

А вокруг спала Калуга и не знала, что стала она росинкой, в которой на полвека вперед отразились самые отважные дерзания России.

Жизнь Циолковского, его мысли, труды и открытия известны всему миру — нет нужды их перечислять.

Но я хочу представить читателям Алексея Вениаминовича Костина, внука Циолковского, и мы вместе с ним пройдем очень короткий и бесконечно далекий путь: из маленькой чердачной дверцы — до Луны; до Венеры; до огненных околосолнечных пространств.

Алексей Вениаминович по профессии журналист. Характером мягок, гостеприимен, и каждый раз, когда он быстрым движением поправляет очки, почему-то сразу представляются интеллигентные калужские учителя того, дедовского, поколения. Сейчас Алексей Вениаминович заведует мемориальным музеем, который в Калуге называют просто Домиком Циолковского, и хочет все устроить здесь так, как было при жизни Константина Эдуардовича. Когда дед умер, Алексею Вениаминовичу было семь лет. Жил он в детстве в этом самом домике, рассказывает таким славным русским языком, что слушать его — наслаждение.

Если вы встретитесь с ним у входа, он укажет на Оку.

— Дед любил кататься на коньках, бегал по-настоящему — борода и волосы на отлете. Если был ветер, он раскрывал большой черный зонт и несся под этим «спинакером» далеко по Оке. Однако, как ни соблазнителен был такой полет, пришлось от зонтика отказаться. Дед, смеясь, рассказывал, что лошади на окском зимнике шарахались и извозчики бранились на своем недипломатическом извозчичьем языке...

Деревянное крылечко, крохотные сенцы, прихожая, служившая и столовой. Здесь обеденный столик, на нем любимая зеленая суповая тарелка Циолковского и фарфоровая кружка с надписью «Бедность учит, а счастье портит». Бедно, тесно, чисто. Вещей мало, они самые дешевые. Только барометр в кабинете над письменным столом дорогой и красивый да книги, да разные инструменты поблескивают латунью и медью. Есть покупные инструменты — на них-то и уходила львиная доля учительского жалованья, есть и самодельные, предельно рациональные и точные. Хранятся в кабинете несколько известных всей Калуге больших жестяных самодельных слуховых труб и прямая, ладная, сделанная им дощечка в металлической рамке. Константин Эдуардович любил писать на коленях. Здесь же стоит прелестная, тоже собственноручной его работы, книжная полка с энциклопедиями. И лежит на столе несколько листков рукописей — крупица из всего, написанного им, до такой степени необычного и ушедшего вперед от его времени, что только мы, люди третьего поколения, можем понять, оценить и тем более не перестаем удивляться. Юрий Алексеевич Гагарин после своего полета говорил на пресс-конференции: «В книге К. Э. Циолковского очень хорошо описаны факторы космического полета, и те факторы, с которыми я встретился, почти не отличались от его описания».

Цельнометаллический дирижабль. Как давит жидкость на равномерно движущуюся в ней плоскость? Что на Луне? На Марсе? Проекты «Аэроплана или птицеподобной (авиационной) летательной машины». Аэродинамическая труба. Теория газов. Зависимость между массой ракеты и массой взрывных веществ. Проблема исследования мировых пространств реактивными приборами. Проблемы термодинамики... И еще десятки и десятки научных проблем, которые родились или заново продумывались здесь, в этом таком обычном русском бревенчатом домике, в такой бедной и интеллигентной обстановке, что неудержимая нежность закипает ко всему, что видишь: и к вязам, и к стенам, и к чертежам, и моделям летательных приборов из гофрированного железа, и к черному зонту, который не раз был потерян и просто брошен на улице потому, например, что владелец зонта восхитился валявшейся у чьих-то ворот светящейся гнилушкой и, оставив у ворот зонт, понес гнилушку домой...

Многие приезжают сюда, пишут в книге отзывов: «...Поражает дистанция от рубанков и напильников, от токарного станка и верстака до стройной теории «Космического летания», поражает гений ученого...»

И уж если автора этих строк — а написал их Герман Степанович Титов — поражает Домик в Калуге, то впечатлениям его и глазам, видевшим черные пространства Вселенной, можно верить...

Из Домика мы с Алексеем Вениаминовичем выходим на улицу, идем по аллеям парка Циолковского. В скрещении аллей стоит обелиск на могиле ученого: ракета, словно бы готовая оторваться от Земли и уйти к звездам. Константин Эдуардович скончался 19 сентября 1935 года, в 22 часа 34 минуты; это время показывают часы в его кабинете, и это — единственное, что напоминает о смерти. Все остальное вокруг — жизнь, мысль, полет. Этот похожий на ракету обелиск — тоже.

В конце прямой и строгой аллеи золотисто расплывается свет. Он исходит из большого белого прямоугольного здания с параболическим куполом планетария над крышей. 13 июня 1961 года Юрий Гагарин заложил первый камень этого строения — Государственного музея истории космонавтики имени Циолковского. Здание проектировали профессор Московского архитектурного института Б. Г. Бархин с группой, его украшали художники Семенов, Ирина и Андрей Васнецовы, Шаховской — да, впрочем, перечислишь ли художников, архитекторов, ученых, строителей, мастеров московских и калужских заводов, людей, с талантом и любовью строивших это здание, с видением и пониманием не только нашей современности, но и будущих дней и лет?

Это мир света, мир дерзновенных мыслей и столь же дерзновенных инженерных творений. В высоком, как бы ничем не ограниченном вводном зале мы видим мозаичное панно «Советские люди — покорители космоса». На противоположной белой стене — темно-металлические горельефы: портреты физиков, математиков, астрономов. Письменами на стенах, на стендах — мечты и мысли людей о небе.

Светятся формулы, расчеты, рисунки и чертежи Циолковского.

И вот он — зал космических машин. Подвешенные под куполом потолка, машины эти кажутся парящими. Небольшие, уже несколько лет известные по фотографиям всему миру и все же ошеломляющие сооружения — сгустки многовековой мысли, сгустки гениальных и точнейших расчетов двадцатого века. Дубли тех, что побывали в космосе, или — они сами.

И потоки, потоки, потоки людей, говорящих на разных языках нашей страны, на разных языках нашей планеты...

Изумленный увиденным, выйдешь снова на улицу, и с высокого холма откроется перед тобою белый простор с извилистыми руслами рек, густая мгла еще молчаливых лесов. И видишь как-то все сразу — и среднерусскую природу, особенно милую в эту минуту, и Домик на улице Циолковского, и еще один памятник в центре города — скульптуру ученого у серебристой ракеты. Лица мальчишек в самодельных скафандрах на занятиях кружка космонавтики. Ученых и студентов на «Циолковских чтениях». И почти уже ступаешь «на пыльные тропинки далеких планет», как вдруг, легким движением поправив очки, усмехнется Алексей Вениаминович Костин и спросит:

— Хорошо у нас в Калуге?

Очень хорошо в этой обыкновенной и необыкновенной, в этой космической Калуге!



Калуга. Дом-музей К. Э. Циолковского. Рабочий стол в кабинете ученого. ● Государственный музей истории космонавтики имени Циолковского. Корабль «Восток» в зале космических машин. ● Юный строитель ракет Саша Бибик во Дворце пионеров.

Фото М. Савина.

Музей истории космонавтики имени К. Э. Циолковского.

Макет самолета Можайского. 1881 год.

Как все интересно!

В. ВОРОНЦОВ,
А. КОЛОСКОВ

ЛЮБОВЬ ПОЭТА



Скульптура М. Денисовой-Щаденко «Маяковский».

Жизнь В. В. Маяковского со всеми ее радостями и горестями, болью, отчаянием — вся в его стихах. Произведения поэта рассказывают нам и о его любви, о том, когда и какой она была или когда ее не было.

В ранних стихах Маяковского упоминание о любви встречается дважды. В первом случае — в цикле лирических стихов 1913 года «Я» — это всего лишь поэтический образ («Морей неведомых далеким пляжем идет луна — жена моя. Моя любовница рыжеволосая»). Во втором случае (стихотворение «Любовь») о ней говорится также вне связи с личными переживаниями. То же можно сказать и о трагедии «Владимир Маяковский».

Но вот вы открываете поэму «Облако в штанах», и вас сразу, чуть ли не с первых строк охватывает тревожное чувство большой и страстной любви:

Нежные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложит грубый.
А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!

И дальше с той же силой трагизма поэт рассказывает о своей безответной любви к Марии — любви, пожаром охватившей сердце, причинившей ему мучительную, нестерпимую боль. Любовь Маяковского была полыхающей. Он горел в ней ярким пламенем. В изумительной поэме «Облако в штанах» поэт, рассказывая о своей любви к Марии, так охарактеризовал свои чувства:

Мама!
Ваш сын прекрасно болен!
Мама!
У него пожар сердца.

Эта трагическая любовь не выдумана. Сам поэт указывает на правдивость тех переживаний, какие описаны в поэме:

Вы думаете, это бредит малярия?
Это было,
было в Одессе.
«Приду в четыре»,— сказала Мария...

Л. Брик в беседе с польским писателем Ежи Щавинским, опубликованной в журнале «Пшекруй» в 1961 году, утверждает, будто названная в «Облаке» Мария — «обобщение» и что «героиней поэмы является Сонька, 17-летняя девушка из Одессы». Но это не так. Один из ближайших друзей Л. Брик — Давид Бурлюк, вместе с Маяковским выступавший в 1914 году в Одессе, в воспоминаниях указывает, что первой любовью Маяковского «была Мария, которую он встретил в Одессе». О том же говорит и поэт Василий Каменский, бывший вместе с ними в Одессе: «...Маяковский влюбился здесь в красавицу Марию Александровну... Взволнованный, взметенный вихрем любовных переживаний, после первых свиданий с Марией он влетал к нам в гостиницу этаким праздничным весенним морским ветром и восторженно повторял: «Вот это девушка, вот это девушка».

Там же В. Каменский рассказывает о трагическом исходе первой любви Маяковского и что позже, вспоминая о том, что «было в Одессе», поэт с горечью сказал: «Любить нельзя — масса тяжелых неприятностей».

Из других источников нам известно, что между Маяковским и Марией встало препятствие, одно из тех, которые порождались тогдашней общественной жизнью, социальными условиями, основанными на неравенстве людей, на господстве материальных расчетов или обывательских предрассудков. В поэме этому дано очень краткое объяснение словами самой Марии: «Знаете — я выхожу замуж».

Нам неизвестно, любила ли Мария Маяковского, но известно, что позже, после смерти поэта, эта женщина (М. А. Щаденко, в девичестве Денисова) сделала один из первых скульптурных портретов Маяковского.

Перефразируя евангельское изречение, можно сказать: пути любви неисповедимы. И хотя Маяковский говорил, что «любить нельзя», он не мог не любить. Прошло не более года, и сердце его снова разрывают муки любви.

Л. Брик и ее сестра Эльза Триоле в воспоминаниях о Маяковском дают понять, что он был влюблен в них в обеих — сначала в младшую, затем в старшую.

В воспоминаниях Э. Триоле описано, как она старалась «избавиться» от влюбленного Маяковского и, согласившись на свидание с ним, «приходила обычно с одно-двухчасовым запозданием, надеясь, что Маяковский уже устал ждать», но он ждал на условленном месте, «стоял со скрещенными ногами, с папиросой, прилипшей к массивной нижней губе, поднятой головой, с пламеневшими от гнева глазами...». Там же Э. Триоле рисует один из трагических моментов в жизни молодого поэта, когда он в состоянии «невменяемого бешенства» крикнул ей: «Идите обе к черту, ты и твоя сестра...»

Так тяжело, трагически началась новая любовь молодого поэта, принесшая ему много страданий. Эти его чувства находят отражение в поэме «Флейта-позвоночник», написанной осенью 1915 года. И снова, как в «Облаке», не радость любви, а отчаяние звучит со страниц поэмы:

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда уйду я, этот ад тая!
Какому небесному Гофману
выдумалась ты, проклятая?!

Обращаясь к ненавистному богу, поэт взывает:

...слышишь!
убери проклятую ту,
которую сделал моей любимою!

О том, что и теперь поэт не нашел в любви праздника, счастья, говорят и другие произведения Маяковского 1916—1917 годов. В поэме «Человек», звучащей гимном человеку-творцу с его сердцем, способным творить чудеса, любовь предстает в образах, выражающих лишь страдание:

Гремят на мне
наручники,
любви тысячелетия...

И только
боль моя
острей —
стою,
огнем обвит,
на несгорающем костре
немыслимой любви.

В стихах, обращенных к любимой, столько страсти, нежности и вместе с тем сомне-

ния, протест, отчаяние и даже отрицание любви:

Любовь!
Только в моем
воспаленном
мозгу была ты!
Глупой комедии остановите ход!
Смотрите —
срываю игрушки-латы
я,
величайший Дон-Кихот!

Спустя несколько лет, уже в советское время, Маяковский пишет одну за другой поэмы — «Люблю» (1922 г.) и «Про это» (1923 г.).

Поэма «Люблю» — это своеобразное лирико-философское размышление о любви, о ее сущности и месте в жизни человека. Быстро отцветающей любви обывателей, продажной любви буржуазного мира поэт противопоставляет любовь истинную, страстную. Как бы исповедуясь перед самим собой и в то же время полемизируя с распространенной в те годы буржуазно-обывательской теорией «свободной любви», он славит любовь неизменную и верную, которую не могут смыть «ни ссоры, ни версты».

Что это значит? Может быть, хоть в этот небольшой отрезок времени, когда писалась поэма (с ноября 1921 года до начала февраля 1922 года), поэт был счастлив в своей любви? Не знаем. Но проходит немного времени — и в новой поэме «Про это» поэт предстает перед нами опять мятущимся, страдающим, мучимым неудовлетворенной любовью. В тяжелом отчаянии, размышляя о жизни и смерти, он говорит о первостепенном значении для него любви: «Страшно — не любить, ужас — не сметь» — и сожалеет, что радости жизни не коснулись его:

В детстве, может,
на самом дне,
десять найду
сносных дней.
А то, что другим?!
Для меня б этого!
Этого нет.
Видите —
нет его!

Дальше, обращаясь из будущего в настоящее, поэт с горечью констатирует:

Я свое, земное, не дожил,
на земле
свое не долюбил.

Разумеется, нельзя ставить знак равенства между лирическим героем поэмы и ее автором. Но то, что в поэме «Про это» ее лирический герой несет в себе реальные черты автора, — это несомненно, об этом говорят многие и многие детали поэмы.

Любовь поэта была сильна. Но уже в 1924 году, в стихотворении «Юбилейное» в задушевной беседе с Александром Сергеевичем Пушкиным Маяковский с улыбкой сообщает:

Я
теперь
свободен
от любви
и от плакатов.
Шкурой
ревности медведь
лежит когтист.

И, оглядываясь на прошлое, поэт с еле заметной иронией говорит:

Было всякое:
и под окном стояние,
письма,
тряски нервное желе.
Вот
когда
и горевать не в состоянии —
это,
Александр Сергеич,
много тяжелей.
Айда, Маяковский!



Т. А. Яковлева.

11

Письмо
Татьяне Яковлевой

В поцелуе рук ли
губ ли
в дрожи тела
близких мне
красный
цвет
моих республик
тоже
должен
пламенеть
Я не люблю
парижскую любовь
любую самочку
шелками разукрасьте

Маячь на юг!
Сердце
рифмами вымучь —
вот
и любви пришел каюк,
дорогой Владим Владимыч.

Эти строки, разумеется, не отрицают любви вообще. В стихотворении «Тамара и Демон», опубликованном в феврале следующего года, Маяковский с грустью констатировал: «Любви я заждался, мне 30 лет». А в одном из парижских стихотворений («Прощание») так иронизировал:

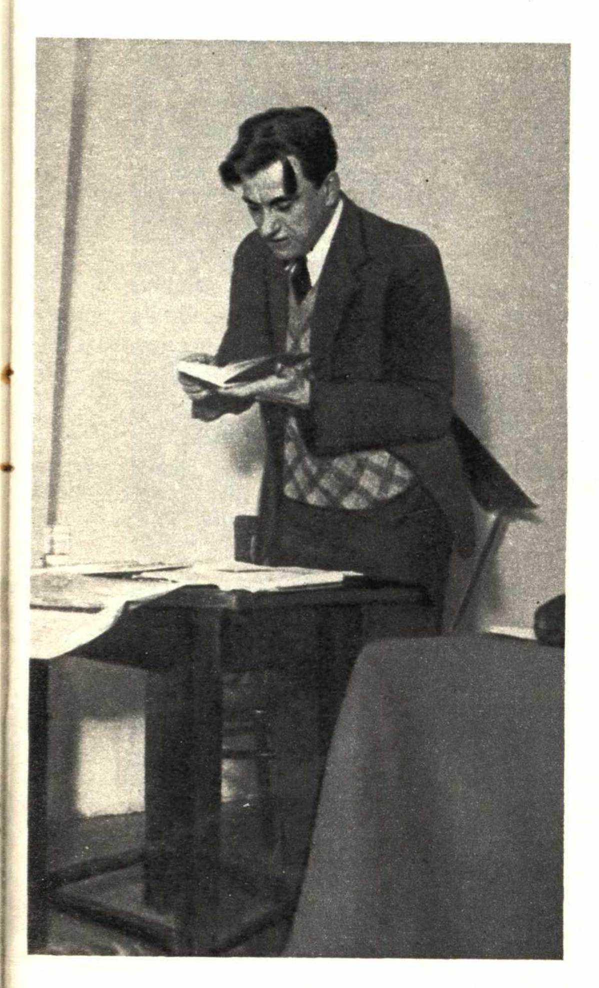
Где вы,
свахи?
Подымись, Агафья!
Предлагается
жених невиданный.
Видано ль,
чтоб человек
с такою биографией
был бы холост
и старел невыданный?!

Следует заметить, что в этих строчках автор вполне серьезно и правильно характеризовал свое положение: он действительно не был женат. И если после его смерти кто и называл себя «вдовой Маяковского», — это явное самозванство.

Да, он любил. Но теперь прежняя любовь даже в его «воспаленном мозгу» Дон-Кихота утратила свое значение. В 1926 году Маяковский устроил в Гендриковом переулке квартиру общую с Л. и О. Бриками (сохранив за собой комнату в Лубянском проезде). Но, насколько формальными стали их отношения, можно видеть из следующего примера. В киносценарии «Как поживаете?», написанном в конце 1926 года, Маяковский показывает свой «день в пяти кинодеталях». В первой части сценария действие происходит в квартире, на двери которой дощечка: «Брик. Маяковский». Но в сценарии есть Маяковский и нет Бриков. Никто из них ни разу не упоминается.

Сердце поэта жаждало любви. Перед ним, как о том сказано в стихотворении «Любовь» (1926 г.), «вновь встает нерешенный вопрос — о женщинах и о любви». Но любовь не приходила. Были встречи, были, быть может, увлечения. Впоследствии мы узнаем о них из воспоминаний, где некогда простые знаки внимания, дружбы, которые в свое время не были оценены по достоинству, после смерти поэта стали выдаваться за проявление любви.

Но мы знаем, у Маяковского любовь всегда, непременно находила выражение в стихах. Следы его переживаний можно найти в стихотворении «Разговор на одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия», написанном в 1926 году. Это был второй «разговор» Маяковского в стихах. Ему предшествовал написанный в том же году «Разговор с фининспектором о поэзии», а спустя около трех лет



В. В. Маяковский. 1928 год.

последовал «Разговор с товарищем Лениным». В каждом из этих «разговоров» поэт касался самых важных, наиболее волнующих его тем. В «Разговоре на одесском рейде» этой темой была любовь, вернее, желание любви, хорошей, настоящей, которая помогает, поддерживает в жизни и работе.

Мы уверены, что наш читатель знает это прекрасное лирическое произведение. И все-таки прочитаем его еще раз, чтобы лучше почувствовать состояние сердца поэта, после того, как он освободился «от любви и от плакатов».

Перья-облака,
закат расканарейте!
Опускайся,
южной ночи гнет!
Пара
пароходов
говорит на рейде:
то один моргнет,
а то
другой моргнет.
Что сигналят?
Напрягаю я
морщины лба.
Красный раз...
угаснет,
и зеленый...
Может быть,
любовная мольба.
Может быть,
ревнует разозленный.
Может, просит:
— «Красная Абхазия»!
Говорит
«Советский Дагестан».
Я устал,
один по морю лазая,
подойди сюда
и рядом стань. —
Но в ответ
коварная
она:
— Как-нибудь
один
живи и грейся.
Я
теперь
по мачты влюблена
в серый «Коминтерн»,
трехтрубный крейсер. —
— Все вы,
бабы,
трясогузки и канальи...
Что ей крейсер,
дылда и пачкун? —
Поскулил
и снова засигналил:
— Кто-нибудь,
пришлите табачку!..
Скучно здесь,
нехорошо
и мокро.
Здесь
от скуки
отсыреет и броня... —
Дремлет мир,
на Черноморский округ
синь-слезищу
морем оброня.

В последнем Полном собрании сочинений поэта это стихотворение комментируется так: «Написано в результате поездки Маяковского в Одессу в июне 1926 года; закончено не позже 20 сентября 1926 года. (В этот день было прочитано на вечере в Политехническом музее)». Но если прокомментировать его не по формальному признаку: когда поэт мог наблюдать «разговор» двух судов, — а по существу тех мыслей и чувств, какие заложены в стихотворении, перед нами снова встанет трагедия неутоленного сердца поэта. «Как-нибудь один живи и грейся». Сколько горечи в этих словах, горечи, которую в полную меру испил он и о чем писал еще в поэме «Флейта-позвоночник» — этой страстной, пламенеющей оде любви и полной глубокого драматизма и отчаяния поэме о переживаниях поэта, безграничная любовь которого не получила признания, была отвергнута.

Но вот в начале 1929 года в журнале «Молодая гвардия» появляется «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви». И хотя в коротких записках к Л. Брик Маяковский продолжает называть ее и «миленькой» и «любименькой», но из «Письма товарищу Кострову...» видно, что в сердце поэта появилась новая любовь, что, как сказано в самом стихотворении, «опять в работу пущен сердца выстывший мотор».

Так оно и было на самом деле. Теперь мы знаем, что осенью 1928 года, будучи в Париже, Маяковский встретился с Т. А. Яковлевой. В. Шкловский сообщает об этой встрече: «Владимир Владимирович поехал за границу. Там была женщина, могла быть любовь». На самом деле любовь не только «могла быть», но и была. Маяковский полюбил Татьяну Яковлеву, и любовь была взаимной.

Друзья Татьяны Яковлевой — художник В. И. Шухаев и его жена В. Ф. Шухаева, жившие в то время в Париже, рассказали нам следующее: «В 1928 году, в один из приездов в Париж В. В. Маяковского, на вечере у какого-то художника на Монпарнасе, Маяковский и Татьяна Яковлева познакомились.

Маяковский сразу влюбился в Татьяну. Как-то Таня привела его к нашим знакомым, где были и мы. Радостная и сияющая, она подошла к нам и сказала:

— Я хочу познакомить вас с Маяковским. Он будет читать стихи.

...Когда Маяковский бывал в Париже, мы всегда видели их вместе. Это была замечательная пара. Маяковский очень красивый, большой. Таня тоже красавица — высокая, стройная, под стать ему. Маяковский производил впечатление тихого, влюбленного. Она восхищалась и явно любовалась им, гордилась его талантом».

Татьяна Алексеевна Яковлева была дочерью русских родителей. По рассказам В. И. и В. Ф. Шухаевых, отец ее был военным инженером, потом архитектором в Пензе. Он имел какое-то изобретение, но в царской России не мог его реализовать и уехал в Америку. Мать с двумя дочерьми, Татьяной и Людмилой, оставалась в России. В двадцатых годах, так как у Татьяны было плохое здоровье, ее дядя, художник А. Е. Яковлев, живший в Париже, взял племянницу к себе.

В нашем распоряжении имеется несколько писем Т. А. Яковлевой, адресованных ею матери — Л. Н. Орловой, жившей в то время в Пензе. Приводим отрывки из них.

Из письма, которое, как видно из его содержания, послано вскоре после возвращения Маяковского из Парижа в Москву (он вернулся 8 декабря 1928 года):

«Он изумительный человек, и, главное, я себе его совсем иначе представляла. Он изумительно ко мне относился, и для него была большая драма уезжать отсюда по крайней мере на ½ года. Он звонил из Берлина, и это был сплошной вопль. Я получаю каждый день телеграммы и каждую неделю цветы. Он распорядился, чтобы каждое воскресенье, утром, мне посылали бы розы до его приезда. У нас все заставлено цветами. Это очень симпатично и, главное, так на него похоже. Очень мне было тяжело, когда он уезжал.

Это самый талантливый человек, которого я встречала, и, главное, в самой для меня интересной области. Он хочет устроить вечер в Пензе специально, чтобы побывать у тебя. Я думаю, тебе будет интересно послушать стихи, которые называются «Письмо Татьяне Яковлевой» и «Письмо о любви». Когда я бывала с ним, мне казалось, что я в России, и после его отъезда я тоскую сильнее по **России**. Но все это моей мамуленьке пишется — **никому больше.** Он мне оставил «мои стихи» в двух экземплярах, посылаю тебе. Пока **никому не показывай.** Скоро они будут в печати. Он читал их здесь, и они имели колоссальный успех. Это его лучшие лирические вещи».

Из письма, датированного парижским штемпелем 24 декабря 1928 года:

«Познакомились мы так. Ему здесь, на Монпарнасе (где я нередко бываю), Эренбург и др. знакомые бесконечно про меня рассказывали, и я получала от него приветы, когда он меня еще не видел. Потом пригласили в один дом специально, чтобы познакомить. Это было 25 октября. И до 2 ноября (дня его отъезда) я видела его ежедневно и очень с ним подружилась. Если я когда-либо хорошо относилась к моим «поклонникам», то это к нему, в большой доле из-за его таланта, но и еще большей из-за изумительного и буквально трогательного ко мне отношения. В смысле внимания и заботливости (даже для меня избалованной) он совершенно изумителен. Я до сих пор очень по нему скучаю. Главное, люди, с которыми я встречаюсь, большей частью «светские», без всякого желания шевелить мозгами или же с какими-то мухами засиженными мыслями и чувствами. М. же меня подхлестнул, заставил (ужасно боялась казаться рядом с ним глупой) умственно подтянуться, а главное, остро вспомнить Россию...

Он всколыхнул во мне тоску по России и по всем вам буквально, я чуть не вернулась. И сейчас мне все кажется мелким и пресным. Он такой колоссальный и физически и морально, что после него буквально пустыня. Это первый человек, сумевший оставить в моей душе след. Ведь здесь я ни минуты не скучала по «Володям», но по третьему Володе я тоскую. Но ты не пугайся! Это, во всяком случае, не безнадежная любовь. Скорее наоборот. Его чувства на-

столько сильны, что нельзя их не отражать хотя бы в малой мере».

Т. Яковлева, безусловно, права, когда в одном из писем матери, касаясь посвященных ей Маяковским стихов, замечает: «Раньше лирики этого рода у него почти не было...». «Письмо товарищу Кострову...» и опубликованное много лет спустя «Письмо Татьяне Яковлевой» несут в себе новые настроения, новые интонации. В них нет той тоски, надрыва, проклятий, какие характерны для стихов, обращенных к Л. Брик. «Письмо товарищу Кострову...» освещено радостной улыбкой, оно проникнуто счастливым ощущением большой, настоящей любви:

Себя
до последнего стука в груди,
как на свиданьи,
простаивая,
прислушиваюсь,
любовь загудит —
человеческая,
простая.

Вместе с тем это — философское произведение, где любовь рассматривается и оценивается не только с личной, но и с общественной точки зрения. Кстати сказать, к такому глубокому осмыслению любви Маяковский пришел уже давно, еще в период «Про это». Тогда в письме-дневнике он писал:

«...Исчерпывает ли для меня любовь все? Все, но только иначе. Любовь это жизнь, это главное. От нее разворачиваются и стихи, и дела и все пр. Любовь это сердце всего. Если оно прекратит работу, все остальное отмирает, делается лишним, ненужным. Но если сердце работает, оно не может не проявляться во всем... Но если нет «деятельности», я мертв.

...Любовь не установишь никаким «должен», никаким «нельзя» — только свободным соревнованием со всем миром».

В самой поэме он мечтал об огромной, всеохватывающей любви:

Чтоб не было любви — служанки
замужеств,
похоти,
хлебов.
Постели прокляв,
встав с лежанки,
чтоб всей вселенной шла любовь.

Теперь эта идея возвышенной любви несколько «приземлена» и само определение ее стало конкретнее:

Любовь
не в том,
чтоб кипеть крутей,
не в том,
что жгут угольями,
а в том,
что встает за горами грудей
над
волосами-джунглями.
Любить —
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьей,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить —
это с простынь,
бессонницей рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Иванны,
считая
своим
соперником.

Любовь Маяковского никогда не была только личным переживанием. Она вдохновляла его на борьбу и творчество, воплощалась в поэтические шедевры, проникнутые пафосом революции, идеями коммунистического преобразования мира. Здесь об этом сказано так:

Нам
любовь
не рай да кущи,
нам
любовь
гудит про то,
что опять
в работу пущен
сердца
выстывший мотор.

В другом стихотворении, написанном тогда же, в ноябре 1928 года, есть детали, которые говорят о тревоживших поэта обстоятельствах его взаимоотношений с Т. Яковлевой, но общий тон его спокойный, уверенный. Гордость и ласка звучат в строках «Письма Татьяне Яковлевой»:

Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер
рассказать
по-человечьи.

И даже конец стихотворения, в котором ощущается наличие конфликта, звучит поиному, чем прежде. В нем нет надрыва, отчаяния, а лишь обида и уверенность, что любовь в конце концов победит:

Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет нанижем.
Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму —
одну
или вдвоем с Парижем.

10 декабря 1928 года Маяковский послал из Москвы в Париж Т. Яковлевой первый том своих Сочинений, надписав на нем:

Дарю
моей
мои тома я.
Им
заменить
меня
до мая.

К сожалению, мы не имеем писем Т. Яковлевой к Маяковскому: чья-то злая рука уничтожила их. Они могли бы подтвердить, насколько прав был Маяковский, называя ее «моей». Но то, что он любил ее по-настоящему, в этом не может быть сомнения.

В цитированном нами письме от 24 декабря 1928 года Т. Яковлева упоминает, что она получает каждый день от Маяковского телеграммы. Опубликованные за рубежом отрывки из писем и телеграмм Маяковского к Т. Яковлевой подтверждают это. «Письма такая медленная вещь, а мне так надо каждую минуту знать, что ты делаешь и о чем думаешь. Поэтому телеграммлю. Телеграфь, шли письма — ворохи того и другого», — сообщает он ей 28 декабря 1928 года и в другом письме, 3 января 1929 года, признается: «Твои строки — это добрая половина моей жизни вообще и вся моя личная».

В письме от 28 декабря 1928 года, сообщая о напряженной работе над пьесой «Клоп», от которой «болят глаза», он пишет: «Ничего. До тебя пройдет. Работать можно и в очках. А глаза мне все равно до тебя не нужны, потому что кроме как на тебя мне смотреть не на кого. А еще горы и тундры работы. Дорабатываю и рванусь видеть тебя. Если мы от всех этих делов повалимся (на разнесчастный случай), ты приедешь ко мне. Да-да?.. Что ты пишешь про новый год? Сумасшедшая! Какой праздник может быть у меня без тебя. Я работаю. Это единственное мое удовольствие».

В письме от 3 января 1929 года Маяковский сообщал об окончании работы над «Клопом»: «Писал по 20 суточных часов без питей и ед. Голова у меня от такой работы вспухлая (даже кепка не налазит)». Там же дальше: «Работаю как бык, наклонив морду с красными глазами над письменным столом. Даже глаза сдали и я в очках. Кладу еще какую-то холодную дрянь на глазы». И еще: «Работаю до ряби в глазах и до треска в плечах. Сейчас к писанию прибавились еще ежедневные читки пьесы и репетиции».

Но из того же письма видно, что даже в эти, необыкновенно загруженные работой дни он неотступно думал о своей Татьяне: «Я не растекаюсь по бумаге (профессиональная ненависть к писанию), но если бы дать запись всех, моих со мной же, разговоров о тебе, неписанных писем, невыговоренных ласковостей, то мои собрания сочинений сразу бы вспухли втрое и все сплошной лирикой».

В середине января 1929 года Маяковский отправился в лекционную поездку по Украине, но через несколько дней отменил свои выступления и вернулся в Москву. «Я бросил разъезжать,— писал он в Париж,— и сижу сиднем из боязни хоть на час опоздать с чтением твоих писем. Работать и ждать тебя это единственная моя радость».

14 февраля 1929 года, на следующий день после премьеры «Клопа» в Москве, Маяковский едет во Францию «лечиться и отдыхать», как сказано в его ранее посланной Т. Яковлевой телеграмме. Но главным его стремлением, разумеется, была встреча с нею. Еще до отъезда из Москвы он пишет ей:

«Подумай и собирай мысли (а потом и вещи) и примерься сердцем своим к моей надеже взять тебя на лапы и привезть к нам, к себе в Москву. Давай об этом думать, а потом говорить. Сделаем нашу разлуку проверкой. Если любим — то хорошо ли тратить сердце и время на изнурительное шаганье по телеграфным столбам?»

2 мая Маяковский вернулся в Москву и приступил к работе над пьесой «Баня». В письмах и телеграммах Т. Яковлевой он уверяет, что «старается увидеться скорее», и даже определяет срок: «Дальше октября (назначенного нами) мне совсем никак без тебя не представляется. С сентября начну себе приделывать крылышки для налета на тебя». Но с каждым днем тоска по любимой становится сильнее, и молнии телеграмм одна за другой несутся в Париж: «Тоскую стараюсь увидеть скорее»; «очень затосковал»; «тоскую невероятно»; «бесконечно тоскуем»; «абсолютно скучаю»; «тоскую по тебе совсем небывало»; «по тебе регулярно тоскую, а в последние дни даже и не регулярно, а чаще».

Работа, как видно из тех же писем к Яковлевой, в это время идет тяжело («пишу совсем мало. Голова не работает»). Он живет мыслью о ней и верит, мечтает: «Не может быть такого случая, чтобы мы с тобой не оказались во все времена вместе». Зовет ее «приехать инженерницей» куда-нибудь на Алтай: «Давай, а?»

Это предложение Маяковский делает в письме от 12 июля. По всей видимости, он не считал возможным в то время оставаться в Москве. Потому и звал ее на Алтай. Уже через две недели по возвращении из Парижа в Москву Маяковский в письме к Яковлевой молит: «Пожалуйста не ропщи на меня и не крой — столько было неприятностей от самых мушиных до слонячих размеров, что право на меня нельзя злобиться».

15 июля Маяковский выехал в Сочи. Выступал здесь, в Хосте, Гаграх, Мацесте. Н. Б. Хмельницкая, которая видела его в эти дни в Сочи, рассказывает: «Часто Вла-

димир Владимирович ходил на почту узнать, нет ли писем. Возвращался хмурый, молчаливый». «Уезжая из Сочи, Маяковский попросил меня заходить на почту, и если будут для него письма — переслать ему. Я выполнила просьбу Владимира Владимировича, но письма, которые он ждал, не пришли».

От кого ждал он писем? Конечно, от Т. Яковлевой. Писала ли она ему в это время и почему он не получал от нее письма? Не знаем. Но мы знаем, что еще в июне Т. Яковлева писала сестре Людмиле в Москву относительно Маяковского: «Напиши, какое у него настроение и как он выглядит. Я без него очень скучаю». 13 июля в письме матери Т. Яковлева пишет: «Думаю, что Лильке[1] удобнее всего будет приехать с В. В. Он будет здесь к октябрю. Он устроит ей все (я попрошу). Очень меня расстроило, что ты не хотела поехать в Крым. Я так об этом мечтала. В. В. тоже написал мне расстроенное письмо. Ему хотелось это устроить. Ведь все, что он может сделать мне приятного (в таком долгом отсутствии), это забота о тебе и Лильке. Именно это я в нем ценю. Бесконечная доброта и заботливость. С большой радостью жду его приезда осенью. Здесь нет людей его масштаба. В его отношениях к женщинам (и ко мне в частности) он абсолютный джентльмен. Очень хочу, чтобы вы встретились».

Конечно, письма Т. Яковлевой к ее матери не могут с достаточной полнотой раскрыть истинность ее отношений к Маяковскому. Но из приведенных отрывков все же видно, что она любила его. Были, конечно, у нее сомнения и раздумья. Так, в письме, датированном на почтовом штемпеле 3 августа 1929 года, она пишет матери:

«Очень мне тяжело, что ты, еще ко всем своим неприятностям, из-за меня волнуешься. Буду отвечать по существу. Я совсем не решила ехать или как ты говоришь «броситься» за М. и он совсем не за мной едет, а ко мне и ненадолго. Он, конечно, ни в коем случае не бросит заботиться о Лилюшке. Об этом не может быть и речи и поэтому ей нужно было бы поучиться и весной приехать. Мне ужасно тяжело ее недоверие к нам. Думаем о ней всегда, но пока никак не удавалось ее вытащить. Но ты видишь и из бабушкиного письма, **что это решено.** Теперь иметь визу немедленно (М. выезжает 13-го) невозможно, но с его отъездом (на 2 мес.) **ничто** в ее жизни не изменится.

Стихи, которые тебя волнуют, написаны, когда ему было **20 лет.** А Лиля женщина, которую он любил 10 лет. Для всего этого достаточно прочесть его биографию.

Вообще **все** стихи (до моих), были посвящены **только ей.** Я очень мучаюсь всей сложностью вопроса, но мне на роду написано «сухой из воды выходить». В людях же разбираюсь великолепно и отнюдь их не идеализирую. Не забывай, что «девочке» твоей уже 22 года и что мало женщин за всю жизнь были любимы так, как я за свою маленькую. (Это у меня по наследству). (У меня здесь репутация «famme fatale»)[2].

Замуж же вообще сейчас мне не хочется. Я слишком втянулась в свою свободу и самостоятельность. Делать шляпы в своей «оранжерее» (комната моя всегда заставлена цветами). Хотят еще меня везти в разные страны, но все другое ничто рядом с М. Я, конечно, скорее всего его выбрала бы. Как он умен!..

У меня сейчас масса драм. Если бы я даже захотела быть с М., то что стало бы с Илей и кроме него есть еще 2-ое. Заколдованный круг».

А Маяковский 2 августа выехал из Сочи в Ялту и пробыл в Крыму около двух недель. Ходил ли и здесь на почту, получал ли письма? 22 августа он вернулся в Москву, продолжал усиленно работать и к середине сентября закончил пьесу «Баня».

Из письма его Т. Яковлевой от 12 июля мы знаем, что он собирался уже в сентябре «начать себе приделывать крылышки» для полета к ней в Париж. По имеющимся сведениям, действительно уже в сентябре он начал хлопотать о поездке в Париж. Но на этот раз случилось что-то необычное: впервые ему отказали в разрешении выехать за границу. В письме Маяковского Т. Яковлевой от 5 октября есть такая фраза: «Нельзя пересказать и переписать всех грустностей, делающих меня молчаливее».

А вот что рассказывают В. И. и В. Ф. Шухаевы:

«Уезжая из Парижа, Маяковский оставил деньги в цветочном магазине и Тане приносили цветы «от него». Она говорила нам, что чуть ли не каждый день получает от Маяковского письма и телеграммы».

«Таня ожидала Маяковского. Но потом она как-то пришла к нам и с грустью сообщила, что он не получил разрешения на поездку в Париж.

Мы видели, что Таня очень переживала это, ей было очень тяжело.

Спустя немного времени Таня зашла к нам и сказала, что выходит замуж за виконта дю Плесси. Мы были поражены: как, почему? Она что-то говорила, что не может поехать в Россию и т. п.».

«За несколько дней до свадьбы мы спросили Таню:

— А ты сообщила Маяковскому, что выходишь замуж?

Она ответила:

— Нет, я напишу ему только в день свадьбы.

После свадьбы Таня с мужем уехали в Польшу. Вскоре она вернулась с ребенком — очень красивой девочкой. С дю Плесси Таня разошлась.

У нас сложилось впечатление, что дю Плесси Таня не любила, а с Маяковским у нее была настоящая любовь, и нам казалось, что они созданы друг для друга.

Когда мы узнали о трагической смерти Владимира Владимировича, мы с сожалением и горечью подумали о том, что будь они вместе — этого бы не случилось».

Итак, Маяковский не мог встретиться с Т. Яковлевой, как было условлено, потому что не получил разрешения на выезд в Париж.

Как это могло случиться? Может быть, Маяковский, по словам Луначарского, пользовавшийся доверием «в верхах партии», утратил это доверие? Ничего подобного. 21 января 1930 года поэт был приглашен на вечер, посвященный памяти В. И. Ленина, он читал свою поэму о великом вожде. Вместе со всем залом Маяковскому горячо аплодировали руководители партии и правительства.

Кто же мог воспрепятствовать столь важной для него поездке в Париж? И не странно ли, что всего через пять месяцев после отказа в визе Маяковскому в далекую заграничную поездку (в Англию) отправились супруги Л. и О. Брик?

Все, кто встречался с Маяковским в последние месяцы его жизни, говорят, что он испытывал тяжелое чувство одиночества. Почему же те, кто впоследствии выдавал себя за «ближайших» друзей великого поэта, не видели этого?

А он — нужно ли говорить, как нуждался он в дружеской помощи, поддержке и даже в простой человеческой ласке! Ведь он был поэт, притом по складу своего характера — лирик. У него было необыкновенно чувствительное сердце. Он сам говорил об этом в поэме «Люблю»:

У прочих знаю сердца дом я.
Оно в груди — любому известно!
На мне ж
с ума сошла анатомия.
Сплошное сердце —
гудит повсеместно.
. . . .
Больше чем можно,
больше чем надо —
будто
поэтовым бредом во сне навис —
комок сердечный разросся громадой:
громада любовь,
громада ненависть.

А как мечтал он о ласке:

Слушайте ж:
все, чем владеет моя душа,
— а ее богатства пойдите смерьте ей! —
великолепие,
что в вечность украсит мой шаг,
и самое мое бессмертие,
которое, громыхая по всем векам,
коленопреклоненных соберет мировое вече, —
все это — хотите? —
сейчас отдам
за одно только слово
ласковое,
человечье.

Правда, эти строки написаны в 1916 году, но мы видели, что и десять — двенадцать лет спустя, до самых последних дней жизни, обращенные к нему слова ругательств, ложных обвинений и откровенной клеветы во много раз преобладали над простым человеческим словом.

А как жаждал он любви:

Я хочу,
чтоб сверхставками спеца
получало
любовищу сердце.

Но любви — настоящей, какой жаждало его сердце,— не было. И теперь, под конец своей жизни, он мог сказать словами из поэмы «Про это»:

Этого нет.
Видите —
нет его!

«У такого человека,— с горечью писала художница Е. А. Лавинская,— не было места, где бы ласковые руки жены или близкого друга освободили его хоть немного от него самого».

Он надеялся найти такого друга в Т. Яковлевой. Кто-то помешал этому.

В последние месяцы жизни у него как будто появляется увлечение. Но кто знает, не было ли это от отчаяния, от безвыходности. Мы имеем в виду отношения Маяковского с В. В. Полонской. Некоторые склонны связывать с этими отношениями трагическую смерть поэта, последовавшую 14 апреля 1930 года. Но те, кто хорошо знал Маяковского (родные поэта, его истинные друзья), утверждают, что после сильной любви к Татьяне Яковлевой, несмотря на разрыв, он не мог в короткий срок полюбить другую женщину так сильно, чтобы перед ним мог стать вопрос: или она, или жизнь?

Вот что об этом писал поэт Василий Каменский Л. Н. Орловой, матери Татьяны Яковлевой, вскоре после смерти Маяковского:

«13 мая

Простите, Любовь Николаевна, но писать о причинах смерти моего друга юности Володи Маяковского сейчас не могу, т. к. до сих пор не в силах отнестись к этому более спокойно. Одно ясно — Таня несомненно явилась одним из слагаемых общей суммы назревшей трагедии. Это мне было известно от Володи: он долго не хотел верить в ее замужество. Полонская особой роли не играла. За эту зиму (мы постоянно встречались) Володя был одинок, как никогда, и нигде не находил себе места. Нервничал до крайности, метался, пил. Он израсходовал свои силы, сгорел на огне работы и жизни.

Вот все, что могу сказать покуда.

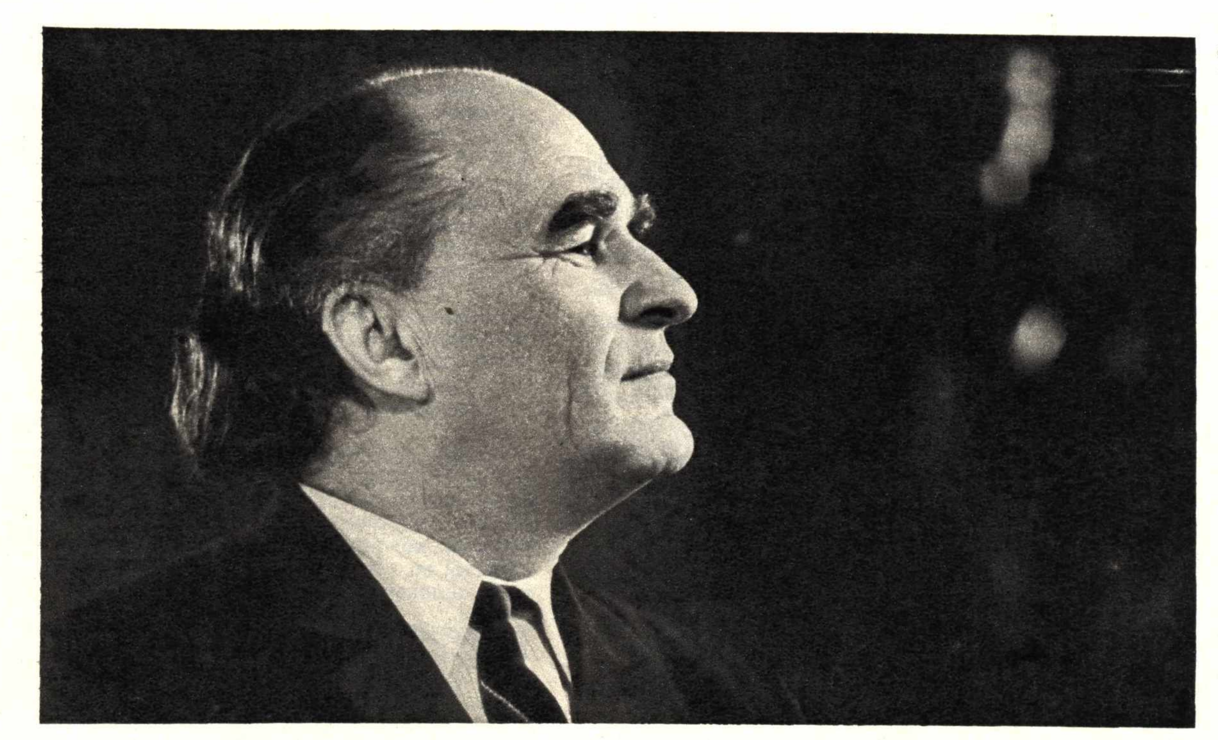
Привет
В. Каменский»[1].

Но, как видим, в этом письме говорится о любви к Т. Яковлевой, как об «одном из слагаемых общей суммы назревшей трагедии». Значит, были и другие слагаемые? Разумеется.

Но это уже иная тема.

[1] Сестра Т. Яковлевой — Людмила.
[2] Фатальная женщина.

[1] Это письмо, как и письма Т. А. Яковлевой, публикуется впервые.



Федор Григорьевич Верещагин.

Молодежь театра и колхоза имени «Правды» после спектакля «Синие росы».

Фото Н. Козловского.



Увлеченность...

А. ОЛЕЙНИК,
секретарь Винницкого обкома партии

Любовь всегда притягивается любовью.

Вы понаблюдайте: это уж обязательно бывает так. И не только между двумя любящими людьми. Явление это гораздо более широкое. Если, скажем, человек любит свой труд, свою профессию, свою повседневную деятельность, то ведь и она непременно полюбит его! Ну, а если работа бывает связана с людьми — многими людьми!— то и люди эти начинают любить труд человека, который ради них делает свое дело с таким увлечением.

Как нигде больше, подобная взаимосвязь и взаимозависимость выражается театром.

Я имею в виду **деятельность** театра.

Поэтому-то, вероятно, в каждом театре — если только это хороший, сильный и умный театр!— бывает столько людей, необычных и своим трудом и образом жизни...

Никто, наверное, не будет спорить с тем, что лицо, творческий почерк каждого театра во многом определяется капитаном корабля, плывущего по необъятному театральному морю. Определяется, иначе говоря, творческим обликом главного режиссера. Разумеется, опирающегося на деятельное участие всего коллектива, на поддержку партийной организации.

В нашем Винницком областном музыкально-драматическом театре имени Садовского главным режиссером и одновременно директором работает народный артист УССР Федор Григорьевич Верещагин.

Иногда о человеке говорят, что, мол, он **полжизни** проводит на производстве. Сказать так о Верещагине будет совсем не точно. **Вся** его жизнь проходит в театре! И, кроме того, у него всегда еще много партийных и общественных поручений вне театра. Значит, «полжизни» для Верещагина не подходит — ни в прямом, ни в переносном смысле. Он рад бы и от сна избавиться! И ему всегда жаль, что вот этого-то уж никак нельзя сделать! С разными делами бытового характера ему расправляться легче: он их просто игнорирует, заявляя в свойственном ему, непререкаемом, категорическом тоне: «Премьера у нас! Премьера, братцы! Где уж тут хворать, когда лечиться! Как-нибудь в другой раз». Конечно, он высказывается в таком нигилистическом по отношению к медицине духе, если речь идет не о его товарищах по сцене, по театру, а о нем самом.

Помнится, однажды врачи пожаловались на Верещагина. «Принимайте меры. Его срочно оперировать надо, а он не хочет — убегает, на занятость ссылается!..»

И вынуждены были мы посоветовать буквально следующее: «Ну, что вы, товарищи, шумите? Пригласите Верещагина к себе, разрежьте его спокойненько, как нужно, а потом посмотрите: может, удастся договориться! Не захочет лечиться — пусть убегает!..»

Вот именно так врачи поступили — почти без отклонений! Впрочем, надо сказать, что с

тех пор главный хирург И. М. Грабченко и главный режиссер еще более укрепили между собою контакт и полное взаимопонимание. На каждой премьере в третьем ряду справа вы увидите примечательную крупную фигуру человека с мужественным, сильным лицом: это и есть заслуженный деятель науки профессор Грабченко, участник октябрьских боев в Петрограде, страстный любитель театра и поклонник верещагинской режиссуры. А где-то за кулисами в это же время трудится и сам Верещагин — заслуженный деятель искусств, профессор своего дела. Тут их разделяет совсем небольшое расстояние: всего лишь несколько метров. Но это сцена. А на ней творится представление, изображается человеческая жизнь. И оба мастера смотрят на эту жизнь. Один «с фронта» — из зрительного зала. Другой «с тыла» — из-за кулис. И каждый из них, по-разному волнуясь, отчетливо сознает, что́ его привело в театр. И что́ он любит, принимает в этом театре. И что́ им обоим нравится друг в друге...

Сложные это взаимоотношения. Глубокие. И тем более прекрасные. Проверенные, прочно утвердившиеся.

Верещагин в театре скоро двадцать пять лет. Шутка сказать: Несменяемый Главный!

Музыкальную часть театра ведет секретарь партийного бюро Дмитрий Алексеевич Немченко. Бюро, кстати, включает в себя немало бывших секретарей. Среди коммунистов театра семь человек возглавляло в прошлом парторганизацию. И почти каждый из них время от времени снова избирается в состав бюро. Вот и в нынешнем составе четверо коммунистов были секретарями партбюро. Это позволяет партийной организации театра, избирающей свое руководство, сочетать и опытные уже кадры и молодых коммунистов. Поэтому бюро всегда пользуется большим уважением и доверием всего творческого коллектива, а не только коммунистов.

Люди театра. Творческий состав. Как же он складывается, как формируется?.. Одни из них работают почти со дня основания театра. Другие делают только первые свои шаги.

Любимцы зрителей — народный артист республики Николай Педошенко, заслуженные артисты Валерия Сыроватко, Мария Анищенко, Григорий Тищенко — росли постепенно, уверенно, без каких-либо срывов. А вот Иван Тарапата сначала имел репутацию «возмутителя спокойствия». Теперь-то уже позади остались бурные обсуждения, многочасовые беседы в парторганизации и даже в обкоме партии. А раньше даже и так думали: оставлять ли Тарапату в коллективе?! Трудно было. Ведь и коллектив жалко: бурлит театр, лихорадит. И человека жалко: способный очень. А характер сложный, неуживчивый.

Ныне Иван Тарапата — заслуженный артист республики, и теперь сам нередко использует прошлый личный свой «опыт» в воспитательных целях, когда беседует с молодежью.

Но тут нужна именно беседа! Разве в двух словах можно рассказать, как произошло подобное перерождение человека, как возник новый характер. И как появился подлинный мастер сцены, действительно являющийся примером для молодежи, для ее творческого роста...

Молодежь и театр. Вечная тема! Без молодого пополнения не будет жить театр. Но пополнение должно быть полноценным. Ведь заменять-то надо каких мастеров! Ушли со сцены ветераны театра: народный артист Иван Сикало, заслуженная артистка Наталья Шановская... Ушли преждевременно павшие — как солдаты в бою — Валя Журавлева, Дмитрий Горбачевский, заслуженный артист республики Николай Овчаренко... Их сменила молодежь, в том числе и местная, наши, винничане. Из рабочей семьи, со Степановского завода, пришел в театр после окончания театрального института Борис Галафутник, из семьи колхозника Ольгопольского района — Владимир Матковский. Талантливейшего артиста Николая Овчаренко заменил его сын, не менее талантливый Анатолий Овчаренко. И первым, кто благословил Анатолия, направил его на творческий путь, первым, кто крепко расцеловал парня после удачного дебюта, был все тот же Федор Григорьевич Верещагин.

Отбирая и принимая в театр новое пополнение, строго всматриваясь в юные лица из-под густых косматых бровей, Федор Григорьевич как бы спрашивает молодых:

— Ну, братцы, кто из вас заменит нам Сикало, Шановскую? Может, найдется среди вас Гнат Юра или Наталья Ужвий? Ведь они тоже играли в Виннице!..

Винницкий театр — первооткрыватель не только хороших артистов. Но и первооткрыватель хороших пьес. И даже первооткрыватель драматургов.

Театр открыл, выдвинул, помог расти и, наконец, подарил людям Николая Зарудного. Здесь, на сцене Винницы, прошло творческое детство и юношество драматурга. Пришла зрелость.

Поставить более десятка пьес **одного и того же автора** — не много ли для **одного театра!!** А ведь это были первые, только что рождавшиеся пьесы...

— Разве это не подвиг для театра?!

— Пьесы эти — дети наши! — так шутят в театре.— А мы знаем, что матерям, родившим и воспитавшим десять детей, в нашей стране присваивают звание матери-героини!

Впрочем, в театре трудятся скромные люди. И они отшучиваются:

— Так мы, родители-то, вроде «крестных»!..

Но героическое — без всяких кавычек! — существо дела остается.

На винницкой сцене восстановлены либо впервые поставлены десятки произведений. Среди них — «Сон князя Святослава», «Катерина», «Оборотень», «Сельская честь»... Да разве все перечислишь!

В фойе театра на большой карте страны отмечены города, где театр побывал на гастролях. Тут же размещены театральные «трофеи»: грамоты, адреса, подарки... Хорошо показывает себя Винница театральная на смотрах! Не раз отмечалась она во время творческих отчетов в столицах республики и страны. Но самое замечательное, по-моему, то, что театр **никогда не забывает о селах родной области.**

Тем более усилилась вся работа театра на селе, когда после мартовского Пленума ЦК КПСС создалась для этого особенно благотворная обстановка.

За это время театр дал для села 997 спектаклей, охватив свыше 400 тысяч тружеников села. Кстати, сюда не входят 100 тысяч колхозников, коллективно посетивших театр и посмотревших спектакли на основной сцене.

При всех скромных возможностях театра это поразительные цифры!

И рождаются они не «показухой» — вот что главное! Вот что больше всего радует.

Качеством, определяющим такой успех, является взаимное тяготение, взаимная любовь коллектива театра и колхозного зрителя. Поэтому-то, несмотря на всю сложность условий для встреч, встречи эти происходят! И приносят людям обоюдное счастье.

Во время двухмесячных гастролей по селам области театру частенько приходилось начинать спектакли даже и в 22 часа: ведь летом день у колхозника бывает длинный! Но тем больше благодарен зритель театру. Тем выше ценит он внимание театра к труду хлебороба.

Коллектив же театра, со своей стороны, тоже нередко работает для людей, добывающих хлеб стране, за счет своего отдыха.

Постоянно помогает театр росту художественной самодеятельности, следит за ее развитием. Не случайно театру вручено за эту работу переходящее знамя ЦК профсоюза культуры республики и первая премия.

В театре создан постоянно действующий консультативный пункт; здесь художественная самодеятельность города и села всегда может получить нужные ей советы. Ведущие артисты тоже напостоянно закреплены за народными самодеятельными театрами.

Вот, например, расписание заслуженных артистов республики: Валерия Сыроватко шефствует над Жмеринкой, Яков Глыб работает в Хмельнике, артист Николай Попруга — в Могилев-Подольске, режиссер Толок — в Гайсине...

Подлинный энтузиаст работы с самодеятельностью главный художник театра Константин Витавский. В театре он со дня его основания. И ведет такой же «неуемный» образ жизни, как и Ф. Г. Верещагин. Кстати, все постановки они делают совместно. Будучи фанатично преданным родному театру, Константин Витавский в полном смысле слова любимец самодеятельных артистов, их воспитатель. Многие годы он является постановщиком концертов художественной самодеятельности. Концерты эти отличаются весьма высоким уровнем: их знают зрители фестивалей, прошедших в Киеве и в Москве.

Для руководителей самодеятельных кружков театр проводит и многодневные и краткосрочные курсы и семинары. Они бывают и в Виннице и в районах области. Проводятся также практические занятия по основам режиссуры, мастерству актера, по гриму, музыкальному и художественному оформлению постановок. Театр охотно знакомит самодеятельные кадры с работой своих цехов.

Часть самодеятельных режиссеров и художников проходит постоянную стажировку при театре. А теперь театр ведет еще и плановую подготовку новых режиссеров для драматических кружков. Созданы постоянные шестимесячные курсы при театре; на курсах занимается сейчас 20 человек.

Ведущие артисты театра не только проводят семинарские занятия и консультируют самодеятельность, но находят и многие другие формы помощи народным театрам.

Право же, по-хорошему взволнуется сердце каждого, кто, например, прочтет на афише, извещающей о предстоящей постановке сельским самодеятельным театром пьесы Тобилевича «Мартын Боруля», такие слова: «В спектакле принимает участие народный артист республики Сикало».

Заслуженные артисты Федор Трегуб и Яков Глыб выступают в самодеятельных постановках пьесы «Веселка» шаргородским драмкружком; в пьесе «Сегодня и всегда...», поставленной Хмельникским народным театром, и т. д.

А вот и другие примеры. Участница Могилев-Подольского народного театра Бричанская выступала в пьесе «Мертвый бог» Зарудного в роли Тони, играя на сцене областного театра, в Виннице, вместе с актерами-профессионалами.

Плохо это или хорошо?..

Думаю, спорить не приходится: конечно, хорошо! Конечно, интересно!

За такими маленькими вроде бы фактами стоит огромный труд. И огромная любовь.

Жизнь нашего театра всегда тесно связана с жизнью трудящихся, выполняющих под руководством партийных организаций сложнейшие задачи хозяйственного и культурного строительства. Поэтому-то работа театра, как важнейшего участка идеологического фронта, всегда стоит в центре внимания областной партийной организации, советских органов, общественности.

Скажу по правде, пожалуй, даже трудно будет найти другой такой коллектив, который из-за своеобразия и весомости своей работы требовал бы столь пристального внимания и участия партийной общественности.

У нас на Винничине всегда помнят, что театр — дело партийное и отношение к нему должно быть именно поэтому, если хотите, особенно **очеловеченное.**

Ведь театр не просто труппа, не просто творческий коллектив. Это общественный организм со своей сложнейшей жизнедеятельностью.

Если не заботиться о театре, не любить его, не заниматься им, он либо зачахнет, либо станет вести свою работу кое-как, не влияя на умы и сердца людей.

Знаменитые ленинские слова о том, что «искусство принадлежит народу», являются, по сути дела, целой программой, данной Лениным для нас всех. Владимир Ильич говорил, что искусство должно быть понятно народу и любимо им! Вот насколько точно и вместе сердечно определил Ленин задачи искусства. Наши задачи!

«И любимо»!.. Да ведь в одном только этом слове с необычайной емкостью, гениально выражена великолепная гуманистическая суть всей нашей идеологической работы, намечена линия ее становления, развития, роста.

Так — по слову Ленина — и следует вести театр. Какой бы он ни был: профессиональный или любительский, народный.

Драматизм борьбы

Е. КОЖИНА

О Парижском салоне 1824 года, где выступил с «Резней на Хиосе» совсем еще молодой художник Делакруа, Стендаль отозвался лаконично и решительно: «Война уже началась».

«Резня на Хиосе» была действительно объявлением войны для убежденных манифестантов нового искусства романтизма. С того момента, как зрители увидели ее на стене Парижского салона — эту страшную сцену кровавой бойни, пришедшую в картину прямо со страниц газет, своей жестокой достоверностью необратимо разрушающей тот мир античных героев, вневременных идеалов, которые настойчиво и монотонно утвердились сотнями и сотнями вокруг,— с того самого момента всем стало ясно, что революция в живописи наступила. «Метеор, упавший в болото посреди пламени дыма и грохота, не вызвал бы большего смятения в хоре лягушек»,— выразительно определил один из современников «ошеломляющее впечатление» от выхода на сцену Эжена Делакруа. Никто из зрителей не нуждался в объяснении сюжета «Резни на Хиосе»: у всех было живо в памяти это недавнее событие войны греков за свою независимость против турецких завоевателей. Страницы французской прессы и книг были переполнены описаниями хиосской трагедии: «Прекраснейшая местность Греции опустошена. Дома сожжены, греки задавлены под камнями, церкви осквернены, ступени святыни залиты кровью крестьян, разрубленные тела мертвецов брошены собакам-людоедам».

Самый выбор такого сюжета был актом большой смелости и независимости мысли. Искусство выводилось из той сферы олимпийских страстей, отвлеченной гармонии, которая упорно навязывалась ему традицией, и становилось причастным к действительности со всеми ее драматическими диссонансами и неразрешенными проблемами. Но не менее важно то, что и в живописный язык своей картины Делакруа вносил смелость и остроту, заражая зрителей силой непосредственного видения. Резкие и скорбные краски как бы столкнулись вдруг в патетических контрастах, напряженности пластики. Свободная и нервная манера живописи, сохранившая в себе всю ту горячность и импульсивность, в которой художник работал над полотном, была откровением для зрителей. И если у молодого поколения эти открытия Делакруа вызывали радостный энтузиазм, ощущение широких горизонтов, вдруг распахнувшихся перед искусством, то приверженцы традиций, «парики» и «мумии», как без излишней почтительности называли их романтики, ясно увидели в художнике самого опасного из своих врагов.

Вот отрывочные строки из газет и журналов о знаменитой «Свободе» Делакруа: это «мерзавка», сбежавшая из тюрьмы, «девка с голой грудью», «постыдная мегера», кисть художника —«пьяная метла, сам он создан для того, чтобы становиться скандальным гвоздем всех выставок». А что касается его живописи вообще, то «потомство не примет подобных произведений и здравомыслящие современники от них отвернутся». Известен такой анекдот о зрителе, которого на выставке подвели к картинам Делакруа, предупредив, что это «вождь романтиков», глава «новой школы». Реакцией был неподдельный, благонамеренный ужас: «Вы говорите, «глава школы», скажите лучше — «глава мятежа»!»

Все это может создать представление о Делакруа как о прирожденном бунтаре, находящемся в состоянии непримиримой вражды с общепринятыми вкусами и мнениями. Ничто не может быть ошибочней этого. Нельзя поставить знак равенства между творчеством и личностью художника. Сын видного политического деятеля (впрочем, среди современников ходил упорный слух, что отцом художника был знаменитый дипломат, князь Талейран), Делакруа с рождения принадлежал к старинной высшей буржуазии. Уже с молодых лет он получил доступ и в аристократические салоны и в избранные артистические кружки. Легко и естественно становясь членом «лучшего общества», он был, несомненно, одним из самых выдающихся людей в блестящем Париже тех лет. Стендаль, Бальзак, Шопен, Лист, Жорж Санд, Александр Дюма, Виктор Гюго — все эти люди были его близкими знакомыми, и с некоторыми из них его связывала многолетняя сердечная дружба. Всюду, где бы ни появлялся этот человек, невысокого роста, с темными волосами, смуглым лицом и пристальным взглядом проницательных глаз (многие находили, что он похож на восточного принца), он привлекал к себе общее внимание. Это происходило помимо его воли: Делакруа не терпел аффектации, избегал шумной популярности. Значительность личности и спокойное понимание этого придавали его манерам сдержанное достоинство, с первого слова внушающее уважение. Это достоинство никогда не перерастало в высокомерие.

Многие из тех, кто знал Делакруа, оставили свои воспоминания о нем. Но и сам он думал о том, чтобы изложить свои взгляды на искусство, общество, историю и многое другое. Его можно почти с таким же правом называть писателем, как и художником. Дневник с долголетними записями (два тома в русском переводе), несколько томов переписки, многочисленные статьи об искусстве — это целое литературное наследие.

Человек, который встает из-за своих литературных страниц,— и это созвучно с тем, что говорят современники,— разительно не похож на свою живопись, страстную, мятежную, ломающую все традиции. Это спокойный и трезвый мыслитель, склонный к печальному скептицизму. Он с ироническим недоверием относится к любому прогрессу — историческому, моральному, художественному. Нередко это отношение распространяется и на людей, участвующих бок о бок с ним в «романтической битве». Книги Дюма и Жорж Санд, музыка Берлиоза и стихи Гюго не вызывают у него особенного сочувствия. Он ни разу не выступает в поддержку манифестов, сражений и явно тяготится репутацией «главы мятежа». Всякая реформа, чего бы она ни коснулась, кажется ему нелепой, любой подрыв устоев — бессмысленным. К этому печальному консерватизму художник приходит далеко не сразу. Всем памятна великая «Свобода на баррикадах», рожденная восхищением перед революцией 1830 года. Но революцию 1848 года он встречает уже враждебно. Баррикады больше не кажутся ему музами, способными вдохновлять. Именно в этом году он признается в письме к старому товарищу: «Я похоронил в себе прежнего человека с его надеждами и мечтами о будущем...»

Но этот ироничный и трезвый скептик, как только оказывается перед мольбертом или стеной, которую ему предстоит покрыть росписью, как бы помимо своей воли выражает трагические проблемы его века, его поколения: разочарование, неумение мириться с ничтожностью действительности, отчаянные взрывы, не находящие себе применения, патетические устремления к высокому, героическому идеалу.

...Молодая, прекрасная женщина — живое воплощение Греции — застыла на развалинах Миссолунги, разгромленном оплоте повстанцев.

...С чувством отчаяния написана ладья Дон Жуана и его спутников, терпящих кораблекрушение. Они скитаются по безграничному океану и, доведенные голодом и ужасом смерти до последнего исступления, решаются бросить жребий, кто из них должен стать пищей для остальных.

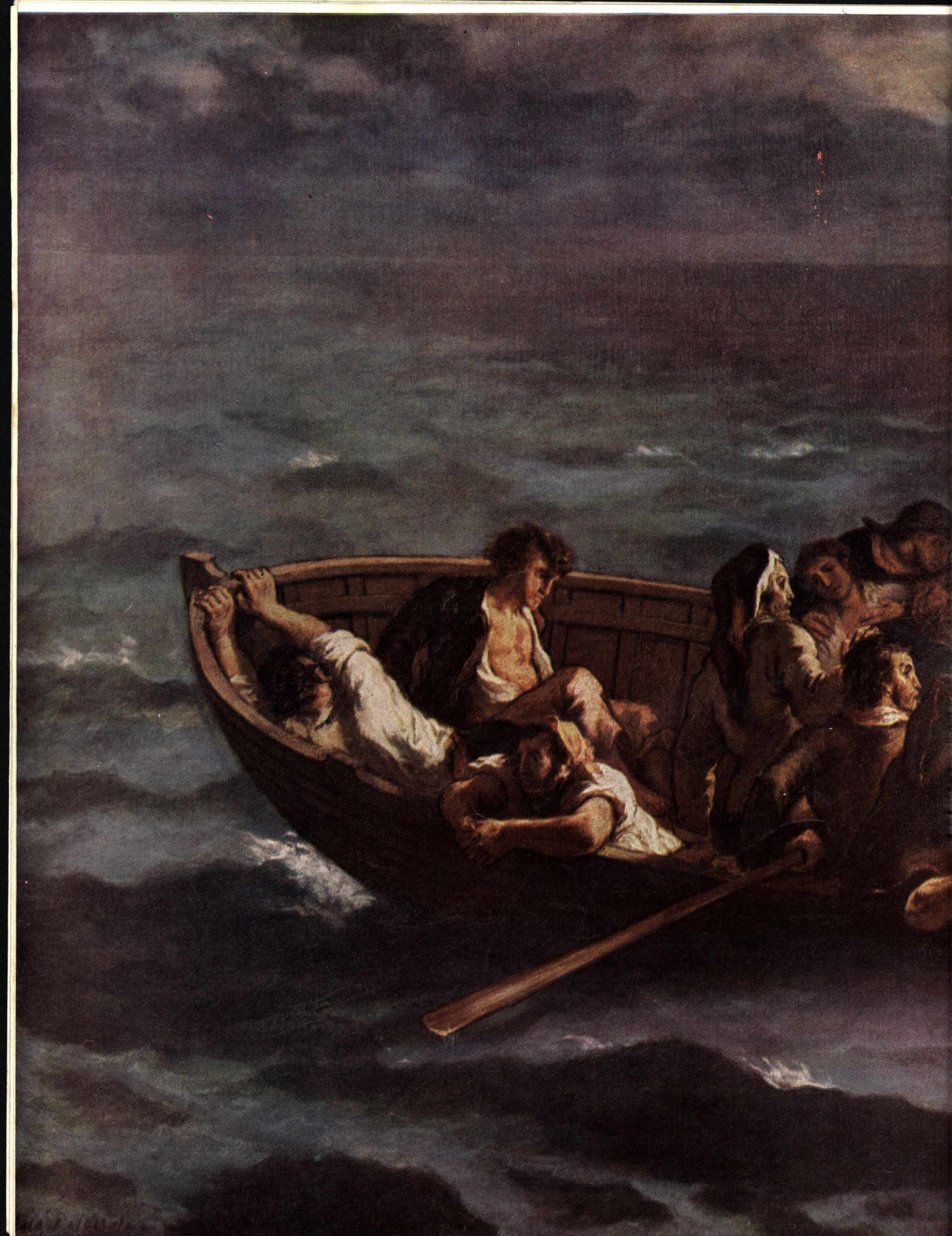
...Орды крестоносцев предают ограблению и пожару завоеванный Иерусалим... Святой Георгий борется с чудовищным драконом. И порывистая, кипучая живопись как бы приобщает к этой борьбе весь мир вокруг.

В этот сумрачный и напряженный мир неожиданно входят воспоминания о путешествии в Африку, которое Делакруа совершил в 1832 году. В алжирских картинах живопись Делакруа становится выразительной, как нигде. Те, кто видел на недавней выставке картин из музеев Франции «Охоту на львов», навряд ли забудут когда-нибудь это ослепительно красочное, полное экспрессии полотно. Здесь воплощение «вдохновенной ярости», с которой художник, по собственному выражению, писал свои лучшие картины. Он один из первых нашел новую красоту, в которой воплотил весь драматизм борьбы и несломленный дух. То, что мы и сегодня называем романтической красотой. И в нашем представлении она неотделима от имени Делакруа и его картин.



Э. Делакруа. 1798—1863. РЕЗНЯ НА ХИОСЕ. 1824 (фрагмент). Париж. Лувр.

На развороте вкладки: ЛАДЬЯ ДОН ЖУАНА. 1840. Париж. Лувр.







Э. Делакруа. ОХОТА НА ЛЬВОВ. 1855 (фрагмент). Париж. Лувр.



ПОЭЗИЯ ФАКТА

Борис Галин принадлежит к тому поколению журналистов, которое творчески выросло, стало на ноги, закалило свое перо в 20-х и 30-х годах. Свой журналистский путь он начал в «Комсомольской правде», а потом перешел в «Правду».

Удивительная жизнь раскрывалась тогда перед нами, очень молодыми людьми. Огромная страна вздыбилась бесчисленными стройками, каждый прошедший день был наполнен созиданием, стремительными событиями, их надо было познать, осмыслить, освоить, о них требовалось рассказывать читателю. Командировки составляли основную часть нашего бытия. Мы жили на колесах куда больше, чем дома.

Мы познавали поэзию факта.

Я убежден, что, если бы Борис Галин не прошел с журналистским блокнотом и карандашом сквозь все эти годы, он не стал бы Борисом Галиным — литератором, пользующимся широкой известностью среди читателей. И уж, конечно, не написал бы такой книги, как «В грозу и бурю».

Теперь Галину 62 года, возраст почтенный, но когда я вчитываюсь в волнующие страницы этой книги, я вижу прежнего Бориса Галина — умеющего увидеть, оценить факт, рассказать о нем просто, экономно, увлекательно, заставляя читателя радоваться и переживать. Книга «В грозу и бурю» снабжена подзаголовком: «Краткая история Волховстроя, рассказанная в биографиях и документах с некоторыми отступлениями по ходу действия».

Так что же это? Сборник цитат? Перечень цифр? Подбор документации?

Нет, «краткая история Волховстроя» — это художественное, я бы даже сказал, романтическое произведение, ибо в нем зримо видишь сильные, непреклонные характеры, острые конфликты, душевные переживания героев, точно описанный быт тех лет, ощущаешь запах и вкус эпохи, в кратких авторских определениях находишь истинную правду описываемых событий.

В 1926 году главный инженер Волховстроя, энергетик с мировым именем, Генрих Осипович Графтио пришел в «Комсомольскую правду» с просьбой рассказать о строительстве первенца электрификации читателям газеты.

Графтио в 1926 году овладел воображением журналистов «Комсомольской правды», поведав им о чудесах на русской новгородской реке. Рожденная в 1967 году книга Бориса Галина отразила в себе восторги и удивления тех лет, когда Графтио — сам Графтио! — потряс умы и души комсомольцев своим кратким и занимательным рассказом.

Но «В грозу и бурю» — книга не только о Графтио и его ближайших сподвижниках, хотя, естественно, им уделено немало места. Это прежде всего книга о партии, о Ленине, стоявшем у истоков неслыханного в России и, казалось бы, невозможного по тем временам строительства.

В июле 1918 года Графтио был на приеме у Ленина. В своем дневнике впоследствии он записал: «Разговор продолжался несколько минут. Будем строить Волховскую станцию! Это были замечательные минуты. Я впервые увидел тогда гениального пролетарского вождя, видящего далеко впереди себя, бесстрашного и хладнокровного. Нужно было изумительное ленинское революционное чутье, чтобы в то трудное время начать громадное хозяйственное строительство. Ленин был непреклонен. Он провел решение о постройке Волховской станции через Совнарком. Правительство отпустило первые средства, и стройка началась».

Не хватало рабочих рук, специалистов, хлеба. Все надо было добывать с великими трудностями. Мерзлая, костлявая верблюжатина, которую неизвестно откуда и какими путями доставили к берегам Волхова, была встречена с ликованием. Юденич шел на Петроград — стройка продолжалась. Маститые инженеры-энергетики считали проект Волховстроя мифическим, бесперспективным... Их резоны отвергли, стройка продолжалась. Многие говорили, что строительство преждевременно, надо обождать, иначе все сорвется,— гидростанцию на Волхове упорно строили. По каким-то вздорным наветам арестовали Графтио — Ленин приказал Графтио освободить, строительство продолжать...

В ту пору Демьян Бедный писал:

Но слово есть одно, святое слово,
То слово — труд. Оно горит
огнем.
Оно звучит чеканно и сурово.
Вся наша мощь, все упованье
в нем.

Со страниц книги Бориса Галина смотрят на нас живыми, одухотворенными глазами соратники Ленина по разработке и осуществлению великого плана ГОЭЛРО, этой второй программы партии: Глеб Кржижановский, Петр Смидович, Леонид Красин, Герман Красин...

Автор не беллетризует события, его характеристики скупы и сжаты, он ни на шаг не уходит от документа, от факта, но тем не менее так умело разворачивает сложную цепь событий, так основательно пользуется хроникой, казалось бы, сухой, что перед нами возникает вся описываемая эпоха, во всех своих ракурсах, особенностях, неповторимости.

27 января 1924 года хоронили Ленина. В минуты прощания остановились все заводы, фабрики, поезда. Тоскливо гудки гудели из края в край страны. Остановились на пять минут и работы на Волхове.

Графтио на траурном митинге говорил: «Лично товарищу Ленину не удалось быть на месте работ, но все время он продолжал неуклонно следить за развертыванием работ Волховстроя. Он был душой волховского строительства».

Через несколько месяцев, когда из Волхов приехал Михаил Иванович Калинин, кессонщик Соколов на митинге сказал: «Мы построим гидростанцию, работая под тем же атмосферным давлением, что и при Ильиче». Это полностью отвечало мыслям Михаила Ивановича, всесоюзного старосты, который еще в 1923 году на сессии ВЦИК заметил: «...нужно снять последний пиджак и построить Волховстрой».

Автор прослеживает историю Волхова вплоть до Отечественной войны, когда фронт проходил в нескольких сотнях метров от гидростанции и когда ее готовились взрывать, чтобы не отдать врагу, он знакомит нас со старыми, ныне еще живущими волховстроевцами, рисует в своей сжатой манере их портреты, и снова читатель окунается в атмосферу давно прошумевших лет.

Графтио в первом номере «Бюллетеня Волховстроя» опубликовал статью «В грозу и бурю».

Так назвал свою книгу и Борис Галин.

Ник. КРУЖКОВ

Борис Галин. В грозу и бурю. Издательство «Советская Россия», 1967.

Михаил ГОДЕНКО

Абрикоса запах пряный...

* * *

Стояли три ели,
Стояли и пели
Про то, как снега
На рассвете синели.

Про то, как сорока
Летела над бором.
Про то, как до срока
Рассыпались горы.

Про то, как моря
До поры обмелели,
Про то, как заря
Расстилает постели.

Как месяц в уздечке
По небу рысачит.
Как утка на речке
По селезню крячет.

Про то, как светило
Всходило над нивой,
Ометы палило
И конские гривы.

Спугнуло метели,
Метнуло капели...
Стояли три ели,
Стояли и пели.

* * *

Орешник, синие осины
Да две березки на юру...
А мне бы степи Украины,
Дымок азовский поутру,

Акации сухие сучья
Да серебристо-сизый лох.
Гоняться по стерне колючей
За выводками жирных дроф.

И абрикоса запах пряный.
И суету домашних дел.
И чтобы я, от солнца пьяный,
С отцом на лавочке сидел.

Я УКРАИНЕЦ

Я украинец, но пишу по-русски:
В Москве учился, и мужал, и креп.
Живу в московском переулке
узком,
Пью воду русскую,
Ем русский хлеб.

Но только не отступник я
постылый.
Я — с Украиной,
И она — во мне.
И где б я ни был —
В Туле, под Тагилом,—
Я все равно в родимой стороне.

Я сердцем ощущаю каждый
шорох
Ее глубоких шахт,
Ее морей.
Мне каждый кустик придорожный
Дорог,
Как прядь седая
Матери моей.

И потому у отчего порога
И потому в любом ином краю —
У синих льдов, у жаркого отрога —
Я все о ней,
О вишенной, пою.

* * *

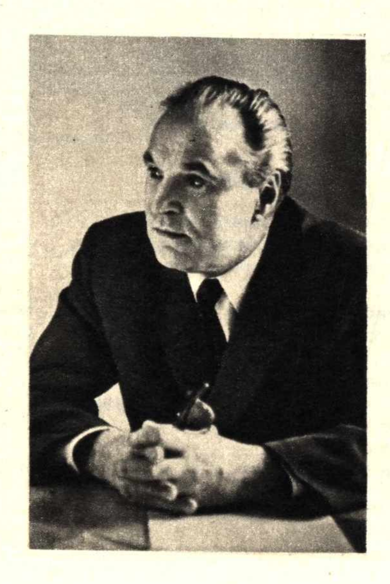
Опять кого-то отпевают,
Кому-то распашонку шьют.
Опять кого-то забывают
И с кем-то новым встречи ждут.

Опять калина отпылала,
Заворошился снегопад.
Гляжу на стынущий закат
И начинаю жизнь сначала.

В редакцию поступают письма читателей, общий смысл которых сводится к следующему: «Вопреки пессимистическим высказываниям ряда ученых, наперекор закону биологической несовместимости тканей, в груди, 58-летнего зубного врача Филипа Блайберга вот уже более трех месяцев исправно бьется сердце 24-летнего Клайва Хаупта. Объясните это!»

Публикуем беседу нашего корреспондента А. Черняховского с видным советским ученым, вице-президентом Академии медицинских наук СССР профессором Владимиром Васильевичем Ковановым.

О ПЕРЕСАДКАХ СЕРДЦА БЕЗ СЕНСАЦИЙ



В. КОВАНОВ,
вице-президент Академии медицинских наук СССР

Вопрос: Операции пересадки сердца, осуществленные профессором Кристианом Бернардом, вызвали в мире самые разноречивые отклики — от бурных восторгов до почти прямого осуждения. А сам больной Блайберг тем временем и впрямь благополучно здравствует, ведет переписку и, может быть, даже возвратится через какой-то срок к работе. Какова ваша позиция?

Ответ: Объективным судьей в таких делах быть очень трудно. Первое, что, видимо, следует сделать, так это по примеру спортивных арбитров сразу же отбросить самые крайние оценки. Проблема очень серьезная, строго научная, и тут не должно быть места ни чрезмерным восторгам, ни предвзятому пессимизму и недоверию.

Обращает на себя внимание тот факт, что в широкой прессе на первый план выступили морально-этические, правовые аспекты проблемы, а не биологические. Представители разных слоев населения усиленно обсуждают вопрос: имеет ли право врач «забирать» чужое сердце? Не породят ли такие операции у тяжелобольных недоверие к медикам? Одна из висбаденских автомобильных компаний выпустила даже плакат: «Водители, будьте осторожны — Бернард ждет!» На мой взгляд, телега оказалась впереди лошади. Человечеству, увы, пока «не грозят» массовые пересадки сердец. Даже в промышленности деталь ставят на поток только после тщательной подготовки всего технологического процесса. Что же говорить о сложнейшей операции на таком щепетильно тонком органе!..

Теперь о трех с лишним месяцах жизни с чужим сердцем. Да, судя по последним сообщениям из Кейптауна, Филип Блайберг живет и вернулся домой. К счастью, живет! Но пока еще не наступил крайний срок для окончательных суждений о результатах. И сам больной не только попивает в свое удовольствие пиво, как об этом красочно пишут в западных газетах, не только обменивается приветливыми улыбками с женой и миловидной дочерью Джилл. Он еще находится под пристальным надзором врачей. Луи Вашканский тоже ведь хорошо перенес саму операцию, но погиб при первом же столкновении с инфекцией — его организм был доведен в этом отношении до состояния крайней беззащитности. Врачи не случайно заботятся о бóльшем равновесии иммунологических «весов» у Блайберга.

Пересадки сердца были произведены в последнее время не только профессором Бернардом, но и другими хирургами — Канторовичем, Шамвеем, Де Беки. Глубоко заблуждаются те читатели, которые рассматривают эти смелые, рискованные операции как неожиданные. Нет, Кристиан Бернард и его последователи отнюдь не действовали по принципу: пришел — увидел — победил! Их начинаниям, давшим, бесспорно, определенный толчок развитию хирургии, предшествовали многолетние эксперименты на животных, широко проводимые в СССР, США и других странах. Напомню о нескольких самых успешных. Советский ученый В. П. Демихов подсадил собаке голову вместе с передними лапами. Одна такая «чужая» половина туловища жила целых 32 дня. Ученый разработал и оригинальный способ подсадки животному второго сердца. Коллектив нашей лаборатории трогательно привязался к собаке Гришке, прожившей со вторым сердцем 141 день. Профессор А. Г. Лапчинский вот уже более трех лет наблюдает животное, которому он пересадил заднюю лапу от другой собаки. У американского профессора Шамвея есть собаки, живущие с «пришитым» сердцем по пять и более лет.

Медициной накоплен немалый опыт и пересадки органов от человека человеку, в частности пересадок почек. Один больной, которому известный французский хирург Амбурже сделал такую операцию еще в 1959 году, здравствует и поныне. Все страны облетело в свое время известие о пересадке моряку из Хули-Луна (Эквадор) целой руки, да еще от трупа. Американский хирург Келли подшил двум своим больным поджелудочную железу вместе с двенадцатиперстной кишкой. Сотрудники нашей лаборатории В. Г. Теряев, И. Д. Кирпатовский разработали оригинальные методики пересадки щитовидной железы, яичек, яичника, сегментов тонкого кишечника. Хирурги многих стран широко пересаживают роговицу, хрящи, кости, кожу. Словом, я не ошибусь, если скажу, что наука шаг за шагом давно уже «подбирается» к осуществлению заветной мечты — мечты о надежной замене вышедших из строя органов их биологическими двойниками. Как видите, Бернард не является Колумбом. Однако его операции — своеобразный скачок вперед, мне думается, полезный, воодушевляющий хирургов на новые поиски и дерзания.

Самой главной преградой для осуществления массовых пересадок органов была и остается биологическая несовместимость тканей. Правда, есть ученые (среди них В. П. Демихов), вообще не признающие тканевой несовместимости. Все неудачи пересадок они объясняют чисто техническими погрешностями, вмешательством инфекции и т. д. Ну что ж, каждый экспериментатор имеет право на собственные взгляды и собственные заблуждения. Я же, как и большинство ученых, считаю гвоздем всей проблемы именно несовместимость.

Вопрос: Какие намечаются реальные возможности для ее преодоления?

Ответ: Первые обнадеживающие результаты были получены чехословацким ученым Миланом Гашеком и английским исследователем Питером Медаваром. Им удалось пробить брешь в барьере несовместимости, вводя эмбриону взятые от другого индивидуума клетки селе-

зенки, костного мозга, крови. Почему эмбриону? Защитная реакция формируется лишь к концу внутриутробного развития. В первые дни после рождения живое существо тоже способно еще принять чужеродный белок и закрепить его в своей генетической памяти. Потом этот организм уже без конфликта воспринимает ткани того же донора. Подобное состояние терпимости к чужому белку получило название толерантности. Ученик М. Гашека С. Пуза, работавший в содружестве с сотрудниками нашей лаборатории, предложил вырабатывать у щенков толерантность путем полной замены крови. Таким именно способом воспользовался А. Г. Лапчинский для успешной пересадки задней лапы. Но широко прибегать к такой методике нельзя, ибо введенные вместе с новой кровью иммунные тела могут вызвать крайне тяжелую, подчас смертельную реакцию. С другой стороны, может ли человек всю свою жизнь быть привязанным, зависеть от одного-единственного донора, к которому он толерантен?!

Другое направление борьбы с несовместимостью тканей — использование химических препаратов: имурана, азесерина, актиномицина С. К сожалению, большинство из них обладает нежелательным побочным действием и резко снижает обороноспособность организма по отношению к инфекциям. Случайный грипп может свести на нет все предыдущие усилия.

Американский ученый Доссе обнаружил в белых кровяных тельцах человека 10 веществ, способных вызывать в другом организме реакцию отторжения. Однако со временем выяснилось, что если у донора и того, кому он отдает свой орган, оказываются одинаковыми хотя бы не все 10, а только четыре ведущих вещества из этого набора, то хирург уже может надеяться на успех пересадки. Может быть, у Блайберга и у бывшего «хозяина» сердца и было такое счастливое совпадение?

Обходных путей, лазеек много, но все они пока еще не могут удовлетворить широкую практику. Нужны дальнейшие решительные атаки барьера биологической несовместимости тканей.

Вопрос: Вы имеете в виду только опыты на животных или клинические эксперименты тоже?

Ответ: Последовательность: эксперимент на животном, потом операция на человеке — кажется наиболее естественной и логичной. Но жизнь решает нередко этот вопрос по-своему. Когда весною 1635 года в больницу Кенигсбергского медицинского факультета был доставлен крестьянин, случайно проглотивший нож, перед хирургом Даниелем Швабе встал вопрос: оперировать или предоставить все «воле божьей»? В те времена никто еще в мире не делал операций на брюшной полости. И все-таки чувство долга взяло верх, врач решился. Он собрал в анатомическом зале всех представителей медицинского факультета, привязал больного к доске и, не обращая внимания на его крики, рассек переднюю брюшную стенку, желудок, удалил нож и зашил все раны. Человек поправился. Лишь через два с половиной столетия после операции Швабе начали разрабатывать на животных методы операций на органах брюшной полости.

И в наши дни лабораторный эксперимент далеко не всегда может предшествовать клинике, ибо слишком велика анатомическая и физиологическая разница между животными и человеком. Часто то, что хорошо получается на мышах или кроликах, совсем не помогает людям, и наоборот. Операции на «сухом сердце», например, лучше проходят у человека, чем у собак; аппарат «Искусственная почка» со значительно большим успехом очищает кровь от шлаков у людей и гораздо хуже у животных.

Каждая новаторская операция ставит хирурга перед дилеммой: или попытаться (пусть даже со смертельным риском!) спасти больного, или отступить, руководствуясь хотя и гуманным, но отражающим бессилие медицины принципом: только не вреди! Я согласен с членом-корреспондентом АМН СССР профессором Н. М. Амосовым[1], который выдвигает на смену устаревшему новый принцип — активный, зовущий к отважным поискам: постарайся помочь обреченному! Спокойный и протоптанный путь — на человека — только после собаки! — на поверку далеко не всегда оказывается самым лучшим, а главное, самым близким к цели. В самом деле, все собаки, которым у нас пересаживали сердце, погибли, а больной, оперированный профессором Бернардом, жив!

Вопрос: Можно ли считать, что техника пересадки сердца полностью разработана и дело лишь в преодолении несовместимости тканей?

Ответ: Нет, так считать нельзя. Технические трудности преодолены лишь частично. Важнейшими этапами на этом пути были разработка А. Каррелем методики соединения кровеносных сосудов и создание советским инженером В. Ф. Гудовым великолепного сосудосшивающего аппарата. До сих пор, к сожалению, не найден еще наиболее подходящий метод вспомогательного (разгрузочного) кровообращения. Дело в том, что пересаженное сердце некоторое время работает еще слабо, ему трудно сразу справляться с той нагрузкой, которую налагает на него чужой организм. При пересадке почки роль некоего костыля играет аппарат «Искусственная почка», он на первых порах берет на себя часть очистительной работы и тем самым облегчает жизнь новой почке. Именно этот аппарат помог организму сотен оперированных больных миновать наивысшую точку реакции несовместимости, побороть «криз отторжения». Увы, аппарата «Искусственное сердце» пока нет, хотя энергичные попытки создать его предпринимаются в СССР, США и других странах. Лишь после того, как рядом с пересаженным на какой-то срок забьется еще и механическое сердце, операции этого рода станут более надежными, появится больше надежд на стабильные результаты.

Даже если говорить о пересадках почек, наиболее освоенных хирургами, то и тут не все технические трудности преодолены. Почка очень чувствительна к кислородному голоданию, надо настойчиво совершенствовать методы ее временной консервации. Пока же хирургам приходится очень спешить и с тем, чтобы взять ее у донора, и с тем, чтобы подготовить воспринимающего больного. Решают буквально минуты. Исследования, проведенные в нашей лаборатории, показывают, что срок хранения почки можно повысить до 3—12 часов. Для этого ее требуется охладить до +2—+4 градусов, беспрерывно подкармливать с помощью аппарата искусственного кровообращения и содержать в барокамере при повышенном давлении кислорода. Но далеко не в каждом, даже крупном лечебном учреждении сегодня имеются такие условия. Как видите, и над решением технических проблем ученым предстоит немало потрудиться.

Вопрос: Больных, нуждающихся в пересадке сердца, почки, печени, поджелудочной железы и т. д., очень много, во всяком случае, гораздо больше, чем можно «заготовить» этих органов при внезапных катастрофах. Где же выход?

Ответ: Естественно, что самые лучшие «запасные» органы — свежие, не успевшие еще стать совсем мертвыми. Не вижу, почему бы не использовать их.

В нашей стране из взаимоотношений врача с его пациентами начисто изъят материальный расчет и нет условий, толкающих людей к торговле своими органами. Содрогание и гнев по адресу строя, породившего такое уродство, вызывает появившееся в Париже объявление женщины из Ниццы, подписавшейся инициалами Р. М.: «Продаю живое сердце!». «У меня нет ничего другого,— пишет эта несчастная,— и я хочу это сделать ради своей семьи... Ни один богатый больной не должен колебаться перед этой сделкой...» Трагическая, отвратительная гримаса капиталистического общества!

Что же до нас, советских людей, то нам надо больше верить в разум, благородство, гуманность и высокое чувство ответственности тех, кто посвятил всю свою жизнь служению людям, их здоровью и благополучию. Отдельные врачи-изверги, которые способны были умертвить больного, водились только в фашистских лагерях смерти!

Мне думается, что решение крайне ответственного вопроса о том, в какой момент можно считать уже полностью исчерпанными все надежды на жизнь умирающего человека, следует доверить не одному специалисту, а целому консилиуму. Это полностью исключит всякие недоразумения.

Параллельно нужно усиленно отрабатывать методику консервации трупных тканей и органов. Уже сегодня более 41 процента всех пересаженных в мире почек взяты от трупов. Остается научиться быстрее и надежнее оживлять ткани.

Вопрос: И последний вопрос, связанный все-таки с этической стороной проблемы: как вы относитесь к идее жизни изолированной от тела головы? Профессор Н. М. Амосов пишет: «Я не вижу в этом никакого кощунства, и если бы предложили мне, то согласился бы».

Ответ: Отвечу теми же словами: если бы предложили мне, то я отказался бы! Может быть, потому, что мне, по специальности анатому, более отчетливо видны и более дороги сердцу изумляющее совершенство человеческого тела, неповторимая пластичность его форм, гениальная в своей первозданной простоте взаимосвязанность частей. И вдруг нам предлагают нарушить эту величавую гармонию. Ради чего? Чтобы продлить на год или на три года мыслительную способность мозга? Сомневаюсь в успехе! И дело тут совсем не в технике — ее-то можно преодолеть. Если уж он, этот изолированный купол мысли, и впрямь будет существовать и мыслить, то неужели сам он не оценит во всей убогой реальности нищету и ограниченность собственного положения? Наверняка оценит и не сможет уже думать о чем-то отвлеченно-возвышенном. Ради чего же строить эти химеры? Нет, слишком интимно и тесно связаны наша голова и тело, чтобы допустить возможность их раздельного существования.

И раз уж мы заговорили об этической стороне дела, коснусь еще одной, как мне кажется, надуманной проблемы. Спрашивают: можно ли будет доверить врачу роль верховного судьи в такой ситуации: на одной койке человек умирает из-за болезни сердца, на другой — из-за травмы мозга. Кому что пересаживать? Кого спасать? Ответ может быть только один: без всякого выбора — обоих! Средства? Их подскажет уровень нашей науки.

Пусть мертвые все больше спасают своим угасшим телом живых, пусть не дают им преждевременно уйти из жизни, полной радостей и печалей, любви и страданий, творческого труда, смелых поисков и окрыляющих открытий.

[1] См. «Литературную газету» от 21.II.1968 года.

ЧТО СТАРИКАМ НАДО

Мария ХАЛФИНА

1. ОДИНОЧЕСТВО

Принято утверждать, что у нас никакой проблемы отцов и детей нет. Не положено. Нет социальной основы.

Основы нет, а проблема все же налицо... Шеф спросил, показала ли я Ильину психиатру.

Я ответила: нет.

— Что ее угнетает? Вам удалось выяснить?

— Нет. Но мне кажется, что она очень ждет сына...

— Вам кажется?

— Я уверена... его нужно вызвать. Она боится умереть без него.

— Если бы она боялась умереть, вела бы себя иначе... А вам не кажется, что она боится жить?

Он повернулся и пошел из ординаторской. Вот так-то вот, Мария Владимировна. В таком, значит, разрезе... И не кажется ли вам, Мария Владимировна, что вы со своим психоанализом окончательно в трех соснах заблудились...

А может быть, все же пригласить психиатра Бориса Петровича или хотя бы просто посоветоваться с ним... О чем? Я же уверена, что все мы, включая самого шефа, в большей мере психи, чем она.

Но она слабеет. Со стороны это не очень заметно. Она улыбается, разговаривает, послушно пьет лекарства, ест, понемногу и явно через силу, но все же ест, особенно когда ее кормит Валерий.

Уже несколько раз я заставала ее в каком-то полузабытьи. Один раз я услышала: «Мой маленький...» Как она это произнесла! Наверное, ей пригрезился маленький Валерка...

Еще было так. Я на цыпочках, бесшумно вошла к ней в палату, и она в это мгновение сказала негромко, медленно, но очень твердо: «Не надо, Виктор, не на-до!»

А однажды, когда я наклонилась над ней — она лежала так неподвижно, так тихо, что мне стало жутко,— она сказала чуть слышно: «Марусенька...»

Ее покойную дочь звали Марусей... Я распрямилась, хотела отойти, но она подняла веки и улыбнулась. Я поняла, что она не спала, слышала, как я над ней склонилась. Это меня она назвала Марусенькой...

— Идите отдыхать... и скажите там, пусть не караулят... я буду вести себя хорошо...— Значит, она все замечает, все видит.

Как-то она рассказала о своих отношениях с сыном. Понемногу у Виктора вырабатывается особый тон по отношению к ней — покровительственный, снисходительно-ласковый.

Это в лучшем случае, когда у матери хватает ума не цепляться за свое привычное и, казалось, такое незыблемо прочное место в его жизни.

Но не всякая мать без боя сдает позиции. Вскипает нелепая материнская ревность, борьба за право вмешиваться в дела своих взрослых детей, за свое влияние в семье — короче говоря, все то, что способно отравить жизнь молодых, испортить им отношения, полностью нарушить лад в семье.

В таких случаях обычно говорят: окончательно выжила из ума. Ну, а в лучшем случае мать деликатно отходит в сторонку... На обочину.

Казалось бы, что старому человеку нужно? Кончилось рабство. Она может наконец свободно вздохнуть. «Ныне отпущаеши раба твоего...»

Она суетится, пытается, насколько возможно, уютно оборудовать эту свою обочину. Но ничего не получается...

Каменная пустыня одиночества.

Она выразилась как-то иначе, вообще она говорит очень просто, без всяких там вычурных, драматических слов, но смысл именно такой: каменная пустыня... в ней даже эха нет. Закричи — а эхо не отзовется...

И все это она говорит очень спокойно, без ожесточения, даже без горечи.

И только в третьем лице: они, она... Как сторонний наблюдатель, оценивающий какое-то явление, лично к нему никак не относящееся.

А меня этот разговор вымотал. Ни на одну минуту я не имею права забывать, что я врач, а она моя больная. Я не могу с ней спорить.

Я знаю, что ей вредно много говорить, но, может быть, молчать еще вреднее?

Да и говорила-то она совсем недолго. Это в моем переложении получилась такая тягомотина.

Она, видимо, почувствовала мое состояние. Погладила кончиками своих легких, прозрачных пальцев мою руку и сказала:

— Хватит философских отвлеченностей... Расскажите мне лучше о себе. Как поживает ваша мама? Вы с ней помирились?

Я как-то мимоходом сказала ей, что у меня не очень ладится с мамой, тогда она не проявила никакого интереса к моим семейным делам, а, вот видишь, оказывается, все помнит.

Я бодро похвалилась, что теперь у меня все в порядке. Мама очень изменилась, стала сдержаннее, спокойнее.

Тогда она спросила:

— А вы ничем не обидели ее?

Я еще раз заверила, что все наладилось. Потом принесла ей таблетку «настоящего» снотворного и еще посидела, но уже молча, пока она не начала дремать.

Почему она спросила: не обидела ли я маму? Дома у меня тишь и благодать. Прекратились воркотня, недовольства, настырные расспросы о моих больных, о том, что сказал шеф, что я кушала и как кушала...

В общем, полный мир... А может быть, только сосуществование?

Если присмотреться внимательно, можно обнаружить некоторые странности.

Начинаю я ей что-нибудь рассказывать, она послушает-послушает и вдруг прервет: «Ладно, Машенька, ты отдыхай. Софья Ивановна просила Вовку уложить, она сегодня в ночную...» И уходит. На весь вечер.

Она ладит со всеми соседями, но дружбы особой у нее ни с кем нет. Это со мной она любила поболтать, а с чужими она очень сдержанна и сближается с людьми туго. Где она проводит вечера? Обе соседки, бабы несимпатичные, привлечь ее ничем не могут... Кухня у нас общая. Холодная, неуютная... И вообще она стала какая-то вроде пришибленная.

Почему? А вот почему. Недели две с половиной назад я пришла домой усталая и злая, как собачонка. Свои настроения я всегда стараюсь от нее скрывать, но она каким-то особым чутьем сразу определяет, когда у меня что-нибудь не поладилось.

Потом мама привязалась с ужином, а я так устала, что мне кусок в горло не лез. И я сорвалась. Собственно, я не орала на нее, не грубила. Я сказала: «Мама, господи! Как ты мне надоела! Отстань от меня, ради бога, дай ты мне отдохнуть». Она сразу замолчала. И ушла, видимо, в кухню, потому что больше ей уйти некуда.

Дулась потом несколько дней. Вообще-то она для своих лет очень хорошо сохранилась, никогда не жаловалась на здоровье, а тут, я вижу, по утрам вид у нее больной. Пришлось срочно восстанавливать дипломатические отношения.

По правде говоря, вины я за собой не чувствовала, но все же переломила себя, подошла к ней, обняла: «Не дуйся, ма, я, конечно, скотина, но неужели ты не понимаешь, что я очень устаю, что иногда мне не до болтовни?»

А она вдруг засуетилась, растерялась. «Что ты,— говорит,— что ты, Маша?! С чего ты взяла? Просто мне немного нездоровится...»

Продолжение. См. «Огонек» № 14.

Вот как все это было. Абсолютно точно. После этого у нас и установился мир. Тишь и гладь.

А все же почему я уже больше года, например, не была с мамой в кино? Пока Юрка не уехал в экспедицию, мы урывали каждый свободный вечер, чтобы побыть вместе,— это понятно. Но ведь его нет уже четыре месяца, я за это время несколько раз побывала в театре и филармонии, десяток раз ходила в кино. Но без мамы...

Почему я не могу в конце концов поговорить с ней о Юрке? Я же знаю, как тревожит ее неопределенность наших отношений. Ведь это же так просто объяснить ей, что мы не можем пожениться, потому что нам негде жить. Юрка до сих пор в общежитии, у нас с мамой на двоих одна комната.

Пусть она его не любит. Я знаю, такой зять ей не по душе, но тут уж ничем не могу ей помочь. Ее зятем может стать только Юрка...

Как может быть одиноким человек, если его окружают близкие, любящие, очень чуткие люди?

Она обобщает. И получается, что удел старости — каменная пустыня. Что в конце жизни человек неизбежно, неотвратимо приходит к одиночеству... И не потому только, что слабеют его связи с взрослеющими детьми — она же сама говорит, что это естественный и закономерный процесс... Чего-то она недоговаривает.

Возможно, дело в том, что мы, молодые, вообще не способны понять трагедии старения... Может быть, это действительно очень страшно? Откуда мы знаем? Сознание обреченности... близости конца. И отсюда — одиночество. Но я действительно этого не понимаю. Существуют определенные биологические законы жизни человека. Естественное чередование возрастных категорий. Мне недавно стукнуло двадцать шесть.

Ах, какая трагедия! Уходит молодость! Одна треть жизни, причем лучшая часть, уже прожита! Нет, не понимаю.

А если говорить об одиночестве, так самое ужасное, по-моему,— это одиночество человека молодого. Когда он ищет и не находит связей с окружающим, с людьми. А я знаю таких. И знаю стариков, которым можно позавидовать. Это жизнелюбы, не боящиеся смерти.

Например, Славкины родители. Отец у него старый, но еще работает, а мать на пенсии. Занятная семейка. Славка — циник, грубиян, а со стариками прекрасно ладит. Конечно, они и спорят и ругаются, но нет у них никаких трагедий, никаких рвущихся связей, никаких пустынь.

Мать очень похожа на Славку. Она говорит: «Придумали какую-то ахинею, что как вышел человек на пенсию, так и жизни конец. Бред сивой кобылы. Для женщины пенсия — дар божий. Детей рожать не надо — время вышло. Ребята-ироды повырастали, слезли с горба. Хлеб ты жуешь свой — ни от кого не зависишь. Теперь только и пожить для себя, теперь только радости-то жизни доступны стали. Раньше почитать бы часок, а нельзя, минуточки свободной нет; в кино бы сбегать — денег жалко, ребятишки на детский сеанс за эти деньги вдвоем сходят; в выходной день за город бы съездить, отдохнуть — опять же не выходит, стирки скопилось, дай бог силы за выходной управиться.

Внучат я себе на шею посадить не даю. Мы с отцом четверых родили, без бабки вырастили — и ничего. И сами не померли, и ребята получились неплохие.

Припрет нужда — заболеет кто или на курорт съездить надо,— придут, попросят, помогу, выручу, а в няньки к ним идти на старости лет что-то не поманивает».

И дети на нее не обижаются. У Славки два малыша, ему с женой очень туго приходится, но он говорит: «Они свое дело сделали, пусть божьи одуванчики хоть напоследок по-человечески поживут».

Или бабка Хворостинина. Ей за семьдесят. Ходячее отрицание тезиса, что «в здоровом теле здоровый дух». От тела почти ничего не осталось, косточки и кожа. Ревматизм, стенокардия, а бодрости духа на пятерых молодых хватит.

Всю жизнь работала на ткацкой фабрике, родила и вырастила пятерых, потом растила внуков, а теперь хвалится, что скоро внучка Валька принесет ей правнука. «Мне,— говорит,— о смерти еще рано думать, вот последнего внука женю да правнука вынянчу, тогда другое дело, может, и надумаю».

Вот так просто открываются некоторые ларчики.

Стояла на автобусной остановке, сбоку на меня налетела сватья Варвара Семеновна, свекольно-румяная от мороза, заорала весело — вся очередь разом на нас оглянулась: «Марусенька вы моя, да чего же вы здесь торчите, да в такую погоду только и пробежаться, кислородом подышать!»

Подхватила меня под ручку и поволокла в переулок.

На ходу она стала расспрашивать о состоянии Нины Алексеевны и вдруг сокрушенно поведала, что болезнь сватьи спутала все их семейные планы.

Дело касалось Валерия и Иринки. Их нужно было поженить. Она говорила со мной с потрясающе благодушным бесстыдством:

— Два года гуляют. Ируська — девчонка, ей, конечно, не так, а от Валерика одна арматура осталась. Вы сами молоденькие, к тому же медик,— представляете, каково молодому парню два года около этакой-то кошечки облизываться?

Конечно, Валера — мальчик порядочный, ничего такого до свадьбы не позволит, да и Ирка ни не из таковских, но все же живое об живом думает, природа своего требует...

Я сказала, что Нина Алексеевна может пролежать долго и я уверена, она не обидится, если свадьбу справят без нее.

— Господи! Да я разве про это?! — изумилась сватья.— А жить-то им где? Что же, он мою Ирину в проходную комнату, за ширмочку за свою приведет? Им отдельная площадь полагается. Где это видано, чтобы старуха одна комнату занимала, а молодожены в проходной ютились?

В общем, у двух сватьюшек все, оказывается, было решено и спланировано. Нина Алексеевна уступает комнату молодым, а сама переселяется на жительство к Варваре Семеновне.

— У нее комнатушка махонькая, об одно окно, а у меня двадцать четыре метра. Я бы ей тот же Иркин угол отвела и походила бы за ней, как за родной матерью. Она бы у меня ни работы, ни заботы не знала — сиди копайся в своих книжках, хоть с утра до ночи. Захотела в кино или к своим на старую квартиру сходить — иди, никто слова не скажет.

И вещей никаких перевозить не требуется. Спала бы на Иркиной кровати, пущай бы даже и коврик Ируськин оставался, и столик бы у нее свой отдельный был, как дома.

Книжки все, конечно, перетаскивать ни к чему. У нее их целых три шкафа набито. Ну один пущай бы взяла, я ничего против не имею. Трельяж зеркальный я за Иркой в приданое благословила, вот на его место шкаф и поставили бы под книжки. Пущай бы забрала с собой какие ей самые нужные.

Правда, чего уж я не люблю — это цветы в комнате. Сырость от них одна и запах земляной, ну уж раз ей так мило, пущай бы две-три баночки перевезла.

Ну чего же еще старушке надо? Доживай себе на спокое, тихо, тепло, в уходе, никому не мешаешь.

Да она и сама уже осознала, насколько это некрасиво — молодым век заедать. Она же Валерика сама до смерти любит. Если бы не болезнь эта проклятая, мы со сватьей Мариной Борисовной живенько бы ее перевезли, пока Виктор Андреевич в отъезде.

Уж больно он у них характером поперешный. Сам без Валерика дня прожить не может. Только через порог — сейчас: «Валерий пришел?» Все у них заодно. В книжке или в газете чего вычитают, идут друг другу рассказывают, и на лыжах или купаться летом — все вместе. Мы так с Мариной Борисовной рассудили: все же он отец, Валера у него один, неужели ему старухин каприз дороже сынова счастья?

Тем более если мамаша сама так порешила и переедет по-доброму. Сам, небось, в душето рад бы был, ежели б все так по-хорошему устроилось.

— А Валерий? — спросила я.— Как ко всему этому относится Валерий?

— Валерику Марина Борисовна до времени тоже не велели говорить. Ну, да с ним разговор другой, тут уж не наша, а Ируськина забота. Разве он против нее сможет? Тем более если бабка сама ему комнату к свадьбе в подарок дарит. Я ее вчера спрашивала, она от своего согласия не отрекается.

Вот, значит, откуда у моей дорогой Нины Алексеевны это выражение — «заедать жизнь молодым».

Она не хочет заедать им жизнь. Нужно немедленно поговорить с шефом. Вызвать Виктора Андреевича... А может быть, есть смысл потолковать с Валерием? Нет. Без отца этот желторотый жених может наломать дров.

Самое важное сейчас — душевное состояние Нины Алексеевны. Только сын может вернуть ей душевный покой. Она его ждет и день ото дня слабеет. До приезда Виктора Андреевича я больше не допущу к ней Варвару Семеновну, и визиты Марины Борисовны тоже, пожалуй, лучше ограничить. Скажу, что это распоряжение шефа...

Я вернулась в клинику, но ни шефа, ни Леонида Ивановича уже не было. У Нины Алексеевны сидел Валерий. Он с сияющей рожей, рот до ушей, сообщил, что «папа на днях будет дома, не сегодня—завтра».

А Нина Алексеевна лежала такая тихая, безучастная, словно все это ее совершенно не касается.

Приняла ночное дежурство, обошла палаты. Полчаса посидела у Мити Янышевского. На днях ему предстоит операция. Очень тяжелая, и он это знает.

Готовят его к операции второй месяц. За это время все наши к нему очень привязались. Ему семнадцать лет. Длинненький и очень хрупкий. Обаятельная улыбка — нежная и немного лукавая. Он не вызывает чувства жалости, какое обычно вызывает в людях тяжело больной, вернее, почти безнадежно больной, милый ребенок.

Покоряет в нем сочетание хрупкости и мужества. Настоящего, осмысленного человеческого мужества, каким не всегда обладают зрелые мужчины.

Я принесла ему книжку стихов Багрицкого и шоколадку с орехами. Он любит с орехами.

Потом, когда в палатах погасли огни и установилась тишина, особая, наша, больничная ночная, настороженная тишина, я пошла к Нине Алексеевне.

Подле ее постели сидела нянечка Полина Дмитриевна, добрая душа, самая человечная из всех наших нянь и санитарок.

Разговор шел о детях. Вела его не спеша няня Поля, а Нина Алексеевна молча слушала. Очень серьезно и внимательно слушала.

— Это уж какой матери как повезет. Одной в детях счастье, другой горе одно. Он еще и народиться не успеет, а ты за него уже болеешь. У него уже свои народились, а ты все равно болеешь, переживаешь... И клянешь его другой раз, ругаешь, а все равно обратно переживаешь. И так до гроба, до последних твоих дней...

Увидев меня в двери, Полина Дмитриевна пожелала больной покойной ночи и ушла.

Я присела на краешек постели Нины Алексеевны, взяла ее руку, чтобы проверить пульс.

— Итак, беседа шла о материнском чувстве? — спросила я с невинной улыбкой.

— О да! — негромко откликнулась Нина Алексеевна.— Бессмертная, в веках воспетая, святая материнская любовь! — Она помолчала, прикрыв глаза, пока я подсчитывала пульс.— Вы сказали: материнское чувство... А вы уверены, что это действительно чувство? — Опять небольшая пауза: я не поняла вопроса.— Иногда говорят: материнское чувство, а иногда — инстинкт материнства. Что же это такое: чувство или инстинкт?

— Нина Алексеевна, дорогая, вы прекрасно

знаете, что это понятия совершенно различные,— сказала я спокойно.— Вам нужно уснуть.

— Вы прекрасно знаете, что я не усну, и снотворного настоящего вы мне не дадите, и сами спать не ляжете. Будете, как лунатик, бродить по коридорам, нарушая безмятежный сон нянечек и сестер. Вы видите, какая я послушная больная. Я уверена, что мне необходимо движение, воздух, книги, но вы приказали мне лежать — и я лежу, потому что иначе шеф снимет с вас голову... Не сердитесь, Марусенька, я шучу.

— Почему вы не можете спать? Что вам мешает? — спросила я прямо.

Я хотела убрать руку с ее запястья, но она прикрыла ее своей ладонью.

— Старость... обычная старческая бессонница.— И повторила: — Не сердитесь на меня.— Потом добавила, заглянув мне в глаза, со своей ласково-иронической усмешкой: — Только не ищите драмы там, где ее нет.

Я начала по-идиотски краснеть, но сделала вид, что не поняла, и спросила первое, что пришло на ум:

— Так что же это такое, материнская любовь? Чувство или инстинкт?

— Прежде всего материнская любовь — это рабство,— спокойно и не задумавшись ответила Нина Алексеевна.— Пожизненное, бессрочное... без надежды на амнистию. Вы слышали, как выразилась нянечка: до гроба, до последних твоих дней...

Сейчас я не могу восстановить дословно этот наш второй ночной разговор. В ее толковании «фактура материнского чувства» делится на три основных периода.

Живет девушка или молодая женщина. Живет полноценной, интересной жизнью. Свободна, независима. Живи и радуйся. Но вот приходит определенный срок, и в ней просыпается инстинкт продолжения рода, инстинкт материнства.

Она очень образно назвала его — ловушка природы, потому что против него бессильны доводы рассудка, разума, расчета.

Причем она оговорилась, что речь идет не о тех, кто становится матерью случайно, поневоле, по несчастному стечению обстоятельств.

И вот она носит ребенка. Зародыш, уродливый эмбрион. Ее организм физиологически перестраивается, в ней все подчинено интересам его развития, его формирования.

Потом оно родится — такое крохотное, такое беспомощное и самое драгоценное существо из всех, кто ее в этом мире окружает.

Он уже существует самостоятельно — человек, личность, индивидуум. Он умеет дышать, он питается уже не кровью матери, не соками ее тела, а только ее молоком.

Но она еще не осознала свершившегося разобщения с ним. Продолжает работать инстинкт — могучая, страстная животная связь (нет, она сказала —«звериная связь»).

Взаимозависимость. Ему необходима только она. Связь эту может прервать только смерть. И ей кажется, что связь эта навсегда.

Ребенок растет. Понемногу начинает изменяться и отношение матери к нему. Это уже чувство — разумное, требовательное, осмысленное (да, она так и сказала — «осмысленное»). Но по-прежнему с ним связаны ее планы, надежды, мечты о будущем.

Так или иначе, в той или иной мере ее личная жизнь подчинена его интересам. Связь продолжается. Не физиологическая — связь сознания. Взаимосвязь. Потому что и на этом этапе мать продолжает оставаться для него существом самым близким и необходимым.

Человек взрослеет. Начинается естественный и закономерный процесс. У него появляется свой мир, свои интересы, возникают свои новые личные связи. Он заботлив и внимателен. Но взаимосвязь нарушена.

Мать по-прежнему радуется его радостям, болеет его болью. Нет, не по-прежнему, а в значительно большей мере.

Раньше, когда он приходил к ней с обидой или шишкой на лбу, она могла ему помочь — что-то объяснить, посоветовать, подсказать или просто подуть на шишку, поцеловать—и это помогало. Она была в силах его защитить, а порой принять на себя всю силу удара, предназначенного ему.

А теперь в ее силах одно — не мешать ему, не быть навязчивой, не раздражать попытками проникнуть в его мир. Он искренне убежден, что она уже не способна его понимать, что, устраняя ее из своего личного мира, он щадит мать, оберегает ее душевный покой.

Я сказала Валерию, чтобы он шел домой. Больная должна уснуть. Подождала его в коридоре, передала «распоряжение шефа», отобрала пропуск. Он очень встревожился, мне пришлось его успокаивать.

Хотя меня так и подмывало сделать обратное — нарушить покой этого влюбленного мальчишки. Я на ходу соврала, что все пропуска отменяются, так как в городе грипп, возможно, вообще будет введен карантин... Попросила передать всю эту ерунду обеим его мамочкам, но предупредила, что для Виктора Андреевича пропуск будет заготовлен с завтрашнего числа.

Он доверчиво меня выслушал, поблагодарил за подробную информацию и удалился.

Я наказала сестре первого поста, чтобы она почаще заглядывала к Нине Алексеевне, и решила посидеть часок в ординаторской, подтянуть кое-какие хвосты в историях болезни своих подопечных.

Разложила свою бухгалтерию, и тут меня словно палкой по голове стукнуло. А вдруг мама вообразила, что это из-за нее мы с Юркой не можем пожениться, что, если бы я, когда получила комнату, не забрала ее из поселка к себе, Юрка давно мог бы ко мне перебраться?.. Что она тоже — заедает нам век...

Нет, честное слово, я становлюсь психопаткой. Чего ради придет ей в голову такая чушь?

Ни на кого я ее не променяю. Придет время — рожу себе сына. Не знаю, инстинкт это или «осмысленное» чувство, но мне кажется, что я его и сейчас уже люблю. И Юрку люблю.

И все же знаю, что никогда у меня не будет человека ближе мамы. Есть такое, что можно сказать только себе самой и маме. Больше никому. Даже Юрке.

Существует в мире один человек, для которого нет на свете ничего дороже, ничего интереснее, чем мои дела, моя жизнь. И этот человек — мама.

Она может слушать меня хоть пять часов подряд, будет ходить за мной по пятам, переспрашивать, требовать самых мельчайших подробностей... Переживать.

Юрка, конечно, тоже переживает, но у него уйма и своих не менее интересных дел... А мама... Когда у меня случится какая-нибудь радость или удача, на нее просто смешно смотреть. Она хорошеет, как девчонка, глаза сияют, даже походка становится какая-то молодая, летучая.

Нужно набраться духу и все ей сказать, чтобы она не сочиняла себе никакой ерунды...

Я сгребла всю свою канцелярию и помчалась домой.

А дома на столе лежала записка: «Маша, звонили от Кротовых. Софья Ивановна больна и просит меня приехать. Ужин в духовке. Костюм я погладила. Ты отдыхай, я у них заночую. Мама».

Я легла на диван и чуть не заревела от злости. Ну с чего ее понесло к этим Кротовым? Кому она там нужна? Ведь выдумала же она всю эту галиматью со звонком, с болезнью Софьи Ивановны... Не хватало мне, чтобы она начала уходить из дома, скитаться по чужим дворам...

Оперировали Митю Янышевского. Операция на сердце. Операция прошла успешно... Как все это звучит буднично и просто!

Уже третий год я врач, а привыкнуть не могу.

Такие операции приводят меня в состояние какого-то тихого восторга. Живое Митино сердце в руке хирурга!

На этом таинстве мы присутствовали в качестве пассивных наблюдателей, но, когда я вышла из операционной, во мне местечка живого не было от напряжения и усталости.

Словно это на моей ладони лежало пульсирующее, кровоточащее Митино сердце.

Славка, конечно, не удержался, чтобы не поскалить зубы:

— У тебя сейчас физиономия старушки, которая сподобилась приобщиться святых тайн.

А у самого глаза диковатые и румянец с лица смыло.

Митя-то — его больной. Он готовил его к операции.

Немного отдышавшись, пошла смотреть своих болящих. Потом вызвал Леонид Иванович, обрадовал, что мне предстоит внеочередное ночное дежурство. Римма Константиновна ухитрилась шлепнуться на ровном месте — растяжение сухожилия, бюллетень. У Павла Степановича — грипп, Нонночка выходит замуж, ей предоставлен положенный трехдневный отпуск.

В общем, веселенькая ситуация...

Сбегала домой. Мама еще не возвратилась из своего благотворительного вояжа. Оставила ей записку: «Внеочередное дежурство. Завтра задержусь до вечера. Отдыхай. Мария».

Ночь предстояла нелегкая. В течение дня по «скорой» поступило трое тяжелобольных. Митя молодец, но очень слаб. Хочется все время быть подле него. И Нина Алексеевна мне очень не нравится...

Спасибо Славке. Пришел после ужина и до часу ночи сидел с Митей.

Только к четырем часам все более или менее утряслось.

Митя уснул. Пульс ровный, приличного наполнения. С ним осталась сестра.

У тяжелых дежурили няни. Оставалось заглянуть к Нине Алексеевне, и можно было на часок прилечь.

Самые противные предутренние часы, даже поташнивает от усталости.

Я осторожно подошла к палате Нины Алексеевны, чуть-чуть раздвинула дверные портьеры. Постель была пуста. На темном фоне окна смутно маячил белый силуэт. Она стояла, держась за подоконник, босая, в короткой больничной сорочке.

Пока ее укладывала, немного пришла в себя. Села на край постели и стала полегоньку массировать ей ледяные руки. И все это молчком. Молчали, как два заговорщика, до тех пор, пока она не начала понемножку оттаивать.

— Не могла больше лежать... очень устала...

Она не сказала: «Не сердитесь, Мария Владимировна...» — чувствовала, что я не могу сердиться, не могу ее упрекать.

— Почему вы запретили им ко мне приходить? — спросила она, не открывая глаз, после длительной паузы.

— Чтобы дать вам отдохнуть. Прекратить до приезда Виктора Андреевича разговоры об этом обмене... мамочки на Ирочку.

Она подняла веки и взглянула на меня с пристальным любопытством.

— Откуда вам стало известно об этом... товарообмене?

— Разумеется, от вашей дорогой сватьюшки. Она ищет союзников и, видимо, надеется, что я тоже буду вас убеждать, насколько это удачный вариант...

— А меня и не нужно убеждать,— устало перебила меня Нина Алексеевна.— Она права. В данный момент для нее и Мариши существует одно — любовь Валерия и Иринки. Их счастья ничто не должно омрачать...

На алтарь этой любви обе мамы готовы возложить не только головы, но и животы свои. И не только свои. Не осуждайте их, деточка. Вам нужно родить сына и ждать еще двадцать — двадцать пять лет, когда он впервые по-настоящему полюбит женщину...

Она говорила со мной неохотно, назидательно, как с дурой, как с тупой девчонкой. Но раздражаться и спорить я не имела права.

Я сказала:

— Да, на мой взгляд, все это слишком возвышенно и трагично. Почему этим вопросом не занимаются ваши мужчины?

Хлопотать о предоставлении большей квартиры — Валерий оставлен при институте, женится... Можно было давно вступить в жилищный кооператив, можно, наконец, временно снять частную комнату, а лучше всего пусть на алтарь этой великой любви положит голову и даже живот свой любящая Ирочкина мама — подарит свою комнату молодым, а сама поживет в частной, временно, пока им не дадут квартиру...

— Им не нужна никакая другая квартира...— вяло отозвалась Нина Алексеевна.— Ва-

лерий не должен уходить из семьи... если он уйдет — семьи не станет. Семья — это Виктор с Мариной, ребята и их будущий малыш...

Она вдруг негромко рассмеялась:

— Видимо, он не заставит себя долго ждать... Боюсь, что наивные мамы напрасно так уверены в их благоразумии... Дальше тянуть нельзя...

— Почему ж в таком случае вы не осуществили этот... товарообмен до болезни?

— Вы не знаете Виктора. Возвратившись из командировки, он может прийти, взвалить меня на плечо и притащить... домой. Я не могла уйти из дома, воспользовавшись его отсутствием. Мариша и Варвара Семеновна не в силах понять, что этот вопрос может решать только два человека: Виктор и я. Их безумно волнует, что Виктор Андреевич придерживается модного сейчас мнения, согласно которому детей, достигших восемнадцати—двадцати лет, необходимо отнимать от груди и выталкивать в жизнь. Что молодая семья должна создаваться самостоятельно, без какого-либо влияния со стороны близких... Ну, и так далее... Разумеется, есть семьи, где совместная жизнь родителей и взрослых детей, особенно когда появляются внуки, становится адом. В таком случае выход один: молодые должны уходить из семьи. А у нас... Виктор и Валерка... Если бы вы знали, как они привязаны друг к другу... Приходит Виктор с работы, еще пальто не снял: «Валерий дома?» И Валерка: «Папа пришел?» Все эти рассуждения о самостоятельной молодой семье — слова... слова... только слова. Валерий не должен уходить из семьи... Он нужен Виктору...

— Вы устали, Нина Алексеевна, но я задам еще один вопрос: как вы заболели? Это был первый сердечный приступ, как он начался? Как протекал до приезда врача?

— Днем, когда я была в квартире одна, пришла Варвара Семеновна. Около часа она рисовала мне картины райской жизни, которую я обрету, согласившись на проживание с ними в одной комнате. Мощная была атака... я выкинула флаг капитуляции... сказала, что не возражаю, подумаю. Прощаться она не стала, пообещала «забежать попозже», чтобы уже совместно с Мариной «семейно все обсудить». Когда осада была снята, я ушла из дому. Я решила как-то протянуть до вечера, дождаться Валерия, посоветоваться с ним. Посидела в библиотеке, потом немного подремала в кино и пошла домой. Квартира наша на первом этаже, шторы еще не были задернуты, я убедилась, что Валерий еще не пришел, и решила подождать его в нашем скверике. Есть у нас там такая уединенная скамеечка за кустами. Я очень удобно там устроилась. Чувствовала я себя очень усталой, и в груди начало побаливать. Но я не придала значения... Из-за угла вышли наши девочки: Ирина и ее подруга Таня. Очень милая, искренняя девушка. Они шли за кустами и разговаривали. Таня сказала: «Не понимаю, почему она не согласна? Твоя мама такая добрая, веселая. И комната у вас хорошая, теплая, с удобствами. Ну, не все ли ей равно, где жить?» А Иринка прошла несколько шагов молча, а потом говорит тихо так — понимаете? — без обиды, без злобы, с каким-то грустным недоумением: «Понимаешь, Танька, я была уверена, что она действительно очень любит Валеру... Как можно быть такой бездушной эгоисткой?»

Вот так. Эта старая, бездушная эгоистка оказалась слишком чувствительной. Ее доконал детский лепет этих милых, искренних девочек.

А для нее только — Виктор. Везде и во всем — Виктор...

Разве дело в ней? Боже мой, разве в ней дело?! Виктор, бедный Виктор поставлен перед выбором...

Ну, ничего, завтра он приедет. Уж он-то сумеет распутать эту идиотскую паутину, которой она по старости, по безмерной любви к нему позволила себя опутать.

И тогда будет возможность ее лечить.

— Ничего, Нина Алексеевна...— сказала я бодро.— Завтра приедет Виктор Андреевич, и вы сами убедитесь, что никакой трагедии нет, что для него главное — чтобы вы побыстрее справились с болезнью.

А эта эгоистка погладила мою руку и сказала с какой-то новой, виноватой улыбкой:

— Скоро утро. Идите прилягте хоть на полчасика. Даю вам слово, что больше ничем вас не огорчу... Буду вести себя примерно. Отдохните.

Сын Нины Алексеевны опоздал. Она умерла ночью, перед утром. Умирала одна, а он был рядом, в десяти минутах ходьбы.

Он приехал домой в одиннадцать вечера, и, когда позвонил в клинику, дежурная сестра сказала, что больная спит, тревожить ее нельзя. Если товарищ Ильин придет завтра часам к одиннадцати, он сможет поговорить не только с лечащим врачом, но и с самим профессором, так как завтра профессорский обход.

И он лег спать.

Утром, когда мне позвонил Славка и я пришла в клинику, я не стала вызывать квартиру Ильиных.

Я рассчитала: если он не пришел в клинику к девяти часам, значит, он уехал на работу. Не будет же он сидеть дома до одиннадцати часов!

Я не стала звонить на квартиру. Я хотела, чтобы они еще раз, последний раз, могли побыть вместе, один на один...

Пусть потом у ее постели будет сдержанно рыдать невестка, по-мальчишески горько заплачет ясноглазый бабушкин внук, навзрыд побабьи запричитает сватья Варвара Семеновна. Искренне запричитает, потому что ничего плохого покойнице она не хотела, от всего доброго сердца предлагала ей теплый угол в своем доме...

Пусть все это будет потом, а сейчас они должны побыть наедине, вдвоем...

Было ли мне его жаль? Пожалуй, нет.

Если бы это она приехала и узнала, что он после тяжелого сердечного приступа лежит в больнице, если бы она не смогла прорваться к нему через ночные больничные заставы, она сидела бы в пустом санпропускнике и ждала. Она бы нашла возможным переслать ему записку, чтобы, проснувшись, он мог прочитать: «Я здесь. Скоро утро, и меня пропустят к тебе. Спи спокойно».

А ему сказали: приходите завтра,—и он лег спать. И утром смог поехать на работу, потому что ему сказали: приходите к одиннадцати.

Формально на мне нет вины. Вчера утром на пятиминутке я доложила об ухудшении в состоянии больной. Ее осмотрел Леонид Иванович. По его глазам я поняла, что больная ему очень не понравилась. Он меня заверил, что к ней на ночь будет вызван кто-нибудь из родственников или будет установлен индивидуальный пост. Кроме того, ночью должен был дежурить Славка, и я ушла домой отсыпаться. Я уже едва ползала от усталости.

И все же никогда я себе не прощу этой смерти. Я одна знала, как она его ждет. Я могла вызвать его телеграммой, не считаясь ни с какими запретами. Я должна была это сделать — и не сделала. От меня зависело, чтобы в последние минуты сознания она видела его лицо, чувствовала тепло его рук. И пусть бы ее сердце еще раз, в последний раз, облилось кровью от жалости к нему.

Я сняла трубку, набрала номер его служебного телефона и сказала ему: «Я лечащий врач Нины Алексеевны. Приезжайте немедленно».

Он был встревожен, но сказал очень сдержанно:

— Что случилось? Ей плохо?— Он сказал — «ей». Видимо, такие взрослые, зрелые люди уже стесняются произносить это детское слово — «мама».

И я сказала с какой-то мстительной жестокостью:

— Она умерла сегодня ночью.

Он пришел минут через двадцать. Я придвинула к ее постели стул. Он сел и наклонился к ее лицу. Он взял ее голову в ладони и стал тихонько трясти, чтобы разбудить ее.

Он не верил... Он повторял одно слово, тихо, требовательно, умоляюще: «Мама... ну ма-ма».

Может быть, завтра, или через год, или через пять лет я буду вот так же сидеть над моей мамой и никак разумом своим не смогу понять, что это уже не она, что ее нет, навсегда нет.

И буду так же звать ее: «Мама... ну мама!»

А она будет лежать, чужая, холодная, равнодушная. Не моя... И только тогда я по-настоящему пойму, какое это было счастье, когда она еще топталась рядом со мной, ворчала, беспомощно пытаясь опекать меня...

Ведь знала же я, что неизбежно и скоро я должна ее потерять... Как драгоценный подарок, могла я ценить каждый уходящий день, пока она еще была со мной.

ИНТЕРЕСНО ДЛЯ ВСЕХ

Я взял эту книгу в руки, хотя ее название «Атеистические чтения» отнюдь не вызвало во мне каких бы то ни было эмоций. А когда раскрыл ее, то уже не мог оторваться.

Все в этой книге необычно. Необычно превосходное оформление, с чем мы, к сожалению, редко встречаемся в литературе научно-популярной. Необычны сами материалы, поражающие разнообразием. Необычна и подача материалов, которая, несомненно, привлечет внимание самого искушенного читателя.

Трудно определить тип этого издания. Одно ясно: это сборник, но сборник особенный, с каким мы еще не встречались до сих пор. У нас выходит много научно-популярных изданий, в которых доступно рассказывается о естественных науках. Вместе с тем у нас очень мало научно-популярных книг, которые бы освещали проблемы общественных наук. «Атеистические чтения», вышедшие в Политиздате,— удачный опыт популярного изложения научно-атеистической проблематики. Просто, поучительно рассказывается о вещах, которые вызовут интерес у самого широкого читателя. Это и рассказ академика Н. Дубинина о горизонтах генетики, и статья доктора медицинских наук Л. Сухаребского о «вещих снах», и очерк журналиста Д. Биленкина о психотропных веществах, с помощью которых стало возможным лечить не только болезни тела, но и болезни души. А разве не интересно узнать о том, как ученые решали вековую загадку легендарного града Китежа?

Есть в «Атеистических чтениях» и литературные страницы, на которых выступают с антирелигиозными произведениями писатели и поэты, есть и зарубежный калейдоскоп, есть и свой уголок коллекционера — в общем, материалы представлены на все вкусы. И, конечно, это издание — хорошее подспорье нашим пропагандистам.

Успех книги определяет читатель. И читатель сказал свое слово. «Атеистические чтения» разошлись с удивительной быстротой, едва успев появиться на прилавках магазинов. А совсем недавно я с удовлетворением узнал, что новое издание удостоено диплома первой степени на всесоюзном конкурсе общества «Знание» на лучшую научно-популярную книгу.

На обложке «Атеистических чтений» написано «Выпуск первый»,— значит, вслед за ним появятся новые выпуски. Пожелаем же, чтобы это издание нашло новых читателей, которым встреча с ним, безусловно, доставит истинное удовольствие.

Мих. ХОДАКОВ

Советской пожарной охране — 50 лет



Фото Л. Шерстенникова.

17 апреля 1968 года исполняется пятьдесят лет с того дня, как В. И. Ленин подписал декрет «Об организации государственных мер борьбы с огнем». Этот документ заложил основы советской пожарной охраны.

Советские пожарные проявляли образцы мужества и героизма в борьбе с огнем. Они были солдатами на трудовом фронте, храбрыми защитниками Родины в годы гражданской войны и иностранной интервенции, достойно выдержали испытания Великой Отечественной войны.

Сегодня мы рассказываем об одном из бойцов огненного фронта, Александре Петровиче Татьянине.

СУДЬБА АЛЕКСАНДРА ТАТЬЯНИНА

«Держась за сосенку, Алексей еще раз попытался встать. Это ему, наконец, удалось, но как только он попробовал подтянуть ноги к деревцу, тотчас же упал от слабости и от какой-то страшной, новой, зудящей боли в ступнях...»

Широкоплечий, плотный человек закрыл книгу «Повесть о настоящем человеке». Сердито швырнул в сторону костыли и, стиснув зубы, встал. Наклонился, достал руками пол, затем присел и снова выпрямился...

Тянулись недели, месяцы, и наконец настал день, когда об этом человеке заговорили в Москве. Однажды ночью над домом по Электрозаводской улице взметнулось пламя. Спустя несколько минут по тревоге прибыли пожарные. Возле дома собралась толпа. Шум, крики. Пожарные действовали быстро, сбивая огонь, отрезая ему путь к соседним постройкам.

— Дети! — раздался неистовый женский вопль.

Проникнуть на верхние этажи через задымленный и охваченный пламенем подъезд было трудно. Тогда круто развернулась машина, и вдоль стены начала подниматься автомеханическая лестница. По ступеням быстро и ловко полез человек в стальной каске и со стволом в руках. Вскоре он скрылся в окне, откуда мгновенно повалил густой белый пар.

Потеряв пожарного из виду, толпа затаила дыхание. А он на ощупь двигался по комнатам, звал детей. Наконец в кухне под столом обнаружил дрожащую десятилетнюю девочку, потом ее брата и сестренку. Несколько мгновений — и пожарный уже передал их в окно подоспевшим товарищам.

История борьбы с огнем знает немало подобных случаев. Этот тоже был бы обычным, если бы не одно обстоятельство. Спаситель детей, пожарный Александр Петрович Татьянин был на протезах.

Александр Петрович пришел в пожарную охрану еще в тридцатых годах. Вскоре он стал мастером пожарно-прикладного спорта и много раз побеждал на всесоюзных соревнованиях. Молодого бойца направили учиться в пожарно-техническую школу. И тут грянула война.

Враг рвется к Москве. Начались налеты вражеской авиации, обстрелы — и пожары, свирепые, буйные, как ураган. Татьянин вместе с товарищами боролся с огнем, спасал людей, расчищал завалы. Прямо на улицах и площадях обучал население, как надо обезвреживать немецкие зажигалки и вести себя при бомбежках. А сам рвался на фронт. Несколько раз подавал рапорт на имя командования... Наконец Татьянина зачислили в партизанский отряд.

Зима 1941 года. Светлой, морозной ночью несколько разведчиков, в том числе Татьянин, пробирались в расположение противника. Им поручили добыть сведения о дислокации фашистских подразделений, о их боевой мощи. Трудное задание уже было выполнено, когда партизан обнаружили гитлеровцы. После короткого яростного боя разведчики были вынуждены отступить в глубокий вражеский тыл. На одиннадцатые сутки им удалось выйти к своим. Добытые сведения немедленно передали в штаб, а самих разведчиков тотчас же отправили в госпиталь.

Александр Татьянин был тяжело обморожен. Медики постарались сделать все, чтобы спасти его. Но пришлось ампутировать ступни обеих ног.

«Как жить дальше?» — эта мысль не давала покоя. Много передумал он, многое взвесил и наконец, твердо решил вернуться в пожарную охрану. Иначе жизни себе не представлял. Но врачи не хотели и слышать о его службе в пожарной части. «Где это видано, чтобы без ног огонь тушили? — говорили они.— Вам, товарищ, надо не о пожарах думать, а о дальнейшем лечении, отдыхе».

Но Татьянин добился своего. Его приняли в пожарную часть телефонистом. «Ну, что же,— решил он,— для начала неплохо и это».

Каждый раз, дежуря у аппарата, принимая и передавая вызовы на пожары, Александр с завистью смотрел на своих товарищей, отправлявшихся в бой с огнем. И думалось ему: «Вот смог же Маресьев снова вступить в строй. А почему же я...»

Александр Петрович учился ходить без костылей. В мастерской ему изготовили особые протезы. И он приступил к упорным тренировкам: делал гимнастические упражнения, ходил на лыжах, прыгал, работал с лестницей-штурмовкой.

Однажды, придя на спортплощадку, он заметил, как нерешительно действуют молодые пожарные.

— Ну-ка дайте покажу,— сказал Александр. И когда последние метры полосы препятствий остались позади, были удивлены не только новички, но и бывалые бойцы: Татьянин преодолел полосу за такое время, какого в части до него еще никто не показывал...

После этого его выдвинули на должность командира отделения. А уже через год коллектив этого отделения вышел в передовые. Во главе со своим командиром бойцы всегда смело вступали в сражение с огнем, действовали четко и слаженно, укрощая стихию.

...Случился пожар на Большой Черкизовской. В считанные минуты туда прибыл расчет Татьянина. Много повидали пожаров бойцы, но такого не забудут. Сигнал тревоги поступил с опозданием, и огонь успел охватить все здание. Горела крыша, были задымлены проходы, пламя угрожало соседним домам. Однако бойцы Татьянина сумели победить огонь в этой нелегкой борьбе.

Более тридцати лет несет свою мужественную вахту Александр Татьянин. На его счету десятки вынесенных из пламени людей, тысячи рублей сохраненных народных денег. Советское правительство высоко оценило подвиг пожарного. В канун пятидесятилетия Великого Октября А. П. Татьянин был награжден орденом Ленина, его имя занесено в Книгу почета Министерства охраны общественного порядка СССР, а бронзовый бюст Александра Петровича выставлен в одном из залов Московской пожарно-технической выставки.

Часто Александра Петровича спрашивают: «Что помогло вам одолеть тяжелый недуг?» «Мне очень помог пример моих духовных учителей,— отвечал он,— пример Николая Островского и Алексея Маресьева. Мысленно я не раз советовался с ними, они поддерживали меня в трудные минуты...»

Несколько лет назад, узнав о подвиге Татьянина, Алексей Маресьев прислал в управление письмо: «Мне было приятно узнать о трудовом подвиге участника Великой Отечественной войны Александра Петровича Татьянина... Его жизнь действительно подвиг. Передайте ему от меня самые наилучшие пожелания доброго здоровья и успехов в работе».

А недавно эти люди встретились. Два настоящих человека, ранее знакомые только заочно, крепко пожали друг другу руки.

Л. РОДИОНОВ,
корреспондент журнала «Советская милиция»

ТКАНИ С ХАРАКТЕРОМ

...Бинт останавливает кровь. Ткань не горит в огне. Спецодежда, которую нельзя промаслить. Ковры, красивые, как шерстяные, но сделанные не из шерсти. Волокна, улавливающие металлы из сточных вод, золото и платину из промышленных растворов. С этими маленькими чудесами нас познакомили в лаборатории Московского текстильного института, которой руководит заслуженный деятель науки и техники, профессор, доктор технических наук Захар Александрович Роговин.

«Сделаем целлюлозу лучше, чем ее создала природа». Это любимый лозунг профессора, одно из главных направлений его творческих поисков. Веками проверенные свойства целлюлозы обретают здесь необычные черты.

...Семьдесят процентов дешевого вискозного полотна, тридцать процентов акролонитрина, присоединенного химическим путем, плюс научная техническая мысль. И родился ковер. Да какой! Яркий, пушистый. Рука невольно принимает упругий, совсем как шерстяной, узорный ворс. А стоит он в два-три раза дешевле шерстяного. На Люберецком ковровом комбинате уже изготовлено 200 таких красавцев. В этом году на Рязанском комбинате химического волокна начнется строительство первого в мире цеха для производства волокна МТИЛОН-В. Это значит: красивые, дешевые ковры украсят многие квартиры.

...Хороша заграничная болонья в дождь. Но все знают, как в ней жарко. Тоненькая пленка, покрывающая материю, не пропускает ни влагу, ни воздух. Нам показали целлюлозную ткань, сделанную на основе льна или хлопка, модифицированную химическим путем. Она отталкивает воду, а воздух пропускает. Материя как бы дышит! Значит, у болоньи скоро появится серьезный конкурент.

...Два лоскутка ткани. На один из них пролили масло. И сразу густо расплылось пятно. Плеснули масло на другой лоскут. Материя оказалась с норовом. Катаются капли масла, как бусины, а лоскут не впитывает их. Так и скатилось масло с ткани, словно с ледяной горы. Разве не находка такой материал для спецодежды?

Быстра добрая молва. Появились новые неожиданные заказчики. Сахарные заводы, кондитерские фабрики. Маргарита Александровна Туганова, старший научный сотрудник, кандидат технических наук, демонстрирует две колбы. Первая наполнена коричневым, густым, загрязненным сахарным сиропом, вторая, прозрачная,— белоснежным, чистым.

— Чтобы получить такой сироп, нужно пропустить его через волокна. Как просто! Способ этот намного дешевле прежнего,— говорит Маргарита Александровна.— Вы любите мороженое, пастилу, мармелад, зефир? Теперь и эти производства не обходятся без нас. Сластям необходима эластичность, вязкость, которую придает агар, абсолютно безвредный и абсолютно безвкусный. Но он почти черный. Черное мороженое! Черный зефир! Можно себе это представить? Так появилась проблема очистки агара. Прежний способ очень трудоемок, сложен, дорог. В Таллине, на кондитерской фабрике «Калев», впервые в мире начали очищать агар новым способом. Он разработан нами вместе с институтом ВНИРО.

А вот негорючие материалы. Они доставили нам много хлопот. Наконец получили первый кусочек материи. Он был такой некрасивый, маленький. Но мы радовались ему несказанно. Теперь мы умеем придавать любой цвет, любую фактуру негорючим тканям. Они выглядят красиво... Когда мы на испытании показывали кресла, обтянутые нашей тканью, то заказчики бросали на них горящие окурки. Ткань не загоралась, папиросы гасли.

Вот какие чудеса творят в этой лаборатории, от которой, что очень радостно, тянутся крепкие нити к цехам заводов и фабрик.

М. КИСЕЛЕВА

В царстве красок. Художник по тканям Московского шелкового комбината «Красная Роза» Ирина Студенова.

Фото Г. МАКАРОВА.



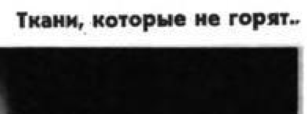
Эскиз рисунка ткани.



«Невеста» и «Хор» — сувениры из дерева работы художника Ю. Шарапова из Московского комбината прикладного и декоративного искусства.

Эти новинки родились в Московском текстильном институте.

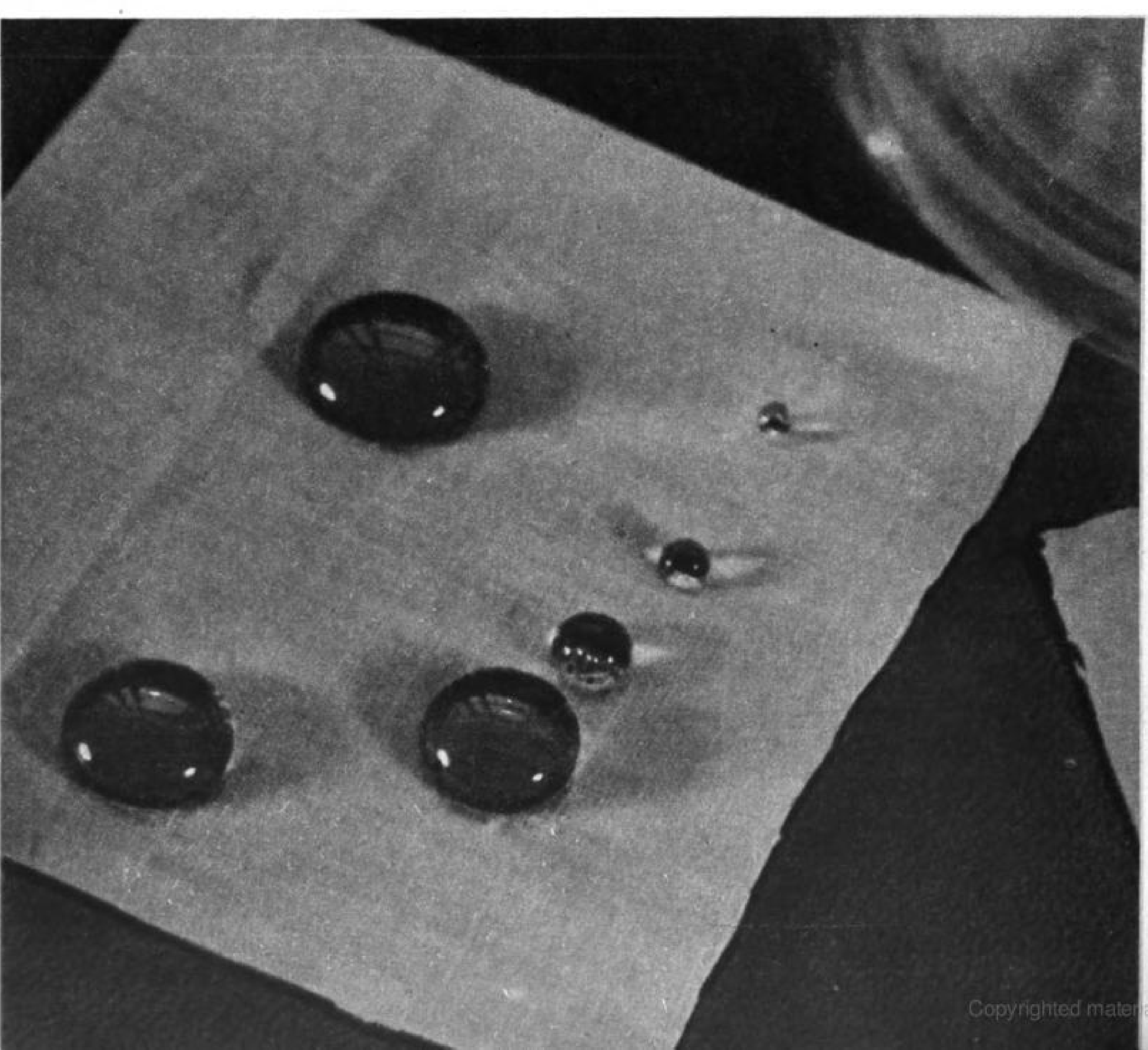
Ковер и волокно из мтилона.



Ткани, которые не горят..



и не промокают.



МЫТАРСТВА шариковой ручки

К. БАРЫКИН

Надо бы писать этот репортаж шариковой ручкой: удобнее, быстрее и созвучно теме. Но где ее взять — шариковую? В московском магазине «Авторучка» даже объявление висит: «Сегодня шариковых ручек в продаже нет». И вчера не было, и завтра не ждут. Едва приобрел простенькую и не очень удобную для работы — долго ей не попишешь, рука устает. Сказал об этом работникам Министерства торговли, высказал свои претензии магазину. «Пусть хоть таких побольше выпускают. Уже не первый год маемся — получаем меньше половины того, что просим»,— ответили мне.

Да, пока шариковых ручек очень и очень мало. В 1967 году наша промышленность выпустила их чуть более 13 миллионов, а план был и того меньше — десять.

— Это, понятно, капля в море,— говорят в Главоргтехнике Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР, в том самом главке, который и призван решать авторучечную проблему в масштабе всей страны. — Разумная потребность — во много раз больше.

И в Министерство приборостроения, и в Министерство торговли, и особенно в «Роскультторг», и в магазины приходит масса писем с одной и той же просьбой: дайте авторучки. Всякие: обычные перьевые и, конечно, шариковые. Прежде всего шариковые, спрос на них чрезвычайно велик.

Кое-кто поспешил этим воспользоваться и начал выпускать шариковые поделки, которых лучше и вовсе бы не было: аляповатые, кустарные, с какой-то клочковатой пастой. Никаких фирменных знаков на этих ручках нет. Известно только, что такие страшилища привозят с юга, из курортных районов.

Сейчас в стране около 40 фабрик выпускают авторучки. Но лишь восемь из них полностью подчиняются Главоргтехнике. Эти восемь предприятий выпускают более 95 процентов всех шариковых авторучек. Легко представить возможности остальных заводов и артелей, если на их долю приходится менее 5 процентов продукции. А ведь они тоже требуют сырье и переводят его в ручки-уроды...

Казалось бы, смастерить шариковую авторучку — нехитрое дело. Но прибор этот сложный и чуткий. Не случайно же сей пишущий инструмент смог появиться только во второй половине нынешнего, XX века. Микронные точности, современные пластмассы, автоматизированное производство — без этого не обойтись. Кто-то — по невежеству или из соображений коммерческих — заявил однажды, что шариковых ручек много не надо, поскольку их можно перезаряжать. Купил одну — и пиши, пока не потеряешь. И вот, как грибы после дождя, поднялись в лесу кустарного промысла приткнувшиеся в подворотнях и под лестницами мастерские «ремонта и заправки авторучек».

Заправлять шариковую авторучку — это примерно то же самое, что использовать уже опорожненный бумажно-полиэтиленовый пакет для повторного хранения в нем молока. Можно, конечно, но кто же на это пойдет! И скиснет такое молоко тотчас и уж наверняка прольется. То же самое происходит в перезаряженной ампуле — паста из нее вытекает и быстро сохнет.

И тут ничего не поделаешь: такова конструкция. В наконечнике с микронной точностью закреплен крохотный, едва приметный шарик. При перезарядке он выталкивается, латунный венчик приоткрывается, развальцовывается, схема «шарик — втулка» быстрехонько и навсегда нарушается и восстановлена быть не может. Ампулу надо выбросить — так делают всюду.

Поэтому-то и надо ручек не десять, не двадцать, а сотни миллионов. И разных конструкций. А запасных ампул — того более. Во Франции, широко экспортирующей ручки, выпускается, например, более 180 миллионов шариковых авторучек и несколько сот миллионов ампул — ежегодно. У нас сейчас к массовому выпуску намечен быстрый путь. В нынешнем году торговля получит в пять раз больше шариковых ручек, чем в 1967 году. Но и этого мало.

...Странное вроде бы дело: есть спрос, но нет авторучек. Крупные предприятия, их выпускающие, входят, как я уже сказал, в систему Главного управления по производству средств оргтехники. Это сравнительно недавно созданный главк, и, если бы все зависело только от него, дело, пожалуй, быстрее пошло бы на лад. Но есть причины, не подвластные Главоргтехнике. Например, такие. Кунцевская фабрика находится вроде бы в ведении Главоргтехники и теоретически вроде бы нацелена на авторучки. А пока в перечне выпускаемой ею продукции — и кольца для карнизов, и пеналы для губной помады, и прищепки, и мыльницы, и прочее, и прочее...

— Почему бы не специализировать фабрику на выпуске только авторучек? Ведь торговля просит их.

— Просит главк, ведающий торговлей культтоварами. А другому главку — галантерейного профиля — потребны те самые кольца.

Шариковые авторучки выпускают и довольно крупные заводы в Ленинграде, в Харькове, в Грозном. Недавно я смог познакомиться с образцами того, что сделано в этих городах. Среди новинок есть неплохие экземпляры, есть авторучки, изготовленные с учетом требовательных заказчиков. Но пока это всего лишь первые промышленные партии, тиражи их незначительны. Поэтому-то забота у Главоргтехники пока одна — количество. Этот тезис в основе своей правилен, но не может не вызвать и некоторых опасений: как бы в этом марафоне не остались за обочиной такие важные показатели, как внешний вид, ассортимент. И качество, наконец.

В прошлом году на оптовой ярмарке была определена номенклатура культурно-бытовых товаров на 1968 год. Здесь демонстрировали (они были моментально раскуплены) новые ленинградские шариковые авторучки: вполне современные, в том числе и сравнительно недорогие, 70-копеечные, очень удобные. Но та же беда: выпустят их, именно этих удобных и недорогих ручек, немного. Винить в этом ленинградцев трудно — производственные мощности быстро увеличить нельзя.

Намечается наладить широкое производство шариковых авторучек на Московской фабрике имени Сакко и Ванцетти. Но за весь 1968 год фабрика должна дать их чуть более миллиона. Плановый выпуск тут еще не начат, а первый сбой уже произошел. О нем мне рассказали в «Роскультторге»:

— На фабрике установили линию по производству четырехцветных шариковых ручек. Мы уже получили 53 тысячи их, как вдруг узнаем: линию демонтируют, увозят в Ярославль.

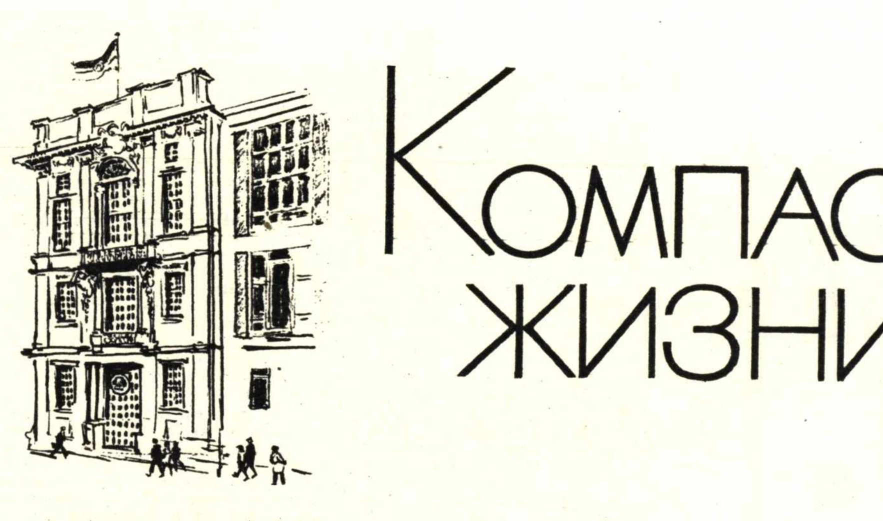
Значит, снова переналадка, освоение. А время идет...

Накопленный, пусть даже пока малый опыт подсказывает: без создания крупных, узкоспециализированных предприятий проблему не решить. Только массовое, целенаправленное производство способно отработать отличную модель и дать ее гигантскими тиражами. Лишь солидному конструкторскому бюро по плечу разработка ручек под стать лучшим мировым образцам. Поэтому-то надо иметь не 40 авторучечных заводов, а 8—10, но мощных, подлинно современных. И с солидными конструкторскими бюро, в которых должны быть и конструкторы, и художники, и химики. Нужно учитывать многое. Даже анатомию и привычки человека. Облегчение авторучки на считанные граммы заметно снижает необходимое усилие и, стало быть, повышает работоспособность. Но глубокими, перспективными исследованиями авторучечных проблем ныне приходится заниматься параллельно с основным, а основное сейчас — количество.

Очень нескладно получается и с пастой для заводской заправки ручек. Химики почему-то до сих пор не могут уяснить, что писать приятнее пастой определенных, сочных, контрастных тонов. И гонят пасту блеклую, невыразительную. И еще один упрек в тот же адрес: не хватает пластмасс — цветом разных, а не той же унылой и одинаковой черно-серой гаммы.

Еще одна забота — шарик. Тот самый, что заменяет привычное перо и должен быть не только без сучка и без задоринки, но и диаметром — до миллиметра. Конструкторы работают над созданием шарика из рубина: он отлично справляется с делом и к тому же уменьшает расход пасты. На испытаниях «рубиновая» ручка провела 10-километровую линию, а «стальная» — лишь 6-километровую. Я пробовал писать стержнем с рубиновым шариком. Он дает, правда, несколько суховатый, блеклый штрих, но при хорошей-то пасте, наверное, это не будет иметь решающего значения. Правда, такой шарик дорог и может стать основой только для дорогой, сувенирной ручки. Главное же сейчас — стальные шарики.

...Мытарств у шариковой авторучки было бы меньше, если бы все относились к ней как к одному из важнейших орудий труда, инструменту, к помощи которого ежедневно прибегают миллионы людей.



Компас жизни

Над зданием Государственного совета ГДР, над балконом, с которого выступал Карл Либкнехт, развевается черно-красно-золотой флаг с венком из колосьев, молотом и циркулем — гербом республики.

Генрих ГУРКОВ

На телевизионном экране бушевал долговязый, длиннолицый субъект с аккуратным пробором и зачесом — волосок к волоску. С хорошо рассчитанным пафосом, точно соответствующим возможностям радиоусилителей бундестага, он швырял в микрофон фразу за фразой, делая паузы для аплодисментов — довольно жидких. Некоторые пассажи своей речи долговязый подавал особенно драматически, размахивая кулаком и стуча по трибуне. «Наш путь — это не классовая борьба, господин Ульбрихт!» — гремел он. Операторы телевидения в этот момент включили другую камеру, и на экране появился благообразный лик канцлера Кизингера. Шеф боннского кабинета доброжелательно и покровительственно кивал головой...

Когда говорят о среднеарифметическом немце, то называют обычно одну из двух фамилий — Мюллер или Шмидт. Горластого оратора тоже звали Шмидт, Хельмут Шмидт. Но он не среднеарифметический, он выше: председатель фракции социал-демократов в западногерманском бундестаге. Риторические упражнения, передававшиеся по телевидению,— парламентские дебаты «О положении нации». Направленность их была совершенно определенной: против ГДР, против ее руководителей, против новой, социалистической конституции, которая получила всенародное одобрение в результате голосования 6 апреля.

Полемические взрывы на трибуне бундестага и громогласные объяснения в неприязни социал-демократических лидеров к классовой борьбе не привлекали новизной: это все уже много раз было. Как заметил в своей недавно вышедшей книге «Бесшумная революция» американский журналист Уэллес Хэнген, СДПГ «в погоне за голосами отбросила последние остатки марксизма», и ее программа в сравнении с программой ХДС «не альтернатива, а эхо — как во внутренней, так и во внешней политике». Парламентско-телевизионный спектакль, рассчитанный на среднеарифметических бундесбюргеров, должен был продемонстрировать жизненную силу боннской демократии и ее детища — большой коалиции, а также неустанную заботу о «братьях и сестрах на Востоке», как именуются в западногерманском пропагандистском лексиконе граждане Германской Демократической Республики.



Берлинский рабочий паренек. Каждый год сотни тысяч молодых рабочих, инженеров, студентов принимают участие в смотре умелых и талантливых — Ярмарках мастеров завтрашнего дня. Многие миллионы марок получило народное хозяйство ГДР от рационализаторских предложений таких вот пареньков.



«Дружба» — одно из первых слов, которые учится писать каждый юный гражданин республики.

Рисунки Герхарда Вонтра (ГДР).

«Эту партию уже ничем нельзя спасти»,— писал о западногерманской социал-демократии известный публицист Себастьян Хаффнер. Я вспоминал его слова, когда смотрел, как Шмидт суетился на телевизионном экране. Открестившаяся от марксизма верхушка СДПГ финишировала в качестве младшего партнера христианских демократов. Результат? Он очевиден: политический авторитет партии чахнет день ото дня. И я думал о другой партии, в которой объединились коммунисты и социал-демократы, чтобы, пройдя сквозь тысячи трудностей, сквозь массированный огонь клеветы, подстрекательства, шантажа, провокаций, открытый теми, кто так любит поговорить о «братьях и сестрах», создать впервые на немецкой земле общество, свободное от эксплуатации. «Германская Демократическая Республика есть социалистическое государство немецкой нации. Она является политической организацией трудящихся города и деревни, совместно осуществляющих под руководством рабочего класса и его марксистско-ленинской партии социализм» — это статья 1-я новой конституции.

Государственный совет ГДР, представляющий Народную палату в период между сессиями, находится в центре Берлина, на площади, названной именами Маркса и Энгельса. В красивое современное здание интересно и смело вмонтирован старый дворцовый портал в стиле барокко с тем самым балконом, с которого 9 ноября 1918 года Карл Либкнехт провозгласил «свободную социалистическую республику Германию». Два юбилея будет особенно торжественно отмечать в этом году ГДР — 150-летие со дня рождения Маркса и 50-летие Ноябрьской революции. И то, что эти даты будет праздновать социалистическое немецкое государство, что марксизм, рожденный в Германии, окончательно и бесповоротно победил на востоке страны,— важнейший исторический итог послевоенных европейских десятилетий.

Во время поездки в Западную Германию я купил только что изданный в серии карманных книжек сборник «Речи фюрера». Есть в этом сборнике и знаменитое выступление перед «Индустриальным клубом» в Дюссельдорфе 27 января 1932 года, после которого поток крупных пожертвований хлынул в нацистскую партийную кассу. «Когда Адольф Гитлер закончил, стало ясно, что он выиграл битву»,— помечено в дневнике Отто Дитриха, будущего имперского пресс-шефа. Зал дюссельдорфского фешенебельного «Парк-отеля». Элита финансового и промышленного капитала собралась, чтобы выслушать программу партии, объединившей в своем названии целый букет прилагательных: «национальная», «социалистическая», «немецкая», «рабочая»... «Национальная» и «немецкая»— это понятно и приемлемо. Но вот два других определения, что они должны означать? Гитлер рассеивает все сомнения. Он четко формулирует кредо коричневых, он обещает сильную власть, активную внешнюю политику, рынки, прибыли. «Возгласы одобрения»— то и дело встречается в стенограмме. Зал аплодирует, когда фюрер, вцепившись в литой барьерчик, отделяющий его от слушателей, заявляет: «Мы приняли непреклонное решение истребить марксизм в Германии до последнего корня». Я искал эту фразу в карманном сборничке — ее нет. Не знаю, почему ее сократили. Может быть, потому, что она вызывает очень уж прямые ассоциации с боннской действительностью, с запретом КПГ и преследованиями коммунистов? Жаль, что сократили,— звучит сегодня эта фраза как красноречивая эпитафия кровавому режиму, пытавшемуся уничтожить учение Маркса и людей, избравших это учение своим жизненным компасом.

Если свернуть у Бранденбургских ворот с Унтер ден Линден, с этой красивой и нарядной улицы, на которой во времена фашизма духовные недоноски в форме СА бросали в костер книги Маркса и Ленина, то увидишь справа, возле пограничных укреплений, зеле-

ный холм с врезанным в него бетонным квадратом — это все, что осталось от имперской канцелярии, где составлялись планы искоренения марксизма в общеевропейском и всемирном масштабе. В бункере под зеленым холмом закончилась двенадцатилетняя история «тысячелетнего рейха».

Над Бранденбургскими воротами простерла руку с лавровым венком богиня на колеснице, запряженной четверкой лошадей. Судьба богини противоречива и печальна. Задуманная архитектором и скульптором как воплощение мира, она волею правителей Германии с бронзовым равнодушием приветствовала своим венком и полки Бисмарка, которые помогли задушить Парижскую коммуну, и армии кайзера, отправлявшиеся завоевывать Европу, и воздушных бандитов из «Легиона Кондор», зверствовавших в Испании, и чеканный строй отборных эсэсовских дивизий. Сейчас на Бранденбургских воротах стоит копия квадриги — к концу войны от оригинала осталась лишь одна лошадиная голова, она хранится в музее истории Берлина. Здесь, у Бранденбургских ворот, должен был состояться парад по случаю победы над Советским Союзом. Не состоялся. Был другой парад — парад освободителей. Не так безупречно тянули они носок и не такими идеально ровными были их ряды, как у тех, кто прошел школу прусских фельдфебелей. Да и не для демонстрации строевой выучки оказались в Берлине солдаты со звездами на пилотках, в гимнастерках, пропахших потом и порохом. Они вернули Германии Маркса. И их подвиг никогда не будет забыт. Память о нем — и в разбросанных по всей республике каменных обелисках, к которым приносят цветы немецкие пионеры, и в обмене научно-техническими идеями между институтами ГДР и Советского Союза, и в поездках друг к другу в гости студентов, писателей, артистов, инженеров, школьников, и в статье 6-й новой конституции, провозглашающей всестороннее сотрудничество и дружбу с Советским Союзом.

С тех пор, как прозвучали слова «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», марксизм пытались уничтожить штыком и бомбой, загнать в концлагеря и тюрьмы, против него боролись темнотой и ложью. «Картина социального апокалипсиса, которую он (Маркс), не обращая внимания на изменяющуюся, не регистрируемую им действительность, создал за своим письменным столом, никогда не становилась реальностью»,— говорится в новейшем пособии для западногерманских учителей истории, написанном неким Вернером Риттером. Риттер поучает в этом духе учителей, учителя — школьников. Но жизнь учит другому.

Еще несколько лет назад для западного немца было небезопасно в публичной дискуссии назвать Германскую Демократическую Республику ее собственным именем, а не «зоной» или «Средней Германией». Сегодня множество молодежных, студенческих, профсоюзных организаций, видные деятели культуры ФРГ требуют установить нормальные отношения с ГДР. Слово «ГДР» научились выговаривать и многие западногерманские политики. Впрочем, им предстоит еще многому в этом направлении учиться. Для начала придется внимательно ознакомиться с новой конституцией, самой демократической из всех, когда-либо существовавших в Германии. Эта конституция, а не «чрезвычайные законы» Бонна — путь и будущее немецкой нации.

Мир Маркса, мир победившего социализма начинается на Эльбе — это его западная граница. Но марксизм границ не имеет, великий классовый клич «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» переводится на любой язык планеты. И он звучит мощно и убедительно на немецком, на родном языке Маркса — нравится это или не нравится теням, мелькающим на телевизионных экранах ФРГ в часы, отведенные политике...

Берлин.

Борис Мокроусов



Условимся: говорить о нем так, будто он жив, будто не появились в газетах траурные рамки вокруг его имени. Это тем более естественно, что хорошие музыканты никогда не уходят бесследно. Если б мы обладали фантастической способностью слышать то, что сейчас, в эти минуты поется на нашей огромной земле, наверняка б услышали оттуда и отсюда отголоски милых мокроусовских песен. Поют влюбленные девчонки где-нибудь в Братске «Хороши весной в саду цветочки», напевает потихоньку старый моряк песню военных лет «Заветный камень», глядя, как пропадают в солнечном мареве, за кормой, белые дома Севастополя. Напевают свою «Сормовскую лирическую» заводские ребята там, под городом Горьким, где ясные зорьки...

Наверное, ясной зорькой родила его, голубоглазого, мать. Родился он в трудное для российского рабочего люда время — 1909 год. Надо полагать, крепко почесал в затылке отец-железнодорожник: «Парень-то, видать, хороший, а прокормить как?»

Пришел Октябрь, и, смотри ты, парнишка попал все-таки в школу! Голодно, конечно, еще бедновато, куда как студено в плохонькой одежонке бегать зимой по продутым поземкой улицам Нижнего Новгорода. Однако парень растет, учится. Вот уже электромонтером стал, помогает отцу, приносит домой хоть малую, но свою получку. Потом и вовсе не бывалое — стал играть на пианино Борька! Не на своем, понятно,— в клубе железнодорожников. А там — музыкальное училище. И все бы отлично, но вот беда: никак не мог он, как все, добросовестно, до конца выучивать этюды Черни или другие традиционные и обязательные для начинающих сочинения. Ленился? Какое там! Часами один сидел в музыкальном классе, играл. Но только играл-то не заданное. Свое играл, то, что просилось само, настойчиво рвалось наружу.

— Играл, понимаешь, ночами. Уборщицу старушку обманывал: она, бывало, перед тем, как запереть училище, кричит: «Все ушли? Есть кто?» Молчу. Уйдет — вот мне раздолье!

— Что играл?

— Кто знает! Сначала вроде знакомое. У нас на Волге песен богато. Многоголосие, полифония — красота древняя, русская... Потом незаметно на свое переходил...

Это уж он мне рассказывал в Москве, в консерватории. Помню, сидели на подоконнике, а за окном по Большой Никитской бежали трамваи, цокали по булыжной мостовой лошади извозчиков. Мы тогда только что познакомились. Белокурый и светлоглазый волжанин показался чем-то очень похожим на Сергея Есенина. А может, на есенинские стихи? Таким же он был русским и милым, крепким на вид, и — улыбка открытая...

— Ты что же, на рабфаке?

— Был. Да вот уже год на композиторском. Перевели, понимаешь.

* * *

...Годы прошли. И не так уж, кажется, много их прошло. Стал волжанин Борис Андреевич Мокроусов признанным, широко известным композитором. Привыкли считать его песенником. Привыкли, конечно, оттого, что светлый мелодический его дар пришелся по сердцу людям. Пели песни Бориса Мокроусова лучшие профессиональные ансамбли, выдающиеся певцы-солисты и пел народ. Конечно, были эти песни разными — монументальные, полные высокого гражданского пафоса и лирические, поющиеся вполголоса. Но роднила их все неповторимая искренность и задушевность, рожденные любовью музыканта к людям, среди которых он жил, разделяя их великую и гордую судьбу.

Композитор Борис Мокроусов не только популярнейший песенник, хотя и этого ведь немало. Написаны им камерные, инструментальные произведения, хоры, музыка ко многим спектаклям и кинофильмам, оперетта и, наконец, крупное музыкально-драматическое полотно — опера «Чапаев» на либретто, созданное по мотивам повести Дмитрия Фурманова.

Большой, глубоко своеобразный талант художника принес в нашу советскую жизнь рабочий парень с крутых берегов Волги. Дальше идет время, новые создаются и будут созданы песни. Но навсегда останутся неповторимыми музыкальными памятниками пройденных нами трудных и славных лет мелодии Бориса Мокроусова.

Михаил **АЛЕКСАНДРОВ**

И. КОВАЛЕВСКИЙ

Журавли пролетели

Над Азовом уже
Журавли пролетели.
И глаза у заречных
Девчат посветлели.

И закаты пошли
Горячей и крылатей,
И все чаще на берег
Выходят ребята.

То с баяном пройдут,
А то просто покурят.
То, глядишь, с бригадиром
Стоят, балагурят.

— Значит, правда, весна?
— Да, весна в самом деле.
Над Азовом уже
Журавли пролетели.

Люблю

Люблю задонские поля,
Сады над тихою водою,
Задумчивые тополя,
Люблю, родимая земля,
Твое раздолье золотое.

Люблю малиновый закат
Над потемневшими ставкáми,
Когда с гармоникою в лад
Частушки бойкие звучат
Про жизнь, что создали мы сами.

Ростов-на-Дону.

ПОЧЕРК ПРЕТЕНДЕНТОВ

Борьба за шахматную корону вступает в новую стадию. После Международного турнира в Тунисе определились семь претендентов на матч с Т. Петросяном. Имя восьмого стало известно после встречи В. Горта, Л. Штейна и С. Решевского в Лос-Анжелесе. Теперь пройдет серия четвертьфинальных матчей между восемью претендентами. Каков же почерк претендентов? На эти вопросы отвечает шахматный обозреватель «Огонька».

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Начало нового года было удачным для советских шахматистов. Первое место Е. Геллера в Гетеборге, успех А. Суэтина и Л. Штейна наравне с Ф. Георгиу и В. Гортом в Гастингсе и блистательная победа В. Корчного в Бевервийке. К сожалению, приходится зарегистрировать и одну неприятную осечку: неудача Л. Штейна в Лос-Анжелесе. Обладатель трех золотых медалей чемпиона СССР, победитель крупного московского турнира 1967 года так и не попал в турнир претендентов. Л. Штейн в его последней партии с В. Гортом, являясь лидером матча, отказался почему-то от ничьей, предложенной ему, а в результате потерпел поражение, что и лишило его места в турнире претендентов. А вместе с тем акции Штейна очень высоко котировались в шахматном мире. Многим даже казалось, что именно Штейн доберется до Петросяна.

Кто же сохраняет шансы на встречу с чемпионом мира в 1969 году?

Претендентов восемь, и каждый из них не нуждается в рекомендации. Хочется лишь рассказать самое существенное о каждом. Отметить наиболее интересное в его творческом почерке. Каждая приведенная диаграмма должна служить визитной карточкой претендента.

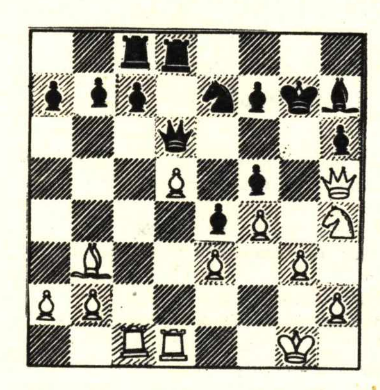
* * *

Футболисты обычно начинают сезон на юге. Б. Спасский и Е. Геллер решили следовать этой традиции: их матч начался в апреле в Сухуми.

Борис Спасский в прошлом цикле провел гигантскую работу, но считает, что в матче с Т. Петросяном не сказал свое последнее слово. Разумеется, что Б. Спасский хочет брать пример у А. Кушнир, которая вторично завоевала право вызвать Нону Гаприндашвили (Нона и Алла встретятся в сентябре).

Многие верят, что Б. Спасский способен, выражаясь шахматным языком, повторить ход. Бросается в глаза, что Спасский за последнее время мало выступал в турнирах. Уж кто лучше, чем он, знает из практики, какой нервотрепкой грозит каждому турнир претендентов! Поэтому пауза Б. Спасского, вероятно, входит в план подготовки, разработанной его постоянным тренером И. Бондаревским. Напомним, что в прошлом турнире претендентов от Б. Спасского пострадали П. Керес, Е. Геллер и М. Таль. Нижеприведенное окончание характерно для кристально чистого стиля игры Спасского.

С. ЖУХОВИЦКИЙ



Б. СПАССКИЙ

Последовало: 21. Фh5—e2 a7—a6 22. Kpg1—f2 Kpg7—h8 23. Фe2—c4 Ch7—g8 24. Фc4—d4 + f7—f6 25. g3—g4 Cg8—h7 26. h2—h3 f5 : g4 27. h3 : g4 c7—c5 28. d5 : c6 Фd6 : d4 29. Лd1 : d4 Ke7 : c6 30. Лd4—d1 Ch7—g8 31. Kh4—f5 Cg8 : b3 32. a2 : b3 Kc6—b4 33. Лc1 : c8 Лd8 : c8 34. Лd1—d6 h6—h5 35. g4 : h5 Kb4—d3 + 36. Kpf2—g2 Лc8—c2 + 37. Kpg2—g3 Лc2 : b2 38. Лd6—d8 + Kph8—h7 39. Лd8—d7 + Kph7—h8 40. Kf5—h4 Kd3—c5 41. Лd7—e7 Черные сдались.

Можно не сомневаться, что Б. Спасский, гроссмейстер с огромным шахматным стажем и опытом, основательно готовился к предстоящим встречам. После значительного антракта он, несомненно, будет играть с большим аппетитом. Но одолеть такого шахматиста, как гроссмейстер Е. Геллер, не так-то просто.

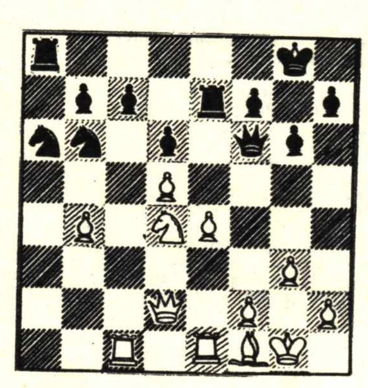
* * *

Е. Геллер в прошлом цикле проиграл Б. Спасскому с треском — 2.5—5.5. Что же удивительного в том, что сейчас он играет зло? Надо ли подчеркивать, насколько опасен как соперник Геллер! Для этого достаточно назвать хотя бы тот же результат 5.5—2.5, с которым он победил экс-чемпиона мира В. Смыслова. В Тунисе Е. Геллер провел межзональный турнир очень уверенно, и его попадание в число претендентов не было ни на минуту под сомнением.

В матче, в котором встретились два гроссмейстера столь высокого класса, да еще на спринтерской дистанции (матч из 10 партий), никогда нельзя сказать, что игры не будет. В Сухуми борьба очень напряженная.

После успеха в Гетеборге Е. Геллер, так же как и Спасский, благоразумно занимался шахматами лишь в тишине домашнего кабинета. Визитной карточкой его пусть будет окончание в партии с финским мастером Х. Вестеринен (турнир в Гетеборге, 1968 год).

Х. ВЕСТЕРИНЕН

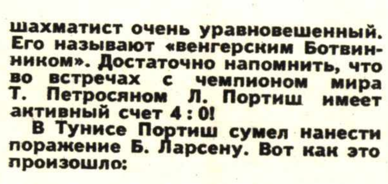


Е. ГЕЛЛЕР

Партия продолжалась: 31. Лe1—e3 Ka6 : b4 (Чтобы на 32. Ф : b4 сыграть 32... Лa4. Но если Вестеринен считал до двух, то Е. Геллер считал значительно дальше.) 32. Лe3—f3!... (Этот промежуточный ход разрушает планы черных. Дело в том, что теперь, после 32... Фg7 33. Ф : b4 Лa4 34. Ф : b6 cb 35. Лc8 +, белые выигрывают.) 32... Фf6—e5 33. Kd4—f5! g6 : f5 34. Лf3 : f5 Фe5 : e4 35. Фd2—g5 + Kpg8—f8 36. Фg5—f6 Kpf8—e8 37. Лf5—g5 c7—c6 (Или 37... Kb4 : d5 38. Cb5 + c6 39. Ф : d6 Kpf8 40. Фh6 +Kpe8 41. C : c6 +bc 42. Лg8 + Kpd7 43. Ф : c6 мат.) 38. Cf1—h3 Черные сдались.

* * *

Впервые в турнире претендентов советские участники не имеют, как говорят в хоккее, численного преимущества. Участвуют четыре советских и четыре иностранных гроссмейстера. Большой интерес вызывает встреча Б. Ларсен — Л. Портиш. Их поединок состоится в Югославии. Исход его совершенно не ясен. Неправы те, которые безоговорочно считают, что победит датский гроссмейстер. Л. Портиш —

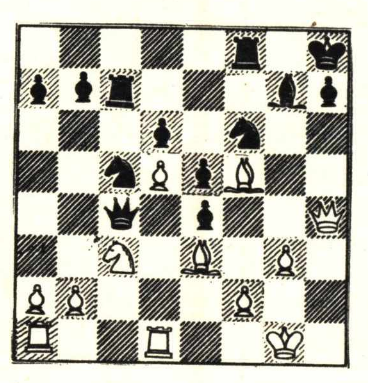


шахматист очень уравновешенный. Его называют «венгерским Ботвинником». Достаточно напомнить, что во встречах с чемпионом мира Т. Петросяном Л. Портиш имеет активный счет 4 : 0!

В Тунисе Портиш сумел нанести поражение Б. Ларсену. Вот как это произошло:



Б. ЛАРСЕН



Л. ПОРТИШ

Последовало: 23... b7—b5 24. Лa1—c1 Kc5—d3 25.Kc3—e2 Kd3 : c1 26. Лd1 : c1 Фc4 : e2 27. Лc1 : c7 Лf8—g8 28. Лc7 : g7 Фe2—d1 + 29. Kpg1—h2 Kph8 : g7 30. Фh4—g5 + Kpg7—f7 31. Cf5—e6 + Kpf7—e8 32. Фg5 : f6! Фd1—h5 + 33. Ce6—h3 Фh5—g6 34. Фf6 : g6 h7 : g6 35. Ce3 : a7 Kpe8—e7 36. a2—a3 Лg8—h8 37. Ca7—e3 Kpe7—f6 38. Kph2—g2 Лh8—h7 39. Ch3—c8 Лh7—c7 40. Cc8—a6 Лc7—c2 41. b2—b4 Лc2—c3 42. Ca6 : b5 Лc3 : a3 43. Cb5—c6 Черные сдались.

В прошлом цикле Л. Портиш встретился с М. Талем. Портиш еще до начала матча заявил, что не имеет против Таля никаких шансов, но что играть с ним очень приятно и почетно. И он действительно проиграл. Но на этот раз венгерский гроссмейстер никаких панических заявлений не сделал.

* * *

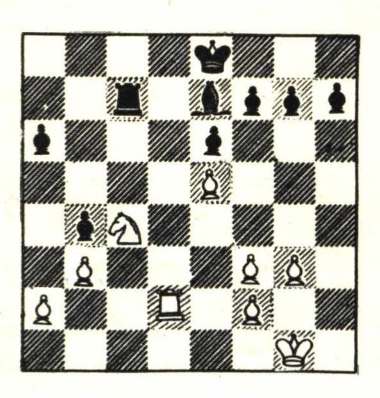
В центре внимания шахматного мира датский гроссмейстер Б. Ларсен. Если 1967 год был малоутешительным для наших гроссмейстеров, то прежде всего по вине Б. Ларсена, который в четырех турнирах попортил им немало крови. Может ли Ларсен после таких

побед надеяться на успех в турнире претендентов? Безусловно! Надо ли считаться с Ларсеном как с очень опасным соперником? Обязательно! Датский гроссмейстер — человек большой эрудиции, исключительно корректный и воспитанный человек. Если мы иногда читаем, что Ларсен категорически заявил, что именно он будет играть с Т. Петросяном, то это не надо понимать дословно. Разумеется, что такой успешный, постоянно прогрессирующий гроссмейстер в душе надеется на дальнейшие успехи, но надо учитывать, что он очень любит пошутить, особенно с журналистами.

Поражение в партии с Л. Портишем, окончание которой мы привели выше, может, конечно, повлиять на настроение Б. Ларсена в предстоящем матче, но в Пальма де Майорка датский гроссмейстер уже успел взять у Л. Портиша реванш.

Если Б. Ларсен в прошлом считался опаснейшим тактиком, то сегодняшний Ларсен — уже и отличный техник, стратег и специалист по окончаниям. Посмотрите, как изумительно тонко, с типично капабланковско - петросяновской точностью Б. Ларсен реализовал позиционное преимущество (турнир в Пальма де Майорка, 1967 год).

Л. ПОРТИШ



Б. ЛАРСЕН

29... Лc7—d7 30. Лd2—c2 Лd7—d3 31. f3—f4 Ce7—c5 32. Кpg1—f1 Кpe8—d7 33. Кpf1—e2 Лd3—d4 34. Кc4—d2 Кpd7—c6 35. Кd2—f3 Лd4—d7 36. Кf3—g5 h7—h6 37. Кg5—e4 Лd7—d5 38. a2—a4! Кpc6—b6 39. f2—f3 a6—a5 40. Лc2—c1 Cc5—e7 (Черные уже в цугцванге и должны пропустить ладью. Дело в том, что после 40... Кpc6 41. Кd6 f6 42. Кc4 теряется пешка.) 41. Лc2—c8 Лd5—d7 42. Лc8—g8 f7—f5 43. Кc4—d2 Ce7—c5 44. Лg8—c8 Лd7—c7 45. Кd2—c4 + Кpb6—b7 46. Лc8—e8 Cc5—e7 47. Лe8—g8 Ce7—c5 48. Кc4 : a5 + Кpb7—b6 49. Кa5—c4 + Кpb6—c6 50. Лg8—e8 Лc7—e7 51. Лe8—b8 Лe7—d7 52. Кc4—a5 + Кpc6—c7 53. Лb8—b7 + Кpc7—c8 54. Лb7—b5 Лd7—c7 55. Кa5—b7 Черные сдались.

Все четыре матча представляют огромный спортивный и творческий интерес, но можно предполагать, что особенно большая доза перца будет вложена в поединок Б. Ларсен — Л. Портиш.

* * *

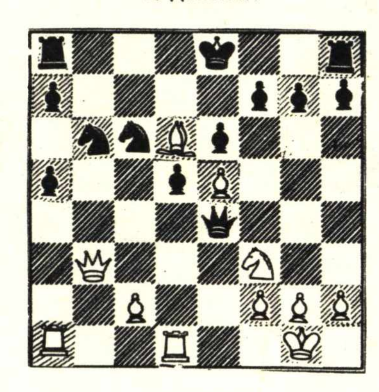
М. Таль — С. Глигорич на территории Югославии! Трудное положение будет у некоторых югославских болельщиков. Конечно, неоднократный чемпион Югославии ближе, но ведь Таль является кумиром югославской публики.

В этом матче тяжело придется обоим, но нам кажется, что задача М. Таля сложнее, потому что от Таля всегда ждут чего-то особенного, а если проиграет С. Глигорич, к нему претензий не будет. Успех Таля будет зависеть от его физической формы, которая за последние годы, увы, не на высоте.

В Харькове и Бевервийке Таль подчас слишком сильно рисковал и экспериментировал. Экс-чемпион мира, вероятно, расценивал эти выступления как важный этап своей подготовки к турниру претендентов. Все эти эксперименты не всегда увенчивались успехом, но известно, что Таль в шахматной партии не забывает о зрителях, и — проигрывает он или выигрывает — любителям шахмат никогда не бывает скучно. Когда же Таль получает «свою позицию», он создает шедевры, жемчужины шахматного творчества.

Такой шедевр М. Таль создал в Бевервийке в его встрече с И. Доннером.

И. ДОННЕР



М. ТАЛЬ

В позиции, изображенной на диаграмме, последовал блестящий удар.

20. c2—c4!! ...

Отлично сыграно! Таль жертвует третью пешку, чтобы вскрыть линии и диагонали для своих фигур против застрявшего в центре короля черных: 20... Фe4 : c4 21. Фb3—a3 Фc4—a6 22. Лa1—c1 Лa8—c8 23. Кf3—d2 f7—f6 24. e5 : f6 g7 : f6 25. Фa3—f3 Кpe8—d7 (Защитить такую позицию трудно, особенно против М. Таля. Любопытно, что голландскому гроссмейстеру на шесть ходов раньше его позиция так нравилась, что он даже предложил ничью.) 26. Фf3 : f6! Лh8—e8 27. Кd2—e4 Кc6—e7 28. Кe4—c5 + Лc8 : c5 29. Cd6 : c5 Кb6—c4 30. Cc5 : e7 Черные сдались, ибо на 30... Л : e7 решает 31. Л : d5 +.

Итак, шахматный мир надеется, что М. Таль к началу турнира будет в добром здравии, чтобы не повторился Кюрасао 1962 года, когда ему пришлось выйти из турнира по болезни.

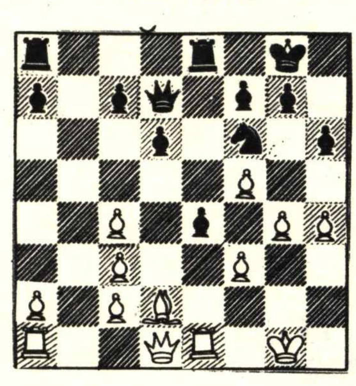
* * *

Громадный турнирный и матчевый опыт у С. Глигорича, сильнейшего югославского гроссмейстера, неоднократного участника турнира претендентов. В Тунисе Глигорич выступал очень уверенно и был единственным участником, прошедшим весь длинный путь без проигрыша.

М. Таль должен учесть, что его соперник в настоящее время в отличной спортивной форме и очень серьезно подготовлен к борьбе. Одним из этапов подготовки Глигорича был тренировочный матч с голландским гроссмейстером И. Доннером, которого Глигорич победил с крупным счетом 6.5—3.5.

С. Глигорич часто настроен миролюбиво, но, когда его задевают, он энергично контратакует, как показывает его партия с канадцем Д. Саттльсом (турнир в Тунисе, 1967 год).

С. ГЛИГОРИЧ



Д. САТТЛЬС

В этой позиции Д. Саттльс, очень опасный тактик, ошибочно полагал, что может переходить к штурму позиции Глигорича, и сыграл: 19. g4 — g5 Фd7 : f5! (Но жертвой фигуры Глигорич сам захватил инициативу и в несколько ходов загнал короля белых в матовую сеть.) 20. g5 : f6 e4 : f3 21. Кpg1 — f2 Лe8 — e2 + 22. Лe1 : e2 f3 : e2 + 23. Кpf2 : e2 Фf5 — g4 + 24. Кpe2—f1 Фg4—h3+ 25. Кpf1—g1 Фh3 — g3 + 26. Кpg1 — f1 Лa8 — e8 27. Cd2—e1 Фg3—h3+ 28. Кpf1—f2 Лe8 — e6 29. Фd1 — d3 Фh3 — h2 + 30. Кpf2—f3 Лe6 : f6 + 31. Кpf3—e3 Фh2 — g2 32. Фd3 — d5 Лf6 — e6 + 33. Кpe3—f4 Фg2—f1+ 34. Кpf4—g3 Лe6 — e3 + Белые сдались.

* * *

В. Корчной только недавно узнал имя своего соперника: С. Решевский. Но ленинградский гроссмейстер не дремал: все равно, с кем играть — с В. Гортом, Л. Штейном или С. Решевским, а готовиться необходимо — таково было его мнение.

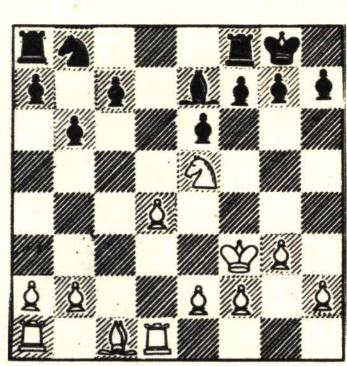
После утомительного межзонального турнира Корчной вылетел на турнир в Бевервийк. Можно сказать, что со времени блистательных выступлений А. Алехина шахматный мир не видел такой превосходной игры. После 8 туров Корчной имел 8 из 8! Среди побежденных оказались М. Бобоцов, который в московском турнире не проиграл ни одной партии, четыре югославских гроссмейстера (А. Матанович, Б. Ивков, Н. Караклаич, Д. Чирич), Н. Падевский (Болгария), Н. Россолимо из США и М. Таль! В. Корчной перестал свирепствовать лишь тогда, когда проиграл Л. Портишу. Только после этого он потерял шанс побить свой же рекорд, установленный им в Дюла в 1965 году, где ленинградский гроссмейстер набрал 14,5 из 15 возможных. И все же в Бевервийке В. Корчной оторвался на три очка (!) от ближайших конкурентов — В. Горта, Л. Портиша и М. Таля.

Корчной издавна славится как исключительно смелый шахматист с универсальным стилем игры, не знающий компромиссов, с кем бы он ни играл. В матче Москва — Ленинград Корчной проиграл две партии В. Смыслову, но выиграл две партии у Т. Петросяна.

Шахматный мир, несомненно, приветствует участие Корчного в турнире претендентов. С ним наверняка скучно не будет, ведь он славится своим упорством и мужеством в защите, своим энергичным, сокрушительным контрнаступлением. Но, изучая партии Корчного из турнира в Бевервийке 1968 года, можно увидеть почти нового Корчного, знатока эндшпиля. Сегодняшний Корчной начинает действовать в позициях, в которых другие уже соглашаются на ничью. В этом стиле он и победил таких сильных практиков, как А. Матанович, Б. Ивков и другие.

Выдающийся результат Корчного в Бевервийке говорит о том, что ленинградский гроссмейстер в отличной форме. Характерна для сегодняшнего В. Корчного следующая партия, в которой он победил Б. Ивкова.

В. КОРЧНОЙ



Б. ИВКОВ

Согласитесь, уважаемый читатель, что почти любой гроссмейстер в такой скучной позиции согласился бы на ничью. Но не такой человек В. Корчной. Он приступает к борьбе и... побеждает. Приводим ходы без комментариев:

15... f7—f6 16. Кe5—d3 Кb8 — c6 17. Кd3 — f4 e6 — e5 18. Кf4 — e6 Кc6 : d4 + 19. Кe6 : d4 e5 : d4 20. Лd1 : d4 Лf8 — d8 21. Лd4 : d8 + Лa8 : d8 22. Cc1 — e3 Кpg8 — f7 23. a2 — a4 Кpf7 — e6 24. g3 — g4 Лd8 — d5 25. Лa1 — c1 c7 — c5 26. b2 — b3 Ce7 — d6 27. h2 — h3 g7 — g6 28. Кpf3 — e4 Cd6 — e5 29. Лc1 — c4 Лd5 — d1 30. Лc4 — c1 f6 — f5 + 31. g4 : f5 + g6 : f5 + 32. Кpe4 — f3 Лd1 : c1 33. Ce3 : c1 Кpe6—d5 34. Cc1—g5 a7—a6 35. Cg5—d8 b6 — b5 36. a4 : b5 a6 : b5 37. Cd8 — a5 c5 — c4 38. b3 : c4 + Кpd5 : c4 39. e2 — e4 f5 : e4 + 40. Кpf3 : e4 Ce5 — c3 41. Ca5 — d8 b5 — b4 42. Cd8 — e7 b4 — b3 43. Ce7 — a3 Cc3 — g7 44. f2 — f4 Кpc4 — c3 45. f4 — f5 Кpc3 — c2 46. Кpe4 — d5 Cg7 — f8 47. Ca3 : f8 b3 — b2 48. Кpd5 — e6 b2 — b1Ф 49. f5—f6 Фd1—b3 + 50. Кpe6—e7 Фb3 : h3 51. f6 — f7 Фh3 — a3 + 52. Кpe7—e8 Фa3—a4+ 53. Кpe8—e7 Фa4—b4 + 54. Кpe7—e8 Фb4—b8 + 55. Кpe8 — e7 Фb8 — e5 + 56. Кpe7 — d7 Фe5 — f6 57. Кpd7 — e8 Фf6 — c6+ 58. Кpe8 — e7 Фc6 — g6 59. Кpe7—e8 Кpc2—b3 60. Cf8—e7 Кpb3 — c4 Белые сдались.

* * *

С. Решевский уже в шестилетнем возрасте выступал с сеансами одновременной игры. Таким образом, у гроссмейстера шахматный стаж 50 лет! Маловероятно, что он сможет еще стать чемпионом мира, но сам факт, что ровесник М. Ботвинника с таким упорством, задором и энергией рвался и прорвался в турнир претендентов, заслуживает удивления и уважения.

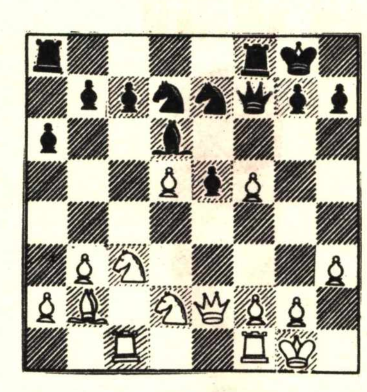
С. Решевский, разумеется, не может заменить Р. Фишера в турнире претендентов, но было бы ошибочно недооценивать американца. Решевский — отличный стратег и техник.

Если В. Корчной играет первый в своей практике матч, то С. Решевский силен именно в матчевой борьбе. Он сам считает, что его в матче победить нельзя. Несколько лет тому назад Решевский сыграл матч из 16 партий с Р. Фишером. После 11 партий матч был скандально прерван при ничейном счете 5.5—5.5, потому что Решевский не играл по субботам, и тогда Р. Фишер отказался играть по воскресеньям.

За последние годы Решевский очень часто заканчивает свои партии вничью. В Лос-Анжелесе он сделал с В. Гортом и Л. Штейном по 4 ничьи — результат, который оказался достаточным для американца, чтобы стать восьмым участником турнира претендентов. Надо полагать, что именно Корчной является подходящим партнером, чтобы успешно бороться с ничейной тактикой С. Решевского.

На следующем примере можно видеть, как отличный стратег С. Решевский быстро наказывает своего противника за позиционные погрешности (турнир в Тунисе, 1967 год).

Л. БАРЦАИ



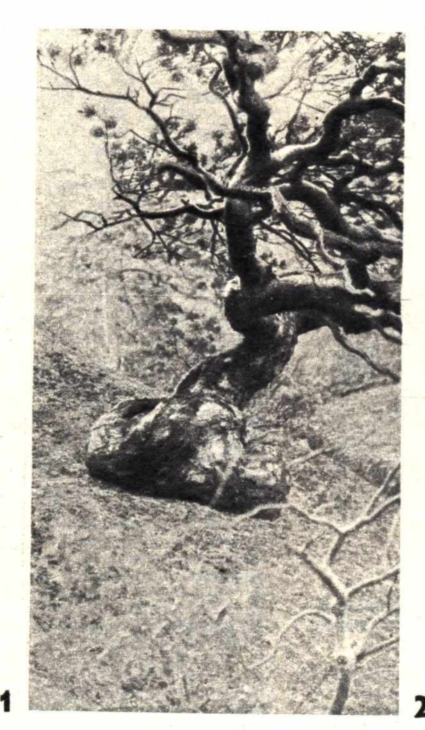
С. РЕШЕВСКИЙ

Игра продолжалась так: 18. Кd2—e4 Кe7 : f5 19. Кe4 : d6 c7 : d6 20. Кc3 — e4 Фf7 : d5 21. Лc1 — c7 Кd7 — f6 22. Кe4 : f6 + Лf8 : f6 23. Лf1 — d1 Фd5 — a5 24. Лc7 : b7 h7 — h6 25. Фe2 — c4 + Кpg8 — h8 26. a2 — a4 Лa8 — f8 27. Cb2 — c3 Фa5 — d8 28. Cc3 : e5 Лf6 — g6 29. Ce5 — f4 Фd8 — f6 30. Фc4 — e4 Кf5 — h4 31. Cf4 — g3 Лg6 : g3 32. f2 : g3 Фf6 — f2 + 33. Кpg1 — h1 Кh4 — f5 34. Фe4 — g4 Лf8 — g8 35. Фg4 — f3 Черные сдались.

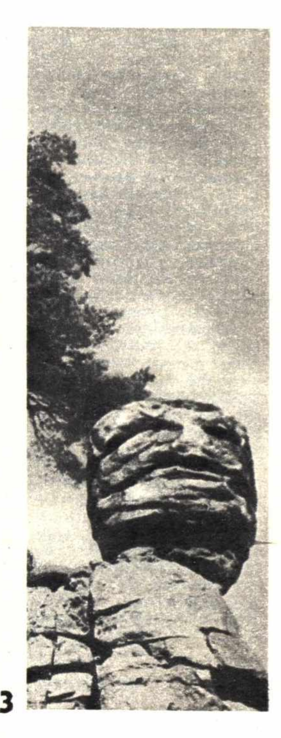
* * *

Итак, восьмерка гроссмейстеров, мечтающая сыграть матч на первенство мира, продолжает свой путь. Сегодня чемпион мира Т. Петросян еще должен считаться с восемью вариантами. Но окончится первый этап борьбы претендентов — четвертьфиналы, и угадать имя претендента станет значительно легче. Какими бы сильными ни были участники турнира, четверо неизбежно «вылетят».

? СТО ТЫСЯЧ ПОЧЕМУ ?


1


2


3

ПРИРОДА — СКУЛЬПТОР

Читатели Л. Митрофанов из Полтавы, В. Аксенова из Краснодара, И. Кошуба из Самарканда и другие просят рассказать, встречаются ли в природе деревья, скалы и камни, которые по своей удивительной красоте и выразительности очень похожи на произведения, созданные человеком.

Мы побывали у народного художника Советского Союза Сергея Тимофеевича Коненкова.

Окруженный своими чудесными творениями из дерева, скульптор с интересом всматривается в принесенные нами снимки. Сразу же обращает внимание на то, какую неистребимую силу сопротивления бурям воплотила в себе сосна Баян-Аульского оазиса Казахстана и как мастерски подсмотрел в ней эту неукротимость читатель А. Зубенко (фото 1). Мы припоминаем великолепную скульптуру «Буря», находящуюся в Париже, которую создал француз Рауль Лярш (фото 2). Действительно, в этом произведении есть что-то общее с казахстанской сосной.

Сергей Тимофеевич говорит о красотах родной природы:

— Теперь, как никогда, надо поэтически воспевать величие, яркость и очарование нашей природы.

Недаром знаменитый французский скульптор Огюст Роден учил познавать красоту и изумительное разнообразие ее форм у плывущих в небе облаков. Вот в чем поистине чудесное зрелище бессмертной природы! — воскликнул Сергей Тимофеевич.— Я очень рад, что ваш журнал на своих страницах показывает красоту нашей страны. Отрадно видеть снимок читателя Ю. Бычкова-Поморцева, который запечатлел глыбу гранита, похожую на сфинкса, да еще в таком выразительном соседстве с раскидистой сосной (фото 3). Очень хороши каменные портреты, созданные самой природой: их удачно подсмотрели читатели В. Вигуржинский из Якутской АССР (фото 4 и 5) и Н. Мустафаев из Азербайджана (фото 6).

Заканчивая беседу, Сергей Тимофеевич напутствует читателей:

— Наступает вскоре сезон больших отпусков, массовых туристических походов. Пусть же новые знакомства с родной природой принесут на страницы журнала новые, самые неожиданные и редчайшие фотографии всего самого интересного и красивого, чем богата наша великая страна.

П. ЧУМАК

4



5




6

ПОДАРОК МАТРОСА



«В краеведческом музее Сочи можно увидеть огромного омара. Его привез из Мурманска в подарок матрос Олег Воронин. На снимке он со своей дочерью Викой»,— пишет нам читатель Ф. Виноградский.

Прочитав это письмо, старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии кандидат технических наук Н. И. Рехина сказала: «Мясо омаров, как и крабов, пользуется большим спросом во всех странах. Из него приготовляют очень вкусные салаты и другие блюда. Встречаются омары довольно крупные — длиной до полметра и весом до одиннадцати килограммов. Наибольшее количество их добывают у скалистых берегов Норвегии, Швеции, Шотландии, попадаются они и у северных берегов нашей страны».

Фото А. Худякова.

ГОВОРЯЩАЯ СОРОКА

«Вот уже скоро двенадцать лет исполнится, как живет у нас сорока. Мы взяли ее еще птенцом. Через шесть месяцев сорока вдруг заговорила человеческим голосом. Первое время она жила на дереве под окном и прилетала, когда ее звали: «Сарочка! Сара!» Мы очень привыкли к ней и пригорюнились, когда она пропала. Спустя полгода вечером мы вдруг услышали громкий стук в окно. Как же мы обрадовались: ведь это же Сарочка вернулась к нам! Открыли форточку, и она влетела в комнату. С того времени мы уже не расстаемся с ней.

Часто приходят к нам дети, школьники и даже взрослые — целые экскурсии, чтобы послушать говорящую сороку. И вот раздается ее чистый голос: «Сарочка, дорогая... хорошая птичка!» Дети хохочут. Она продолжает: «Сильва... Сильва, пошла вон!» Такая была у нас собака. Потом зовет мою дочь, с которой очень дружит: «Майя... Майя, иди, иди сюда!» А иногда заискивающе спрашивает: «Сара, пойдем?» И сама отвечает: «Пойдем». После разговора прихорашивается.

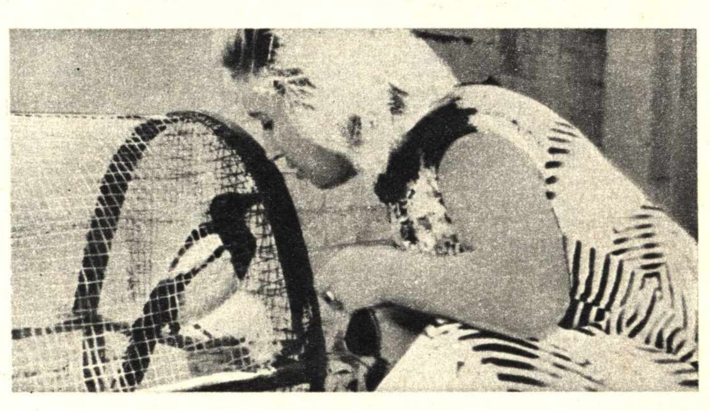
Сорока живет в клетке — летом на крыльце, а зимой в кухне. Она любит слушать музыку по радио. Особенно нравится ей, когда Майя бегает за ней по комнатам, а потом она гоняется за Майей, догонит ее, сядет на руки и хлопает крыльями: довольна. Дочь гладит ее. Сорока еще чирикает и лает. Иногда она резко кричит: «Майка!» Тогда я говорю ей: «Сарочка, нельзя ругаться». Она как бы в ответ тихо произносит: «Майя». Можно подумать, что она мыслит».

О своей говорящей сороке написала нам М. Д. Штеллер из города Мелитополя.

Мы показали ее письмо орнитологу, доценту МГУ Константину Николаевичу Благосклонову.

«Какие птицы могут говорить? — стал перечислять он.— Кроме попугаев, великолепно говорят священные майны, обитающие в Индии. Есть в Ленинграде майна, которая выступала по телевидению, и в московской клинике профессора А. А. Вишневского тоже живет майна — она развлекает больных. Могут также хорошо говорить: ворон, ворона, скворец, грач.

Вообще птицам свойственно подражать всяким звукам. Мелодии некоторых пернатых почти целиком состоят из заимствованных звуков. Например, скворец воспроизводит скрип телеги, свист паровоза, мяуканье кошки, кудахтанье курицы и многие другие звуки. Сорока сначала улавливает общее звучание человеческой фразы, а если отчетливо произносить отдельные слова, то она легко повторяет их. Но понимают ли птицы смысл произносимых слов? Да, можно допустить, что в какой-то мере понимают; они воспроизводят нужные звуки, например, когда хотят есть».



ГОСТИ АТЛАНТИКИ



«Наш рыболовный траулер «Анчар» находился в юго-восточной части Атлантического океана. Однажды — это было вблизи берега Африки, на двадцатом градусе южной широты,— к нам по слипу пытались взобраться два пингвина. Мы подняли их на палубу. Пингвины прожили у нас сутки. Одного из них мы сфотографировали, а затем отпустили пернатых гостей в океан. Не раз вспоминали мы их и даже спорили, как они могли очутиться так далеко от берегов Антарктиды. Разрешите, пожалуйста, наш спор»,— попросил в своем письме электрик «Анчара» В. Воробьев.

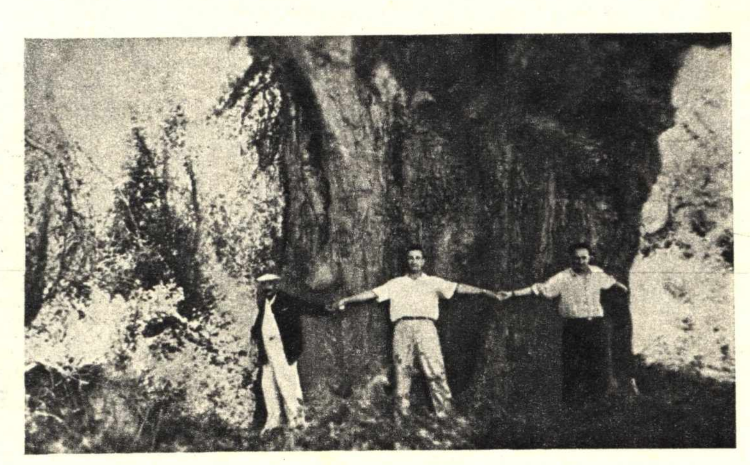
Мы вручили его письмо заведующей отделом орнитологии Зоологического музея МГУ кандидату биологических наук А. М. Судиловской. «Судя по фотоснимку,— ответила она,— это молодой, еще не совсем сформировавшийся очковый пингвин. Пингвины этого вида ежегодно отправляются на гнездовье. Они заплывают далеко на север, продвигаясь вдоль побережья Западной Африки, и достигают семнадцатого градуса южной широты. Их можно увидеть в Китовой бухте, а зимой, во время миграции, встретить еще севернее. Магеллановы же пингвины гнездятся на Галапагосских островах, то есть почти у самого экватора. Несомненно, что миграции пингвинов на север способствуют южные холодные течения».

ТОПОЛЬ-ВЕЛИКАН

«На пути сооружения канала Варваринской гидроэлектростанции в Азербайджанской ССР оказалось огромное дерево, называемое местными жителями «белолистной». Ствол его в обхвате достигал почти двадцати метров. Жалко было срезать такое величественное дерево. Об этом сообщил телеграммой в проектный институт старший прораб Б. И. Иванов. Немедленно выехал на место главный инженер института А. Н. Бануев. Мы решили провести канал в обход дерева. И теперь дерево возвышается как живой памятник старины»,— рассказал в своем письме читатель Г. М. Габриелян.

Письмо было направлено нами во Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Кандидат сельскохозяйственных наук Г. И. Матякин уточнил название дерева: «Это белый тополь, он удивительно красив и быстро растет, образуя широкую, тенистую крону. Отрадно слышать, что руководители строительства канала сберегли такое редкое дерево».

Фото Г. Габриеляна.

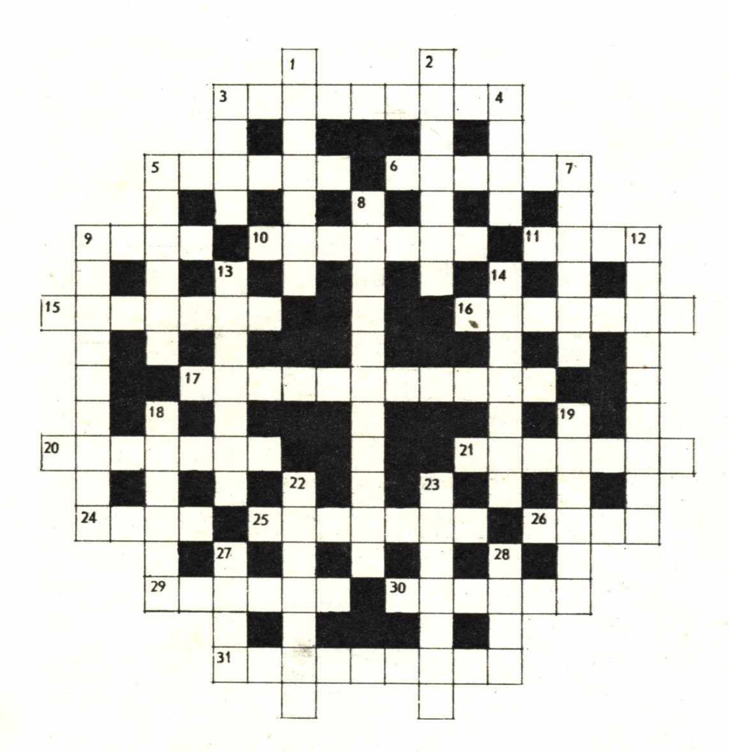


ДРОВА РАСТУТ...

Эти дрова покрылись буйными ростками после того, как прошли многодневные обильные дожди и установилась теплая солнечная погода. И все же почему дрова зазеленели, пожелал узнать читатель И. Черепанов из г. Болграда, Одесской области.

«А потому,— ответил профессор Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева Владимир Петрович Тимофеев,— что на этих отрезках дерева еще оставались живые почки. Они и стали расти и развиваться за счет воды, пропитавшей дрова, и питательных веществ, накопленных в древесине. Этому способствовала теплая погода. Обычно ростки засыхают, так как дрова не могут заменить им почву».





КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Балет советского композитора А. Крейна. 5. Порт Бразилии на Атлантическом океане. 6. Советский писатель. 9. Искусственный водоем. 10. Степная рысь. 11. Остров в Восточно-Сибирском море. 15. Породообразующий минерал. 16. Вертикальная опора здания. 17. Часть речи. 20. Пролив между Апеннинским и Балканским полуостровами. 21. Землеройно-транспортная машина. 24. Автор панорам «Оборона Севастополя» и «Бородино». 25. Озеро в Венгрии. 26. Старинная русская мера длины. 29. Очертание предмета. 30. Персонаж пьесы М. Горького «Васса Железнова». 31. Ягода.

По вертикали:

1. Приток Енисея. 2. Город в Иране. 3. Ученый, открывший закон выделения тепла электрическим током в проводниках. 4. Спутник Сатурна. 5. Комедия Мольера. 7. Валяная шерсть. 8. Русская плясовая песня. 9. Осветительный прибор. 12. Типографский шрифт. 13. Река в Казахстане. 14. Украинский духовой музыкальный инструмент. 18. Гора на Кавказе. 19. Рыба из рода сигов. 22. Народный поэт Дагестана. 23. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». 27. Травянистое эфирномасличное растение. 28. Денежная единица Японии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

4. Аккордеон. 7. Экстракт. 9. Айтматов. 11. Ротор. 14. Кассета. 16. Анапест. 17. Каравай. 18. Фланель. 19. Стапель. 20. Тасеева. 23. Штраус. 25. Декрет. 26. Мажор. 28. Мансарда. 29. Ацетилен. 30. Терракота.

По вертикали:

1. Байдарка. 2. Гранат. 3. Антитеза. 5. Струма. 6. Марина. 8. Константина. 10. Определение. 12. Перекат. 13. «Тачанка». 15. Балет. 21. Азамат. 22. Витраж. 24. Сорренто. 25. Дагестан. 27. Журнал.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10, Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00394. Сдано в набор 25/III-68 г. Подписано к печ. 9/IV-68 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 594. Заказ № 785.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Художник создает платье



Процесс создания новой модели сложен. Прежде всего надо выбрать материал. Но не так просто среди обилия расцветок, рисунков найти именно то, что соответствовало бы замыслу. Затем начинается графическая часть работы — художник рисует эскизы, ищет. И, наконец, из многочисленных эскизов выбирается тот, к которому, казалось бы, ничего нельзя добавить. После этого художник становится скульптором, а ткань — материалом его творчества.

Лина Телегина больше всего любит работать темперой, которой владеет свободно, гибко, свежо; увлекается живописью. Художник Общесоюзного Дома моделей, она создает вещи различного характера и назначения. И все-таки есть у нее своя индивидуальная линия, своя любимая тема. Это нарядный костюм, туалет для праздника, вечера, театра. В нем ярче всего проявляется индивидуальность человека, его вкус, его темперамент.

При создании нарядных платьев и костюмов художница в основном использует мотивы русской народной одежды. Вот что она говорит об этом: «Совсем еще недавно национальную одежду носили не по праздникам, а каждый день. Значит, не разобравшись в характере этой одежды, трудно найти путь к современному костюму. Эта мысль заставила меня серьезно заняться народной одеждой. Книги, альбомы с народными костюмами, работа в музеях занимает большую часть времени. Но использовать народные мотивы не так просто. Повторить нельзя — получится этнография, а механически включить отдельные элементы — современный костюм становится фальшивым и надуманным. Остается одно — глубокое изучение народной одежды».

Художница обладает тонким восприятием цвета, поэтому ее модели всегда изысканны по колориту, покоряют ясностью, лаконизмом.

Как художника-модельера ее характеризует ярко выраженное чувство целого, чувство стиля. Все детали и дополнения создаваемых ею моделей строго согласуются между собой, ничего лишнего.

Модели отличает главное — элегантность. Порой они кажутся несколько смелыми, но никогда не переступают грани, отделяющей вкус от безвкусицы, которую иной раз склонны называть экстравагантностью. С 1961 года Телегина принимала участие в создании коллекций моделей для всех международных выставок, на которых представлен был Общесоюзный Дом моделей. За новейшую коллекцию одежды, продемонстрированную на Первом московском международном фестивале мод, она получила диплом. А недавно ее приняли в члены Московского союза художников.

Последняя большая работа художницы — коллекция моделей по заказу американской текстильной фирмы.

На 4-й странице обложки предлагается несколько моделей Л. Телегиной «После пяти» (так принято называть нарядные и вечерние платья). Это и короткое платье для театра и концерта и нарядные костюмы для улицы, в которых мы отправляемся в гости, на прогулку. А весенним днем нам рекомендуют носить платья-пальто. Шьют их из плотного материала, силуэт свободный, прямой или расширенный. На улице платье-пальто можно носить со шляпкой или беретом, шарфом, перчатками.

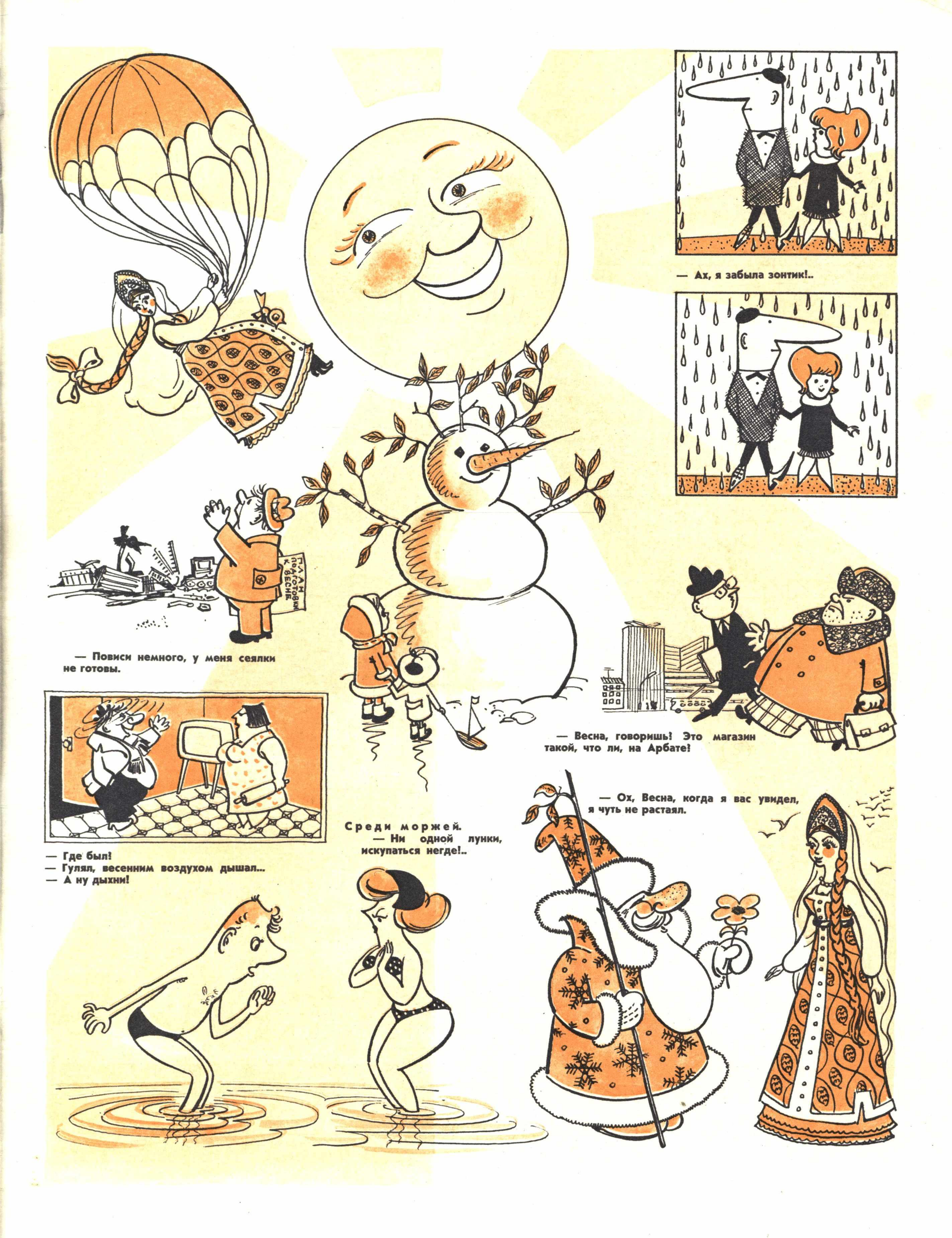
Надежда **КОНДРАТЬЕВА**

На первой странице обложки: Они кормят и одевают нас. Вверху — Светлана Темненкова, швея-мотористка фабрики «Красная швея»; Максим Бякерев, мастер-кондитер фабрики «Большевик»; Валентина Гусева, аппаратчица Останкинского молочного комбината; в центре — А. Асланов, главный пивовар завода имени Бадаева; Лидия Варгина, продавец игрушек «Детского мира»; Н. Гусаков, повар фабрики-кухни № 19; внизу — Мария Набатова, заготовщица обувной фабрики имени Капранова; Геннадий Петров, мастер-закройщик фабрики № 10 Краснопресненского района Москвы.

Фото Г. МАКАРОВА и М. САВИНА.



Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.



— Ах, я забыла зонтик!..

— Повиси немного, у меня сеялки не готовы.

— Весна, говоришь! Это магазин такой, что ли, на Арбате!

— Где был!
— Гулял, весенним воздухом дышал...
— А ну дыхни!

Среди моржей.
— Ни одной лунки, искупаться негде!..

— Ох, Весна, когда я вас увидел, я чуть не растаял.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663





Фото
Э. КРАСТОШЕВСКОГО

